

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по проблемам курдоведения)
1989
Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по проблемам курдоведения)
1989
Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Н.В.Елисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).

Ответственный редактор:

О.Ф.Акимушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи настоящего сборника посвящены достаточно широкому кругу вопросов курдоведения. В них рассматриваются различные аспекты истории курдского языка и его диалектов, культуры и литературы, истории курдов и этнографии, источниковедения и историографии. В их основе лежат доклады, прочитанные на заседании Группы курдоведения ЛО Института востоковедения АН СССР, посвященном 80-летию крупнейшего советского ученого-курдоведа доктора филологических наук, действительного члена Курдской Академии наук в Ираке Каната Калашевича Курдоева (12.09.1909-31.10.1985), как его непосредственными учениками и младшими коллегами, так и теми специалистами, для которых его труды послужили как бы путеводной нитью в их первых шагах на стезе курдоведения. В значительной степени темы этих сообщений перекликаются с многоаспектными научными интересами К.К.Курдоева, который будучи лингвистом, превосходным знатоком курдского языка и курдских диалектов, живо и горячо интересовался также традициями устной и письменной культуры курдов, их историей и мировоззрением, их бытом и религиозными взглядами. Этот сборник - благодарный дар памяти ученому, внесшему столь весомый и значительный вклад в развитие различных направлений курдоведения как науки и особенно в становление ленинградской школы курдской филологии: именно К.К.Курдоев организационно оформил эту школу, организовав в 1959 г. при поддержке и по инициативе своего учителя академика И.А.Орбели Группу курдоведения, общепризнанным лидером и руководителем которой он был со дня ее основания и до последнего дня жизни.

О.Ф.Акимущин

ТРАУРНЫЕ ЭЛЕГИИ В ЛИРИКЕ КУРДСКОГО ПОЭТА МАУЛАВИ

Крупнейший курдский поэт XIX в. Абдурахим Саид Маулави (1806–1882) писал свои стихи на диалекте горани. Диалект горани, сформировавшийся в течение нескольких веков (XIV–XIX вв.) официальным языком курдского Ардаланского княжества и имевший распространение также во многих районах Иранского и Восточного Курдистана, уже с XIV века был языком развитой поэзии и религиозно-дидактической литературы. Памятники средневековой литературы на горани позволяют проследить богатую многовековую художественную литературу курдского народа.

Литературное наследие на горани еще мало изучено. Не получило исследования и творчество самих крупных поэтов, представляющих эту литературу. В числе неизученных поэтов, писавших на диалекте горани, остается до настоящего времени и Маулави, хотя к поэтическому творчеству этого поэта – одной из блестящих страниц курдской лирической поэзии – неоднократно обращались известные курдские поэты и литераторы.

Диван Маулави^I включает в себя три неравных по объему раздела: фарды – 31 стихотворение (31 бейт), дубейты – четверостишия – 39 стихотворений (78 бейтов), газели – всего 213 стихотворений (общим объемом в 2319 бейтов). Основную часть Дивана, как видим, составляет газели.

Следует сказать, что у истоков горанской газели – не арабско-персидское стихотворение, а народное песенное поэтическое искусство курдов. Газели на горани написаны, как и другие поэтические произведения, не арузом, а силлабическим – фольклорным – стихом. Для них характерен один и тот же размер – десятисложник с паузой посередине, типичный стиховой метр народных горанских песен. В отличие от арабско-персидской газели, представляющей собой монорифмическое стихотворение, горанские газели написаны парнорифмующимися даустиями.

Маулави принадлежит особая роль в развитии курдской газели. Именно в его творчестве газель значительно расширила тематические рамки, обрела философскую весомость и богатую палитру художественно-выразительных приемов.

Газели Маулави – это стихотворения, как правило, от пяти

до одиннадцати бейтов. Встречаются газели и в три бейта и длинные - в тридцать бейтов и больше.² Значительную часть газелей Маулави составляют траурные элегии, анализу которых и посвящена настоящая статья.

Элегии Маулави следует отнести к категории философской лирики. В строках этих стихов - стремление поэта проникнуть силой разума за черту земного существования, осмыслить пределы жизни и таинство смерти, принять предопределенность вечных разлук с любимыми. Поэт выражает традиционные для курдской классической поэзии идеи суфийского пантеистического мировоззрения, в котором любимая - теос, а теос растворен в природе, тождественен ей.

Следует отметить, что в отличие от средневековых, официальных плачей, сочиненных по заказам высокопоставленных особ, в новое время элегии на смерть родственников, близких друзей и знакомых представляют собой чисто лирическую поэзию. То же самое можно сказать и об элегиях Маулави, как бы опередивших время.

Маулави написал 28 элегических газелей. Ниже приводятся имена людей, на кончину которых поэт написал свои траурные стихотворения: это - Анбар-хатун жена поэта (8 газелей); Абдурахман сын хаджи Махмуд Ярвайса (7 газелей); джафские бекзаде (5 газелей). По одной элегии поэт сочинил следующим лицам: это - шейх Абд ас-Самад Ханага, шейх Абдурахман Талабани; шейх Али Тавела, сын поэта Мухаммеда, богослов; Ахмед Бек Комаси.

Маулави написал девять стихотворений: один фард и восемь газелей на смерть жены. Смерть Анбар-хатун³ была одной из самых тяжелых утрат, постигших Маулави в жизни: почти треть из написанных им траурных элегий (9 из 28) оплакивают кончину жены. Момент смерти Анбар-хатун запечатлен в фарде. Стихи лаконичны, как горестное восклицание:

Казаны [с водой для омовения] стоят в ряд, кирка [роющая могилу] мелькает в воздухе ...

О горе! Твой нежный стан теперь по ночам пребывает в одиночестве!

(135, с. 36)

Вскоре после погребения написаны две газели - плач по покинувшему поэта другу. Газели "Ранняя весна этого года" (в 7 бейтов) и "О душа моя, опьяненная вином любви" (в 26 бейтов), сходны по логической структуре, по развитию лирического настроения. В них различаются две тематические части. Начальные строки обеих газелей - безысходная тоска, чувство скорби у свежей могилы - поражает реалистичностью красок и силой эмоционального воздейст-

вия:

О душа моя, опьяненная вином любви к Лейли!
Ты познала тайны, скрытые в ее могиле.
Ты, свившая себе гнездо в черных благоуханных кудрях
любимой,
Неразлучна с ней в ее каменном пристанище.
Подобно мотыльку, ты кружишь над могилой моей желанной,
Как весть о моем горе ...

(Д., с. 205)

Ранняя весна этого года похожа на холодную осень,
Уносит в горы лепестки роз из сада Ма'дума.
Должно быть счастье мое в чем-то провинилось,
Иначе - кто и когда видел? - чтобы весной цветы осыпались?
(Д., с. 45-46)

Вторая часть, как первой, так и второй газели, - стремление найти жизненную опору в сознании непреложности извечного закона человеческого существования. "О, Ма'дума! - говорит, обращаясь к себе поэт, - смерть приходит и смывает своей волной /равно/ и мудреца и невежду ... Зачем же ты сковал ноги цепью горя? Пристало ли разумному терять рассудок?" (Д., с. 209).

Элегии на смерть жены поэт пишет и в последующие годы. Траурная тема расширяется и развивается. В стихах нет однообразия, в них - широкий спектр чувств и раздумий. Одно из лучших стихотворений - овеянная глубокой печалью следующая газель:

О как жестока боль разлуки с тобой!
Сердце исколото шипами нового страдания.
Куда ни гляну - вижу одно - тебя,
Сердце, как волоочильная доска, наматывает на себя скорбь
и боль.

Взойдет на небе молодой месяц - в душе смятенье,
Он - как изгиб твоих бровей.
Нет покоя ночной порой, нет вдохновенья днем -
Ночь вызывает в памяти твои кудри, день - твое лицо.
Самшит, нарциссы, луговая фиалка - что ни увижу, -
Самшит напоминает твой стан, нарциссы - твои томные глаза,
фиалки - твои пленительные родинки.

Так пой, певец, один лад, - боль неисцелима,
Дай чашу вина, виночерпий, любимая ждет меня!

(Д., с. 234-236)

Под пером большого художника эти господствовавшие в его время суфийские представления воплощаются в образы живых, по су-

ществу глубоко реалистичных. Поэт воспринимает жизнь в движении, в бесконечных сменах ее материальных проявлений, в их гибели и возрождении. Главная мысль этих траурных философских элегий: земная смерть не означает полного исчезновения, образ возлюбленной — ее красота во множестве эманаций (джильва) — нетленна, широко разлита в природе, она — перед глазами любящего:

Эманациям любимой нет предела.

Сегодня существует одна эманация, завтра другая

(Д., с. 209)

Вот строки из газели "Твоя смерть как буря горя в моем сердце":

... Стан, лицо, родинки и кудри Лейла,
Как семена кипариса, роз, фиалок и базилика.
Садовник смерти оберегает их в земле,
Дабы — было бы у Кайса терпение, —
Он дождался, что однажды в одну из весен
Все вырастит и украсит землю

(Д., с. 389)

Художественные образы в этом лирическом цикле не традиционны, конкретно-реалистичны:

Караван печали так много ходил по горным тропам моего
сердца,

Что они стерлись и превратились в камень.

Ноги горя уже не в силах удержаться на них ...

(Д., с. 388)

Или:

Нине глаза моего сердца, любящего тебя без предела,
Идут тебя в глубине моих слез ...

(Д., с. 56)

Стихи чрезвычайно мелодичны, отмечены особой звуковой организацией. Вот пример: в приведенном выше четверостишье "Ты сказала мне..." (Д., с. 202) корень *х а л* встречается семь раз, создавая высокоценимую в курдской поэзии "игру звуков". Сонорные звуки в цитированной газели "О моя душа, опьяненная вином любви" (Д., с. 205) создает изящную мелодию, ласкающую слух.

Этим лирическим циклом Маулави ввел в курдскую поэзию высокий образ любви — не абстрактный образ кумира, традиционный для классической поэзии, а живой образ реальной женщины, жены. Имя Анбар-хатун вошло в курдскую литературу эталоном верности и любви. Современные курдские поэты Фархад Шакали, автор этих строк, Хама Сайд, Мухаммед Хама Баки и другие видят в этой воспетой

Маулави любви национальный символ безраздельной преданности родине, своему народу.

Целый цикл элегий Маулави соинил в память трагически погибшего Абдуррахмана – сына близкого друга Маулави хаджи Махмуда Ярвейса – они запечатали чувство глубокого потрясения и искренней печали. Драматичность положения усугублялась еще и тем, что Абдуррахман был убит случайно, в результате непредвиденного стечения обстоятельств, шейхом Хидайят Тавела, сыном одного из суфийских шейхов-наставников Маулави.

В цикле этих семи элегических газелей Маулави пытается найти выход из ооздавшегося трагического положения: утешить отца погибшего молодого человека и не разорвать своих связей со своим суфийским наставником. Курдский литератор Мухаммед Али Карадахи высказал предположение, что элегии Маулави на смерть Абдуррахмана не являются семью самостоятельными газелями, а представляют собой одну большую поэму (109, с. 265). Ибо, по его мнению, такое большое количество отдельных марсий Маулави мог написать только в особо затрагивающем его случае, как например, смерть любимой жены поэта. Несмотря на то, что противники этой идеи ссылались на исключительно тесные дружеские отношения, которые связывали Маулави с отцом убитого юноши, Карадахи придерживался своей гипотезы, как наиболее близкой к истине (109, с. 265). Хотелось бы привести здесь письмо соболезнования, посланное поэтом своему другу, отцу убитого (Махмуду Ярвайсу): "Вместо того, чтобы посетить Вас и выразить Вам соболезнования, я посылаю Вам несколько элегий и марсий на смерть Вашего сына" (177, с. 471).

Это послание Маулави не только опровергает гипотезу Карадахи, но и, вне всякого сомнения, является веским доказательством того, что речь идет о нескольких элегиях, написанных на смерть Абдуррахмана. Мударис, издатель поэтического дивана Маулави, подтверждает наше мнение своими ссылками на рукописи поэта и наиболее известные альбомы его избранных стихов. Прочитав эти элегии, исследователь несомненно ощутит необыкновенную гармонию и внутреннее единство каждой из этих траурных газелей, как самостоятельных поэтических произведений. Каждая из газелей обладает своей композиционной структурой, началом и концом. Причем, в соответствии со своим творческим кредо, в каждую из 7 элегий поэт вводит традиционный заключительный бейт – макта, в котором говорится о судном дне, или приводится обращение к виночерпию, певцу или флейтисту; это могут быть и религиозные сентенции о бренности бытия и неизбежности смерти. При внимательном исследе-

довании элегического цикла газелей на смерть Абдурахмана выясняется, что в начальных бейтах – метла двух элегий "Искры оружия мне достаточно ..." (Д., с. 99-101) и "Мое тело подобно воспламеняющемуся тростниковому дому" (Д., с. 442-443) Маулави рассуждает об одной и той же теме – "огне оружия". Такие повторы в одной поэме не характерны для поэтического творчества Маулави. Далее мы неоднократно встречаем повторы имени отца убитого юноши, что подтверждает наше мнение о том, что это не одна большая состоящая из 56 бейтов элегия, а несколько небольших марсий.⁴

В цикле марсий на смерть Абдурахмана, смерть жены и в других своих элегиях Маулави продемонстрировал высокое техническое мастерство и богатое художественное воображение. В своих элегиях Маулави оплакивает конкретных людей, однако поэт строит их как лирические произведения с элементом философского обобщения.

Философская тема безжалостной судьбы звучит не только как личная драма конкретного лица, поэт поднимает ее до высот общечеловеческой трагедии. Описывая человеческие страдания, Маулави в этих стихах использует характерную для суфийской мистической философии терминологию. Так, утешая убитого горем отца, поэт говорит, что его сын был истинным влюбленным (стремившимся к слиянию с абсолютom добродетели и любви, то есть с божеством) и поэтому за его благочестие он будет похоронен рядом с мечетью ханака.⁵ Эту лирическую газель поэт заканчивает словами: "Гошей мейхана ва заве карт": (Он нашел свое последнее место в уголке дома винопития).⁶ Далее Маулави развивает в своей элегии на смерть Абдурахмана: "Ты в этом уходе ..." (Д., с. 133-134) концепцию суфийской религиозно-мистической традиции, облекая их в искусную поэтическую форму. Поэт говорит, что погибший юноша был убит невиновным и поэтому считался мучеником, обретя, место в раю. Тем не менее, за завесой суфийской терминологии, Маулави помнит о живом человеческом горе, о тех страданиях, которые смерть юноши причинила его родным и близким. Характерным приемом Маулави является то, что в траурных элегиях поэт говорит как бы не от своего имени, а от имени других людей. Например, стихи-плачи на смерть Абдурахмана "без ласки остался твой конь" (Д., с. 81-90) и "Мое тело..." (Д., с. 442-443) написаны от имени отца погибшего. Это поэтическое перевоплощение указывает на широкий творческий диапазон поэта, на способность лирического обобщения. Маулави поднимается до высокого гуманистического пафоса, психологически-тонкого понимания трагизма судьбы человека (в данном случае, отец убитого юноши лишен возможности отомстить убийце, ибо тот

является его духовным наставником).

Маулави философски трактует драматический эпизод. Привнося в свою элегическую лирику собственное чувство сопереживания, поэт в ряде пассажей выражает глубокую тоску, предчувствуя конец жизни. (Д., с. 52-53).

В марсиях Маулави продолжает философско-психологическую тему, развитую в его любовной и пейзажной лирике. Здесь те же мучительные поиски ответа на вопрос о сути бытия, влияния судьбы на человеческую жизнь, попытка раскрыть самые понятия жизнь и смерть и т.д. Элегии Маулави отмечены печатью яркой выразительности. Так, в газели "Плакало мое сердце" поэт от имени отца погибшего восклицает:

Плакало мое сердце, рыдало и трепетало,
Оно кончало свое существование под пеплом горя и скорби.
(Д., с. 100)

Заметим, что здесь Маулави употребляет редкую метафору: изображает сердце в виде живого существа и приписывает ему человеческие ощущения. Вместе с тем, его элегии несут на себе явную печать реализма. Маулави дает живые черты погибшего юноши, приводит факты из его биографии, вспоминает его поступки, отражает его внешность, особенности характера, привычки. Поэт неизменно вводит социальный аспект в своей лирике, показывая роль погибшего в обществе. И все это дано на фоне курдской природы, которая как бы принимает непосредственное участие в восприятии происходящих трагических событий:

Поистине горные ветры были легки при твоей жизни,
Также как и журчанье ручьев,
Красота и великолепие чинура⁷ на сарупеча,⁸
Как они красили тебя!
И цветы, аромат которых волновал душу и сердце,
Были особенно прекрасны именно в твоих руках!
(Д., с. 355-356)

Маулави заимствовал эскизы своих образных картин не только из курдской природы, он широко использовал элементы народных курдских обрядовых песен, так называемых "котал".⁹ Поэт ввел в свои стихи характерные слова и выражения из лексики причитаний и плачей по умершим, исполнявшихся во время похорон или тризны. Особенно характерен для элегий Маулави повтор слова "ро" ("он ушел" курд.), поэт вводит это слово в разные метафорические формулы, как например, в элегии "Плакало мое сердце". Поэт иногда преднамеренно переносит семантический акцент на начало газели, как это было в его элегии "Мое тело...", где поэт дает колорит-

ное изображение винтовки, из ствола которой вырывается яркий сноп огня. Заметим, что характерные для его лирических газелей слова – понятия встречаются и в его элегиях: "саки" ("виночерпий"), "шараб-и марг" ("напиток смерти"), "майхана" ("винная лавка") и т.д.

В соответствии с суфийскими идеями, для которых было характерно сочетание вакхических и эротических мотивов с экстатическими обращениями к божеству, Маулави и здесь пользуется теми же символами: "вино смерти" – это напиток, который освободит человека от преходящего мира. При этом виночерпий у Маулави олицетворяет собой божество или ангела смерти, того, кто подносит человеку чашу с напитком смерти.

Элегии Маулави написаны стихами, в основе которых опутима траурная мелодика: в сравнениях, метафорах и поэтических образах словно слышится плач и рыдание женщины. Эти слова и выражения в искусной звуковой обработке Маулави словно создают осязаемую реальность траурной атмосферы и делают читателя как бы участником похоронной процессии:

О горе! Ты ушел – и рухнуло мое терпение,
Ты ушел! И вырвал с корнем мое сердце,
Ты ушел! В расцвете юных лет,
И унес с собой все свои надежды в могилу.
Красивые девушки овеяны печалью без тебя,
А дети поражены страхом и ужасом.

(Д., с. 100)

В заключительных бейтах поэт обвиняет судьбу в том, что она похитила этого красивого юношу, и обрекла отца его и семью страдать до конца их дней. Поэт много раз повторяет слово "ро" ("он ушел"), "дад" ("протест", "отказ"), формулы-антитезы: "мардей зинду" ("мертвый-живой"), "сарай матем" ("равнина горы"), метафору "айней чам" ("зеркало глаз") (Д., с. 133-134). Утверждая вечную память об усопшем в сердцах людей, поэт восклицает:

Ты исчезнешь из сердца, – твое место в глазах,
Ты исчезнешь из глаз, – твое место в сердце

(Д., с. 80)

Траурные элегии Маулави разнообразны и по чувству и по пафосу художественных средств. Характер марсии на смерть Абдуррахмана значительно отличается от элегии, написанной на смерть одного известного ученого, или элегии, посвященной его любимой жене Анбар-хатун.

Маулави посвящал свои элегии не только отдельным лицам, но

и целым родам, кланам и фамилиям. Так, известен цикл его стихотворений – элегии джафским бекзаде.

У Маулави были тесные отношения с феодальным кланом курдских бекзаде джафов, как мы упоминали выше. Поэт адресовал им многочисленные послания. Он посвятил им также и цикл из пяти элегий. Две марсии он сочинил в честь Кадир-бека (сын Хусров-бека). В элегии Маулави называет Кадир-бека "надеждой и опорой бедняков". Одна марсия была написана на смерть дочери Кадир-бека (молочная сестра поэта), другая – посвящена Ахмад-беку Мухаммеду-паше Джафу, вождю клана джафских бекзаде. Последнюю марсию Маулави написал на смерть Паризад-ханум, жены одного из джафских бекзаде.

Элегия на смерть Кадир-бека (Д., с. 371-377) является самой большой в цикле и состоит из 27 бейтов. Стихи тонко передают атмосферу героизма, окружающую прославленного курдского воина при его жизни. Поэт искренне скорбит по поводу смерти Кадир-бека, говорит о глубоком горе, охватившем воинов и все племя. В соответствии с каноническими традициями жанра риса, Маулави яркими красками рисует заслуги и достоинства покойного, часто прибегая к приему гиперболизации.

Смерть отважного вождя, сильного телом, решительного духом, милостивого к своему народу, – утверждает поэт, – оказала сильное воздействие на его войско,¹⁰ на бедняков, на красивых девушек племени, даже на газелей, пасущихся на лугах. Вспоминая прошлое, поэт воздаст должное благородным деяниям покойного.

Композиционная структура элегий Маулави в общем традиционна. Как правило, в заключительных бейтах поэт рассматривает смерть того или иного лица, которому посвящена элегия, с точки зрения мистической философии суфизма. Так, и в марсии, посвященной Кадир-беку, Маулави рассматривает смерть героического вождя через философию суфизма, говоря, что "гурии рады твоей смерти и готовы сейчас к встрече с тобой". Однако вторая марсия, написанная во время церемонии похорон Кадир-бека на кладбище "Сейид Халил",¹¹ выполнена в более реальных тонах. Поэт начинает элегию с восхваления святого Халила, после этого переходит к теме кончины Кадир-бека. Он просит Аллаха простить Кадир-беку его грехи, давая понять, что этот храбрый воин не очень строго следовал религиозным предписаниям ислама. Поэт пытается оправдать отсутствие излишнего религиозного рвения у Кадир-бека:

Благородные люди не требуют от гостей,

Чтобы они приходили в гости со своим угощением.

(Д., с. 358)

В элегии "Потеря зрения (т.е. утраты надежды) бедняков" (Д., с. 371-375), поэт уделяет особое внимание военным подвигам Кадир-бека, широко вводя в стихи военную терминологию и лексику. В частности, он употребляет такие слова, как войско, шлем, броня, стяг, поле боя, меч, копье и т.д.

Когда судьба сломала твое острое копье,

Даудовская броня обрела славу.

Когда лев на твоём стяге поднимался ввысь, он

возникал из леса острых копий твоего войска,

И отважные герои всегда издавали твой боевой клич: О, Лев!

ш.. После тебя даже безжизненные изображения льва на

стяге мнят себя героями

(Д., с. 372)

Смерть Кадир-бека, - говорит поэт, - омрачила даже природу, которая принимает участие в оплакивании доблестного героя.

Элегии Маулави глубоко лиричны. Стихи высокохудожественны, образы романтичны, колоритны, виртуозна сама техника стиха:

Пусть шпоры на сапогах, которыми ты погоняешь своих

быстрых серых скакунов,

Станут шпорами радости и восторга,

любящими свет на равнины, подобно яркому месяцу.

После твоего ухода / вечернее веселье омрачилось

Для тех, чье сердце изранено шипами.

Луны лиц красавиц от горя потемнели,

А их волосы вырваны клочьями.

(Д., с. 373)

В другой газели:

Один из наших друзей со свежей раной

Склонил голову к земле твоего порога.

Скиталец-гость надеется на твоё великодушие,

Он нуждается в твоём гостеприимстве.

Не откажи ему в своей милости, аман, сотню раз аман!

Не говори, что гость явился без провианта,

О Халил, умоляю, /скажи/, кто придумал обычай

Носить яства к порогу щедрых людей?

(Д., с. 358)

Подобные же чувства любви и уважения выражает поэт по отношению и к сестре Кадир-бека Амина-хан: в стихах прославляется женская красота, привлекательность и добродетель. Смерть Амины-хан вызывает чувство глубокого горя у возлюбленного красавицы-курдянки. Как всегда, сопереживающей человеческим страданиям в

лирике Маулави выступает окружающая природа. Поэт применяет почерпнутый из курдского фольклора метод контрастности и антитезы. В элегиях, написанных на смерть женщины, события происходят ранней весной, поэт использует антитезу радость-печаль, весна-горе. Те же художественные явления мы наблюдаем и в марсие, посвященной жене поэта Анбар-хатун.

Маулави вопрошает:

Горе и весна? Печаль и новый цветок?
Скука и луга? Грусть и соловей?
Почему поутру легкий ветерок, как раньше, не доносит
Благоухание весны во дворцы глубин сердца?

(Д., с. 383)

И сам же отвечает на эти вопросы:

Потому что холодные ветры смерти дуют на лугах красоты,
в царстве красавицы,
И, подобно осеннему ветру, осыпают /как с цветка/ ее
лепестки,

Потому что тот стан, который был подобен кипарису,
И сердца возлюбленных, свившие гнездо на его вершине,
Были вырваны с корнем холодным ветром смерти.
И сердца, как птицы тезару,¹² упали в свою тень

(Д., с. 364)

Анализ "женских элегий" показывает, что поэт не просто дает те или иные штрихи пейзажа, он одушевляет природу и вкладывает в нее сознательную силу, способную испытывать человеческие чувства.

Отмеченные художественные приемы достигают особой глубины в элегии на смерть Паризад-хан, жены одного из вождей джафских бекзадов. В композицию стихотворения поэт вводит группу плакальщиц, которые воздают хвалу добродетелям усопшей и ее красоте. При этом язык художественных средств весьма своеобразен, отличен от предыдущих женских элегий, что свидетельствует о широком творческом диапазоне Маулави:

Эта печаль ... рассыпала ожерелье /из/ слез красавиц,
Слез, подобных ярким звездам.
Эти слезы, как звезды, украшают солнца лиц красавиц,
А они, скорбя, ногтями царапают на своих щеках полумесяцы.

(Д., с. 110)

В причудливых метафорах рисует поэт печальное событие – смерть Паризад-хан на фоне редкого природного явления – затмения солнца. Затмение само по себе является предвестником несчастья, особенно отдельные его феномены: багряный цвет луны, бледнеющий

диск солнца и неестественно яркие звезды. Поэт сравнивает эти феномены впечатляющего космического явления с прекрасными девушками, одушевляя природу, делая ее непосредственным участником человеческих переживаний: "слезы девушек подобны ярким звездам", "а их лица – бледнеющему диску солнца", имея в виду, что чем бледнее становится солнце, тем ярче блеск звезд. Маулави обращается с призывом к муфтию, прося его разрешить питье вина для того, чтобы люди смогли бы хоть немного облегчить свои страдания и муки. Здесь мы снова сталкиваемся с тем фактом, что слово "вино" употребляется поэтом в его прямом бытовом значении, а не в символическом смысле. Свою элегию поэт традиционно заканчивает размышлениями о смысле бытия и бренности человеческой жизни. Он говорит:

Живая вода неотделима от мрака,
Как и мускус, находящийся в черной оболочке.

(Д., с. II2)

Поясним этот образ: поэт намекает на известную легенду о живой воде, текущей из царства вечного мрака, и сравнивает лица красавиц в черных траурных вуалях с живой водой, текущей во мраке, или с мускусом в черной оболочке.

Маулави применяет самые разнообразные поэтические фигуры, разработанные в арабо-мусульманской поэзии, а также использует классические риторические приемы: "таджнис" ("разного рода сравнения"), "мутабака" ("антитеза"), "ал-лаф-ва-нашр" ("свертывание и развертывание") и др.

-
1. Мала Абдуль-Карим Мударис. Диван Маулави. Багдад, 1961.
 2. Подробнее об этом см. диссертационную работу Анвара Кадира Мухаммеда "Лирика курдского поэта XIX века Маулави (на диалекте горани)", с. 93.
 3. Сведений об Анбар-хатун мало. Известно только, что она афганка: семья ее пришла из Афганистана и осела на родине Маулави – в области Халабджа в Иракском Курдистане. Анбар-хатун принадлежала к крупному духовному роду. Ее родители отказали многим сватавшимся к дочери женихам, остановив свой выбор на Маулави. Из стихов Маулави, посвященных жене, стоит вся история его любви. Глубокое чувство к Анбар-хатун прошло через всю жизнь поэта. См. (II7, с. 378, I00, с. 281).
 4. При этом следует отметить, что в двух марсиях существует определенная путаница, на которую указал Мударис в комментарии к дивану Маулави. В частности, это касается марсий, включен-

ных в диван Маулави на основании рукописных списков Тахира Хашими (Д., с. 99-101 и с. 442-443). Мы разделяем мнение Мудариса - издателя дивана о том, что марсия на с. 442-443 заканчивается на слове "сабр" ("терпение") и марсия с. 99-101 (точнее начало 6-го бейта элегии), начинавшаяся также со слова "сабр", представляют собой одну большую поэму. Однако Мударис утверждает, что марсия с. 99-101 посвящена другому сыну хаджи Махмуда Ярвойса.

5. Ханакх - суфийская мечеть, т.е. святое место в селении Тавела (Иракский Курдистан).
6. Этот бейт Маулави сочинил в подражание великому Хафизу. Причем числовое соответствие букв этого бейта дает в сумме 1296 год хиджры, дату гибели Абдуррахмана.
7. Чинур - трава, растущая по берегам горных рек Курдистана.
8. Сарупеч - курдский головной убор.
9. Курдская традиционная траурная процессия, во время которой вслед за телом покойного ведут его коня с доспехами умершего.
10. Марсия на смерть Кадир-бека у Маулави больше похожа на панегирик, чем на элегию (нужно отметить, что в творчестве Маулави мы ни разу не встречали панегириков, как самостоятельного жанра).
11. Сейид Халил был одним из религиозных имамов и похоронен неподалеку от крепости Ширвана, расположенной на дороге между Дербендиханом и Багдадом.
12. Тезару - разновидность воробья. Эти птицы, видя на земле свою тень, слетают с дерева и садятся на нее.

И.В.Богословская

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА КУРДОВ ИРАНА И ИРАКА В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В фондах МАЭ находится довольно значительная коллекция одежды народов Передней Азии, насчитывавшая более 400 предметов. Собрании по одежде курдов невелики, но все же мы имеем несколько комплектов одежды из разных районов Курдистана, принадлежавших различным слоям населения и функционально неоднородных: повседневных и праздничных.

В 1959 г. были приобретены два мужских костюма,¹ происходящих из города Мехабада в Иране. Один из них принадлежал сельскому жителю, причем, довольно состоятельному, другой - горожанину.

Почти через 20 лет поступил третий мужской костюм из Ирака.²

Два девичьих праздничных костюма были приобретены в 1976 и 1978 годах³ у студенток, приехавших на учебу в Ленинград из Ирака.

Наиболее значительное пополнение в курдский фонд поступило в 1986 году. Наш музей получил в дар ценную коллекцию предметов одежды и быта от врача – курда из Ирана, проживающего в Западном Берлине, – доктора Хуссами. В состав коллекции⁴ входит полный праздничный костюм замужней женщины из Мехабада, обувь и другие предметы быта и ремесла.

Кроме того, мы имеем собрание фотографий, хранящееся в отделе Передней Азии МАЭ. Около тридцати фотоснимков разного времени сохранили сведения об одежде. Эта коллекция практически никогда полностью не привлекалась к анализу собственно музейного материала и литературных источников. Ценность иллюстративных коллекций умножается тем, что собирателями их, как правило, были специалисты-востоковеды, ученые и дипломаты, долгое время жившие в стране и хорошо ее знавшие. К сожалению, фотографический материал мы имеем только по курдам Ирана. Самые ранние изображения находятся в коллекциях консула России в Персии А.А.Адамова (1912 г.),⁵ известного ираниста А.А.Ромаскевича, собиравшего коллекции в 1913 г.,⁶ А.Тер-Оганесяна (1916 г.).⁷ Позднее довольно большая группа фотографий поступила в 1937 г. от М.Ф.Оста⁸ и, наконец, в 1960 г. в МАЭ была приобретена превосходная иллюстративная коллекция фотокорреспондента М.П.Елагина, собранная им в 1943–45 гг.⁹ Среди других есть и фотографии, отражающие жизнь и быт курдов в районе озера Урмия и в гор. Мехабаде.

Конечно, собрания МАЭ по одежде курдов не так велики, чтобы можно было представить себе во всей полноте историю костюма за последнее столетие. Однако, наши коллекции являются ценным дополнением к той картине, которая складывается, когда читаешь работы по курдской одежде.

Напомним, что курды, относящиеся к ираноязычным народам, проживают на территории многих стран, в основном же – в Иране, Ираке, Сирии, Турции, СССР, причем в большинстве из этих стран достаточно компактно, образуя целые области, заселенные курдами.¹⁰ Общего исследования по истории костюма курдов пока нет. Лучшее всего исследована одежда курдов Ирака, которой посвящено несколько серьезных работ, хорошо дополняющих друг друга. В 50–е годы XX в. в Иракском Курдистане побывала Х.Хансен, подробно описавшая одежду и процесс ее изготовления в своей монографии.¹¹ Особо важно то, что книга снабжена подробными чертежами кроя и

богато иллюстрирована полевыми фотографиями автора. Позднее вышла работа Маджида Арифа,¹² курда из Ирака, обобщившая полевой материал, собранный автором в Сулейманийской области. Очень важна работа польского этнографа Лешека Дзенгела,¹³ написанная также по полевым материалам и посвященная вопросам перемен в традиционной одежде, происходящим в последнее время. Эти исследования дополняются трудом В. аль-Джадира и Д. аль-Аззави о костюме народов Ирака.¹⁴

Одежда курдов Ирака изучена менее подробно, множество описаний и наблюдений в работах географов и востоковедов¹⁵ дают не столь четкую картину из-за отсутствия иллюстративного материала и схем кроя, без которых невозможно изучать костюм. Однако, сведения, которые мы имеем о курдах Ирана, относятся ко II половине XIX в. и всему XX веку и, в данном случае, именно сравнительное изучение музейных коллекций может помочь восстановить картину. Особенно следует отметить работы О.Я. Вильчевского¹⁶ и Т.Ф. Аристовой.¹⁷

В работе над статьей автору помогали курды, живущие временно в Ленинграде. Особенную благодарность хочется принести аспиранту ИЭ АН СССР курду из Ирака Рамаду Сабри Рашиду и старшему научному сотруднику Института языкознания АН СССР Кериму Рахмановичу Эйюби, курду из Ирана.

Мужская одежда

1. К у р т к а. Среди элементов мужского костюма в коллекциях МАЭ представлены три варианта курток.

№ 6359 I - куртка "чоха". Куртка из белой шерсти ремесленного производства, на подкладке из белой хлопчатобумажной ткани. Обшлаги рукавов отделаны сиреневым шелком. Стан куртки прямой, сшит из нескольких узких полос материи (по две на каждую половину переда и четыре - на спинку).¹⁸ Плечевые швы отсутствуют, проймы и головка рукава - прямые, под рукавами шиты треугольные ластовицы, расширяющие верхнюю часть стана. Вырез горловины и борта куртки подшиты слоем такой же шерсти.

№ 676I 9. Крой куртки аналогичен описанному варианту, но материалом служит серая неокрашенная шерсть, и отсутствуют подкладка и отделка.

№ 6353 6 - куртка "кэба". Внешне по форме и элементам декора напоминает военный френч. Куртка сшита из плотной коричневой шерсти фабричного производства, подкладка из черного сатина. В крое куртки своеобразно совместились как традиционные, так и заимствованные из европейского военного костюма элементы. К tradi-

ционными элементами можно отнести прямой вырез проймы и соответственно этому прямую головку рукава, а также способ расширения стана куртки с помощью клина пришитого к борту спереди. К явно заимствованным элементам принадлежат лацканы, накладные и прорезные карманы с клапаном. Наличие плечевого шва и общий крой стана, хорошо учитывающего фигуру, показывают, что этот вариант является более поздним. Он технически более сложен, но и предназначен для городского жителя, так как менее свободен в движении, чем традиционный вариант.¹⁹

2. Штаны

№ 6353 За,б - штаны "ранэк" или "шарваль"²⁰ сшиты из белой шерсти ремесленного производства. Каждая штанина сшита из четырех полос ткани, боковой шов расположен посередине, между двумя передними и двумя задними полотнищами, карманы расположены в шве, соединяющем передние полотнища ткани. Мотня широкая, квадратная, сшита из пяти клиньев различной ширины. У пояса штаны собраны на вздержку - шнур, сплетенный из белых хлопчатобумажных ниток. Концы шнура украшены кисточками. Большая ширина штанов вверху, "мешкообразность" кроя вызвана прежде всего удобством подобного костюма для дальних горных переходов, при езде на лошади.

№ 676I IOa,б - того же покроя, сшиты из серой неокрашенной шерсти ремесленного производства, мотня сшита из клиньев меньшего размера.

№ 6353 8a,б. Штаны "пантол", парные к куртке курда-горожанина. Крой штанов в отличие от кроя куртки, не носит следов европеизации. Однако, поскольку они сшиты из фабричной ткани, то присутствуют только конструктивные швы - боковые и швы присоединения мотни, также сшитой из одного куска ткани. Вадерика "очкур" сплетена из белых хлопчатобумажных ниток ажурным узором. На концах - многоцветная сетка с кисточками.

3. Жилет

№ 6353 7 "сикма". Жилет от костюма курда-горожанина. Сшит из той же фабричной ткани, что и остальные части костюма, спинка - из черного сатина. Подкладка передней части - черный сатин, синики - белый. Стан прямой, однобортный, плечевой шов слегка скошен, воротник - стойка. Внешне жилет очень похож на обычный жилет от европейского костюма, но петли для пуговиц расположены на планке, пришитой к левой полочке.

В настоящее время у курдов распространяется вязанный жилет, аналогичный европейскому. Вязут его на спицах из козьей шерсти: № 6926 8.

4. Ложные рукава.

№ 6353 2а,б - "сорани" или "факианэ".²¹ Если рубашка сшита с рукавом, имеющим прямой конец или манжет, то на запястье одеваются специальные треугольные лоскуты ткани, сшитые в окружность и собранные на резинку. Делаются они из шелковой, нейлоновой ткани, иногда - хлопчатобумажной. В подавляющем большинстве случаев - белого цвета, но бывает и черные.²² Рукава из коллекции 6353 сшиты из белого коржета.

5. Пояс.

№ 6761 II. Пояс "пштен" к костюму крестьянина из Ирака, выполненного из серой шерсти. Сам пояс сделан из шелковой гофрированной ткани, на матовом черном фоне расположен блестящий черный геометрический орнамент. Ткань сложена вдвое и сшита вдоль. Длина пояса - 2 м 65 см.

6. Головной убор.

Мужской головной убор состоит из двух частей: войлочный колпак или небольшая шапочка и турбан, повязанный из одного или нескольких платков.

№ 6353 4. Шапочка "аракчин". Своей формой напоминает тибетскую. Сшита из белой хлопчатобумажной ткани, сложенной вдвое и простеганной белыми нитками. По краю вышит цветными нитками геометрический орнамент. В центре пришита кисточка, также окруженная вышивкой.

№ 6926 7. Аракчин в виде круглой шапочки, связанной крючком из белых хлопчатобумажных ниток. Вся ткань шапочки - тончайшей работы геометрический орнамент, посередине расположена полоса тонкого черного узора.

Аракчин или войлочную шапку носили только дома или на работах; мальчики лет 14 на улицу выходят в полном головном уборе.

№ 6353 5. Головной платок "печ". Сделан из тонкой хлопчатобумажной ткани белого цвета, затканной черным геометрическим орнаментом. По краям платка выткана кайма и сделана бахрома. Платок с таким же рисунком, но белокрасный предпочитают мужчины племени барзан. Подобные платки, аналогичные арабским,²³ распространились лишь в недавнее время; прежде мужчины повязывали турбан из нескольких платков других окрасок и материалов.²⁴

7. Обувь.

№ 6926 I3а,б. Традиционная крестьянская обувь изготовленная из хлопчатобумажных ниток. Подошва наборная: множество очень плотно сложенных тряпочек нашиваются на стержень. Края обрезаются в форме подошвы. Верх связан крючком из толстых белых ни-

тей. Такая обувь легка, удобна, не соскользнет на камне. Подобную обувь—"гиве" - носили и в Иране.²⁵

Кроме упомянутых элементов одежды в полный костюм входят: нательная рубашка-крас, нижние шаровары-дарпэ, шерстяные носки и вязанные гамашы-зангал, разных вариантов жилеты. Зимой одевают куртки, камзолы, состоятельные люди носят арабские плащи аба,²⁶ бедняки - нагольные тулупы "джуба"²⁷ с длинными рукавами.

Рубашка "крас" шилась из белой или цветной хлопчатобумажной ткани. Стан прямой, туникообразный, спереди мог быть небольшой разрез²⁸, сбоку пришивались клинья. Головка рукава и пройма - прямые. Характернейшей чертой кроя рубашки и всего курдского костюма являлось наличие больших треугольных окончаний у рукава рубашки. По этому поводу можно вспомнить аналогичные окончания рукавов у кочевников-арабов.²⁹ Некоторая разница в конструкции рукава есть: у арабов треугольное полотнище начинается прямо у плеча, у курдов же - как бы переходная форма: часть рукава обычная, но от локтя или чуть ниже начинаются треугольники. Следует отметить и следующий этап: рубашка шита с обычным рукавом, треугольные лоскуты одеваются отдельно. Функциональное значение этого элемента одежды пока совершенно неясно, нужно только вспомнить, что распространена эта деталь прежде всего у арабов-кочевников; курды в недавнем прошлом были в подавляющем большинстве кочевым народом. Носят такие рукава примерно одинаково: завязав узлом, закидывают за голову или обматывают у кисти, закрепив ими обшлага куртки. Обычай требует, чтобы курд носил эти треугольники безукоризненно чистыми; в одежде они играют сейчас роль чисто декоративную, вернее - являются одним из наиболее важных знаковых элементов в одежде. Сами же курды считают такие рукава удобными и при работе, и даже в качестве запасного перевязочного материала в пути или на войне.³⁰ Лешек Дзенгел сообщает, что в 70-80-е года рубашки такого рода в Ираке носили уже только старики.³¹

Из остальных элементов одежды, еще не рассмотренных, очень своеобразен валяный жилет пестек характерной формы: распахной, без рукавов, но с "крылышками" у плеча.³² Такой жилет укрывает от холода, спасает спину от тяжести винтовки при переходе и даже защищает от пуль на излете.³³

Костюм курда племени мукри из г.Мехабада в Иране (коллекц. 6353 I-5) по крою и общей композиции элементов сходен с крестьянским костюмом курда из Ирака (коллекц. 676I 9-II), но иранский костюм явно принадлежал весьма состоятельному человеку. В качестве ткани, отделке, обработке деталей чувствуется вкус и внимание

к одежде. Сочетание белой шерсти с сиреневым шелком отделки выглядит просто изысканно. Иракский же костюм в нашей коллекции очень прост, это обычный летний костюм. Но и в этом случае следует отдать должное решению цветовой гаммы: серый костюм из некрашеной домостканной шерсти дополнен черным гофрированным поясом. По классификации Х. Хансен этот вариант является "сулейманийским",³⁴ но как это видно из сопоставления с костюмом из Ирана, ареал распространения этого типа костюма гораздо шире. "Равандузский" вариант³⁵ отличается двумя существенными деталями: кроем штанов, придающим костюму совсем другую форму³⁶ и цветовой характеристикой. Костюм курда из Равандуза может быть из ткани в контрастную полосу или клетку или из ткани с орнаментом.³⁷ К сожалению, сейчас недостаточно данных, чтобы объяснить появление этого локального варианта. Можно только констатировать факт, что "сулейманийский" вариант распространен гораздо шире.

Отдельно в наших коллекциях стоит костюм курда-горожанина из Ирана № 6353 6-8, отразивший процесс европеизации в традиционном костюме. Интересно, что коснулось это прежде всего декоративных деталей, придающих куртке, скроенной в основном традиционным способом, вид военного френча. В этом городском костюме употреблена уже фабричная ткань.³⁸

Полный мужской курдский костюм состоял из рубашки-крас, нижних штанов-дарпэ, сшитых из белой хлопчатобумажной ткани, верхних штанов-ранэк, пантол, куртки-чоха, кэба, милтан и др. Талия завязывалась поясом с характерным переверотом спереди, поверх пояса одевали еще один, кожаный, пояс или патронташ. Вместо пояса также одевали платок. На голову надевали аракин или кулях и обматывали платком или несколькими в виде пышного турбана. Раньше, по свидетельствам путешественников, одежда курдов вообще была значительно декоративнее, турбан же, в частности, украшался монетами и бусами.³⁹ Существовали у курдов куртки, богато вышитые, отделанные тесьмой, золотом и т.д. Естественно, что это касалось только очень богатых семей. Н.К. Смирнов, побывавший в начале века в Северном Курдистане, указывает на отсутствие разницы между одеждой курдов-кочевников и оседлых жителей.⁴⁰ Интересный костюм для путешествий через территорию враждебных племен или для переговоров о мире описал О.Л. Вильчевский. Нападение на человека, одевшего такой костюм, считается тяжким преступлением для всего племени виновного.⁴¹

Нужно сказать, что племенные различия были очень сильно отражены в мужском костюме,⁴² но в основном это, как отмечают ис-

следователи и путешественники, касалось цвета костюма, манеры носить турбан и пояс – то есть чисто эстетической стороны костюма.⁴³ Насколько можно судить, во второй половине XX в. в костюме произошли сильные изменения. Общая мировая стандартизация одежды коснулась и курдов. Народный костюм встречается все реже, но и тот, который сохранился для празднования некоторых праздников явно является упрощенным вариантом, племенные отличия в нем не отражены, вместо собственно курдских можно наблюдать проникновение общеевропейских и арабских элементов кроя, да и деталей одежды в целом.

Женская одежда

В собрании МАЭ женская курдская одежда представлена тремя вариантами современных праздничных костюмов: два из них, № 672I и № 682I – девичьи праздничные костюмы из Ирака, один – № 6926 – женский костюм из Мехабада (Иран).

1. Штаны – "авал крас", №№ 676I I, 682I 2, 6926 2 скроены сходно. Разница в деталях. Все они имеют большую ширину в верхней части и ровные по всей длине штанины. У циклодки собраны на резинку. Наверху вставлена квадратная мотня. Однако, у иракских штанов крой более традиционный. Верхняя часть до бедер сшита из простой хлопчатобумажной ткани, только от бедер начинается дорогая ткань: в одном случае тонкий зеленый нейлон, затканый золотистым узором, на чехле из белой ткани (№ 676I I), в другом – красная парча с золототкаными узорами (№ 682I 2). Штаны № 6926 2 сшиты целиком из розового атласа. Такие же штаны описаны в книге Х.Хансен.⁴⁴

2. Платье "крас".

Коллекции МАЭ располагают двумя разновидностями курдских женских платьев. К одной из них относятся №№ 676I 2 и 682I I (Ирак), к другой – № 6926 I (Иран).

Стан платьев из Ирака прямой, плечевые швы отсутствуют, боковые клинья сильно увеличивают ширину платья к низу. Рукава вшиты в прямую пройму и имеют на концах длинные треугольные выступы; обычно при носке концы треугольников связывают и забрасывают за голову, впрочем, можно и не связывая закинуть концы рукавов на плечи. Такие платья описывает в своей работе Х.Хансен.⁴⁵ Оба платья из наших коллекций – современные праздничные и сшиты из ажурного нейлонового тulle. Одно – сиреневое с серебром, другое – зеленое с золотом. Платья прозрачны и предполагают употребление нижней плотной рубашки – чехла.

Другой вариант платья – иранский – отличается от первого

важными элементами кроя. Платье № 6926-I шито из парчи розового цвета, затканной золотым узором. Стан платья прямой, линия отреза проходит ниже линии талии, но при носке верхняя часть платья с помощью пояса образует напуск и юбка оказывается на талии. Прямая юбка собрана в густую сборку. Рукав шит в прямую пройму, подмышками - ластовицы из синего шелка. В отличие от иракских вариантов, рукава платья не имеют на концах характерных треугольных выступов.⁴⁶

3. Пояс - "пштен"

№ 6926-3. Выполнен из набивной шерстяной ткани типа кашемира. Цвет оранжевый с многоцветным растительным рисунком.⁴⁷ Пояс относится к платью из Ирана из г.Мехабада; иракские же платья часто не подпоясывались, о чем свидетельствуют и фотографии, приведенные Х.Хансен.⁴⁸ Пояса могут быть различными по материалу, цвету, рисунку, но раньше как цвет платья так и цвет пояса определялись племенной принадлежностью.⁴⁹ Можно было повязать платье и платком, угол которого спускался спереди.⁵⁰

4. Кофта - "кава", "клодше".

Кофта № 6926 4, одеваемая поверх платья из Ирана, шита из яркофиолетового материала, затканного золотыми цветами. Борта и край рукава отделаны шелковой черной тесьмой, подкладка - из фиолетового шелка. Стан прямой, плечевой шов отсутствует. Рукав сильно заужен к кисти, где для более плотного облегания сделаны разрез и две кнопки. Кофта распашная, подмышками там, где должны быть ластовицы, оставлены отверстия. На боках от талии до линии низа пришиты небольшие декоративные выступы, не имеющие функционального значения - элемент, характерный для иранских кофт,⁵¹ да и весь крой кофты аналогичен крою иранской кофты из собрания МАЭ № 334I 56.

5. Жилет - "сохм".

№№ 676I 3, 682I 3. Нарядные жилеты - составная часть праздничного костюма женщины Ирака. В нашем собрании имеются жилет из синей парчи, затканной алой золотистой ниткой, и жилет из белого шелка, затканного серебром. Крой обоих жилетов одинаков и аналогичен приведенному в книге Х.Хансен,⁵² следовательно не изменился за прошедшие со дня публикации ее книги двадцать пять лет. Особенностью кроя подобного жилета является наличие только плечевых швов, боковые швы - отсутствуют.

6. Головной убор.

Головной убор курдянки из г.Мехабада в нашем собрании состоит из двух частей: шапочки-"клав" (№ 6926 5а,б) с подвесной цепочкой "кирмак" и шали-"дасмалы сэр" (№ 6926 6).

Шапочка плоскодонная на твердой основе, типа фески. Изнутри обтянута красной хлопчатобумажной тканью. Верхняя часть доньшка обшита красным бархатом и отделана золотистым сутажом: сверху пришиты пять блесток разных цветов. Равносторонняя тулья обшита зеленой тканью из металлических нитей и украшена разноцветными золотистыми узорами из тесьмы. Кроме того, передняя часть тульи отделана еще и узором, сплетенным из металлических ниток крючком. Надевается шапочка прямо или набекрень. К ней подлагается подвесное украшение "кирмак" – цепочка в два ряда с крючками на концах. В нашей коллекции узор кованой цепочки – цветы; традиционный же кирмак должен быть золотым, в крайнем случае – позолоченным и деталь узора должна напоминать стручок фасоли. Закрепляется кирмак за тесьму, свисая под подбородком⁵³ или располагается по шапочке наискось, как нравится женщине.

Поверх такой шапочки накидывается большая шаль треугольной формы. Сшита она из нескольких кусков тончайшей синтетической кисеи яркого оранжевого цвета. По всей шали вручную наклеены вырезанные из белого нейлона звездочки. Края шали обшиты тонкой бахромой из ниток, на которую нанизаны металлические блестки оранжевого цвета. Шаль надевают на шапочку, и концы, скрестив их на уровне груди, закидывают на спину, завязав там узлом, поэтому углы шали не по всей длине обшиты блестками. Можно повязать шаль и другим способом: спустив один конец спереди, а другой закинув за спину.

7. Туфли.

№ 6926 I4a, б. Туфли ремесленной работы из Керманшаха. Форма их традиционна для Ирана: без задника, на невысоком каблуке, с острым загнутым носом. Изготовлены они из дорогой коричневой кожи, сверху украшены прорезными розетками.

Кроме упомянутых элементов в обязательный комплект входят: нижняя рубашка "жеркрас", которая может быть разной формы. Х.Хансен описывает рубашку без рукавов и довольно короткую, к тому же – с выточками на талии.⁵⁴ Т.Ф.Аристова же называет другой вариант: бязевую длинную рубашку, по крою сходную с верхней (т.е. с платьем).⁵⁵ Думается, что у Х.Хансен приведен вариант, заимствованный в некоторых элементах кроя у европейцев. Вместо куртки или жидета в холодное время года употребляется халатообразная распахная одежда "кава".⁵⁶ Такая одежда типа кафтана в бедных семьях шьется из хлопчатобумажной ткани на ватной подкладке, в богатых же семьях кава делают из бархата, парчи, украшают золотым и серебряным шитьем, вышивкой.⁵⁷ Современные девушки к праздничному платью-

крас могут одеть кава, сшитую из прозрачного черного толля, как это можно было видеть на празднике наоруж у студентов в Ленинграде.

Следует упомянуть также употребление курдянками особых спинных покрывал—"чарокз".⁵⁸ Они могут быть шелковыми, шерстяными, хлопчатобумажными. Завязывают их на груди; длинная часть покрывает спину.

На ноги одевают шерстяные чулки и туфли.⁵⁹

Благодаря наличию комплектов одежды в музее и ценного иллюстративного материала в нашем собрании можно представить себе варианты женских костюмов, существовавших в разных районах Курдистана и у отдельных социальных групп населения.

Зажиточные горожанки в конце XIX — начале XX в. носили домашний костюм, аналогичный общеиранскому: короткая пышная юбка, рубашка-крас, длиной до бедер, и бархатная куртка сохмэ, причем, шаровары отсутствуют, но при этом традиционный головной убор сохранился.⁶⁰ На этих фотографиях отражен тип головного убора, отсутствующий в наших коллекциях. Лучше всего он описан у Х.Хансен, там зафиксирован метод его повязывания.⁶¹ Речь идет о головном уборе, состоящем из шапочки и узкой длинной шали (или даже двух), одна сторона которой украшена небольшими помпонами. Многократно обернутая вокруг шапочки, она образовывала широкий турбан. Иногда к турбану прикреплялись металлические украшения в виде цепочки, свисавшей под подбородком.⁶²

На другой фотографии зафиксирован внешне сходный костюм, приспособленный для улицы: девушки с большими кувшинами идут за водой.⁶³ Очень пышные юбки, явно надетые одна на другую, в данном случае довольно длинны, во всех остальных деталях костюм аналогичен домашнему городскому, но, конечно, менее богат. Еще одна фотография показывает тот же комплекс одежды, но уже у самой бедной части населения.⁶⁴

От разного времени дошли свидетельства существования другого комплекса одежды: длинная рубашка-крас, шаровары и в дополнение к ним какой-либо из вариантов распахнутой одежды: куртка или кава. В холодное время могли носить и то и другое. В Иране нашими фотографиями подобный комплекс фиксируется на рубеже XIX и XX вв.,⁶⁵ в начале века⁶⁶ и в 30-е годы XX в.⁶⁷ Позднее он описан в книге В.П.Никитина. Ни на одной из наших фотографий, ни в литературных описаниях нет свидетельств существования в Иране рубашки с факанэ-треугольными окончаниями. Упоминание о них есть лишь в работе А.П.Колпакова, посвященной курдам племени гуран.⁶⁸

Костюм курдянок из Ирака исследован Х.Хансен в 50-е годы XX столетия. Одна из фотографий воспроизводит костюм деревенской "аристократки".⁶⁹ Молодая женщина одета поверх нижней рубашки в верхнюю, длиной до щиколоток, из-под которой чуть выступают обшлага шаровар,⁷⁰ поверх платья одета бархатная кава, полы которой жестко прострочены и при носке слегка отстают назад. Треугольные рукава платья-рубашки выпущены из рукавов кава и обмотаны вокруг кисти. На голове у женщины надета шапочка, украшенная монетами и обмотанная шалью в виде тюрбана.

В городе женщины, выходя на улицу, одевают на голову плащ-"аба" с пришитым в верхней части лицевым покрывалом;⁷¹ в своей же среде курдянки лица не закрывали.⁷²

Другие костюмы, воспроизведенные в книге Х.Хансен, отличаются от наших лишь деталями.

В книге Т.Ф.Аристовой приведено описание и даны фотографии костюмов курдов Закавказья.⁷³ Хотя в них много общего с иранскими курдскими костюмами (комплект с юбками), но это касается лишь состава комплекта. Весь стиль его - иной. Рубашка носится как блуза, заправленная в юбку, сама юбка длиннее и не столь широкая. Главная особенность - головной убор "кофи".⁷⁴ Подобный головной убор, по имеющимся данным, у иранских и иракских курдов не встречается.

Все, что было сказано, касалось, прежде всего, костюма повседневного, традиционного. В коллекции же МАЭ женские костюмы относятся к числу праздничных, часть их выполнена из самых современных тканей, но все они по покрою и по этно-эстетическим характеристикам (цвет, форма, отделка) могут стать образцом подчинения современного материала задачам создания традиционного по своему духу костюма.

Мы имеем три комплекта праздничной одежды: два иракских и иранский. Костюмы из Ирака принадлежали студенткам и являются девичьим вариантом костюма. Один из этих комплектов состоит из шаровар из красного шелка, затканного золотой нитью, зеленого платья из капронового теля с узором из белого шелка и золотистого люрекса и жилета из синей парчи, отливающей алым (коллекция № 682I 1-3). Платье с длинными треугольными рукавами. Девушки к такому костюму головной убор не надевают, туфли носят фабричные, но предпочитают мягкие, на небольшом каблучке, что определяется характером курдских танцев.

Другой комплект похож на первый по материалу и крою, но цветовая гамма иная; шаровары из зеленого теля на чехле, яркосире-

невое с серебром платье из прозрачного нейлона и белый шелковый жилет с серебряными цветами (№ 676I I-3).

Костюм курдянки из Мехабада (Иран) (№ 6926 I-7) несколько иной. Парчевое плотное платье темнорозового цвета с золотыми цветами, розовые шелковые шаровары, пояс из оранжевого кашемира, фиолетовая куртка с золотом дополнены сложным головным убором из шапочки с металлической цепочкой под подбородком и большой ажурной шали из тонкой оранжевой кисеи с блестками. К этому костюму, принадлежащему женщине постарше, но до пятидесяти лет, полагаются туфли из кожи на высоком каблуке. В таком костюме женщина принимает гостей, может сама пойти в гости, может присутствовать на празднике где-то в общественном месте. К нему обязательными являются многочисленные золотые украшения.

Как уже говорилось при рассмотрении элементов одежды, платье из этой коллекции отличается по крою от платьев иракских комплектов, у него отсутствуют треугольные рукава, юбка отрезная, платье в обязательном порядке носится с поясом.

Таким образом, можно на основании иллюстративных и предметных коллекций МАЭ сделать некоторые выводы.

В отношении мужского костюма мы можем говорить о разнице, выраженной в принципиально важных моментах (кроме прежде всего) между городским и сельским курдскими костюмами. Даже по описаниям прошлого века, когда племенная принадлежность ярко отражалась в одежде, это касалось прежде всего эстетических характеристик - цвета, декора, манеры повязывать турбан и носить веши. В современном обществе все эти различия быстро сглаживаются, костюм явно приобретает черты общекурдского, что связано прежде всего со становлением нового этнического самосознания. Важное наблюдение сделано Л.Дзенгелом, показавшим, что процесс "европеизации", т.е. переход к общемировой стандартизированной одежде у курдов идет быстрее, чем у арабов и персов из-за нежелания смешиваться, прежде всего с последними.⁷⁵ Однако, "равандузский" тип мужского курдского костюма сохраняется как локальный вариант; существуют пока и другие, правда, второстепенные отличительные признаки.

В женском костюме можно выделить три различных типа. Первый зафиксирован только в иллюстративных коллекциях МАЭ: комплекс, состоящий из блузы и шаровар. Ареал распространения такого костюма - Иран, Закавказье, возможно, Турция. Второй комплекс: шаровары, длинная рубаха-платье с прямым рукавом, которую носят с поясом. Этот вариант встречается прежде всего в Иране. Третий комплекс был характерен раньше только для Ирака; возможно, что сейчас

ситуация изменилась.⁷⁶ Он состоит из шаровар, длинной рубахи со специфическими рукавами треугольной формы внизу. Как указывает Л.Дзенгел, пояса для такой одежды не характерны, они появились недавно и являются современной деталью в одежде.⁷⁷ Головные уборы различны: девушки могут не покрывать голову вовсе, – накинуть на голову шаль или надеть только шапочку, украшенную многочисленными монетами, розетками, бусами и т.д. Подобный головной убор носят и женщины, но чаще всего они надевают двухчастный головной убор, состоящий из шапочки той или иной формы и турбана из одного или нескольких платков для шалей. Поверх шапочки или всего головного убора может быть накинута шаль. Такие головные уборы, естественно, в разных вариантах форм и цвета распространены повсеместно.

Следует отметить абсолютное своеобразие курдского народного костюма, несмотря на многие детали, сходные с применяемыми соседними народами. Одежда курдов формой, цветом, манерой ношения отличается очень резко. Исследователи отмечают любовь к ярким цветам и контрастным сочетаниям их в костюме, что хорошо видно по нашему собранию. Важное наблюдение сделал Л.Дзенгел, показав, что прежде излюбленные курдами цветные материалы были малодоступны скотоводам-кочевникам. В связи с переходом к земледелию и ростом относительного благополучия получили и большее распространение любимые яркие ткани.⁷⁸ Сейчас все чаще традиционные бархат, вельвет, хлопок, шелк заменяются синтетическими тканями, которые приспособляют к традиционным формам одежды.⁷⁹

Костюм курдов Ирака по сведениям Л.Дзенгела сохраняется в крупных городах на 50%, в небольших городках – на 60–70%, в мелких местечках современная одежда употребляется единицами.⁸⁰ Данные об употреблении курдами Ирана традиционных форм одежды отсутствуют.

Заключая сравнительный обзор коллекций по одежде курдов в собрании МАЭ следует отметить, что музейные собрания могут дополнить важными данными существующие литературные источники, тогда же, когда речь идет о памятниках материальной культуры народа, роль их неопценима.

-
1. Коллекция М.А.Салмаси (№ 6353).
 2. Коллекция Г.М.Бадрутдиновой (№ 676I 9–II) от 1978 г.
 3. Коллекция Гилас Кадир аль Джаф (№ 676I I–3) и З.А.Дсуповой (№ 682I I–3).
 4. Коллекция № 6926.
 5. Колл. № 1845 2.

6. Колл. № 247I 28.
7. Колл. № 2590 4,5,8,9,19,22.
8. Колл. № И 764 II0, II4, II7, II8, II9.
9. Колл. № И 1890 88, 89, 95, 97, IOI, 32I, 322, 324, 325 и др.
10. Народы Передней Азии. М., 1957, с. 243; С.И.Брук. Население мира. М., 1986, с. 807.
11. H.Hansen. *The Kurdish Woman's Life*. København, 1961.
12. М.Ариф. Одежда и украшения курдов Ирака. - Полевые исследования ИЭ АН СССР. 1975. М., 1977, с. 146-153.
13. L.Dzięciel. *Tradycyjny stroj współczesnych Kurdów irackich i jego przemiany*. - *Etnografia polska*, XXVII, t.I, s. 339-361.
14. W.Al-Jadir, Dh.Al-Azzawi. *Les vêtements populaires en Irak*. Bagdad, 1979.
15. А.Аракелян. Курды в Персии. - ИКОИРГО, t.XVII, 1904, с. 17-19; К.Н.Смирнов. Поездка в Северный Курдистан, там же, с. 306-7; Н.Зейдлиц. Путешествие вокруг озера Урмии. - Вестник РГО, вып. XXII, 1858, с. 60-61; В.П.Никитин. Курды. М., 1964; А.П. Колпаков. Курдское племя джелалавенд. - СЭ, 1951, 3, с. 166; он же. Курды племени гуран. - СЭ, 1949, 4, с. 178.
16. О.Л.Вильчевский. Мукринские курды. - ТИЭ, н.с., XXXIX, 1958, с. 196-200.
17. Т.Ф.Аристова. Курды Ирана. - КСИЭ, вып. 21, 1954, с. 101-103; она же. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. - ТИЭ, н.с., XXXIX, 1958, с. 237-240; она же. Курды Закавказья. М., 1966, с. 108-126.
18. Ширина ткани, используемой для шитья одежды зависит от возможностей ткацкого станка, об этом прямо говорит Hansen. *Op. cit.*, p. 88.
19. Эту особенность подметил уже Никитин. Ук. соч., с. 155.
20. Термин "ранэк" указан в описи по консультации Т.Ф.Аристовой, термин "шарваль" приведен: Ариф. Ук.соч., с. 147; Х.Хансен придерживается термина "ранэк". Следует помнить о значительной разнице в терминологии одежды по районам Курдистана. Об этом см. Dzięciel. *Op.cit.*, s. 345. Основная часть приведенной терминологии взята из работ Х.Хансен и Маджида Арифа; часть терминов, касающихся предметов одежды в коллекции 6926 сообщил собиратель, доктор Х.Хуссами.
21. Первый термин приведен в описи, второй - Арифом. Ук.соч., с. 147.
22. Вильчевский. Ук.соч., с. 198, прим. 39.
23. Al-Jadir, Al-Azzawi. *Op.cit.*, p. 74, 122.
24. Аракелян. Ук.соч., с. 18; колл. МАЭ 2590-19, И 1890-97, IOI,

321-322, 325.

25. МАЭ № 3771 I4a,б. Об изготовлении и употреблении см. Ф.Д. Люшкевич. Одежда жителей центрального и юго-западного районов Ирана. - Сборник МАЭ, XXVI. Л., 1970, с. 304, прим. 19.
26. Такие плащи у знати, к тому же различавшиеся по цвету в зависимости от принадлежности к племени, описал в 50-е годы XIX в. Н.Зейдлиц. Ук. соч., с. 60.
27. Вильчевский. Ук. соч., с. 197.
28. Hansen. Op. cit., p. 87, 88, fig. 72; Al-Jadir, Al-Azzawi. Op. cit., p. II2, II4.
29. G.Dalman. Arbeit und Sitte in Palästina. B. V, 1939, № 42; ср. также МАЭ, № 5640 9.
30. Эти сведения получены от Р.Рашида (Ирак) и К.Р.Эйюби (Иран).
31. Dziegiel. Op. cit., s. 344.
32. Hansen. Op.cit., fig. 81; Никитин. Ук. соч., с. 158.
33. Вильчевский. Ук. соч., с. 197.
34. Hansen. Op.cit., fig. 71, 73.
35. ib., fig. 70, 74; Al-Jadir, Al-Azzawi. Op.cit., p.II0-II4.
36. Hansen. Op.cit., fig. 77, 78.
37. МАЭ № I4764 II4.
38. Маджит Ариф в своем исследовании одежды курдов Сулейманийской области Ирака дает описание комплектов одежды и приводит общие названия. "Ранг-о-чоха" шьется из домотканой шерсти. "Шарваль-у-сатархани" - из фабричной, он идентичен нашему костюму курда-горожанина из Ирана. Существует и вариант "шарваль-у-маратхани", у которого куртка является средним вариантом между этими двумя. Ариф. Ук. соч., с. 148.
39. Аракелян. Ук. соч., с. 18; Никитин. Ук. соч., с. 157-158.
40. Смирнов. Ук. соч., с. 306.
41. Вильчевский. Ук. соч., с. 198.
42. Об этом см. Аристова. - ТИЭ, XXXIX, с. 237-239.
43. Маджит Ариф считает, что величина платка для турбана связана и с экологическими условиями существования разных групп курдов. Ариф. Ук. соч., с. 148-149.
44. Hansen. Op. cit., p. 65, fig. 48, 50.
45. ib., fig. 51, 66.
46. Подобное платье-рубаха у иранских курдов описано Аристова, - ТИЭ, XXXIX, с. 237.
47. О любви курдов к индийским тканям см. Никитин. Ук. соч., с. 157.
48. Hansen. Op.cit., fig. 29, 62, 65.

49. Вильчевский. Ук. соч., с. 199.
50. Аристова. Курды Закавказья, с. 48.
51. МАЭ № 2267 I7, 334I 56, 97. Описания и местные названия этих кофт см. Лышневич. Ук. соч., с. 286-287, рис. 3, 4.
52. Hansen. Op. cit., fig. 52, 53.
53. В иллюстративных коллекциях МАЭ есть свидетельства употребления такой шапочки и с другими головными уборами, например, с турбаном: 247I 28, 2590 8, И 764 II4.
54. Hansen. Op. cit., fig. 49, 50.
55. Аристова. - ТИЭ, XXXIX, с. 237. См. также Никитин. Ук. соч., с. 158.
56. Hansen. Op. cit., p. 68, fig. 54, 55; Ариф. Ук. соч., с. 150.
57. Вильчевский. Ук. соч., с. 199. Дорогие кава были показаны в 1957 г. в Эрмитаже на выставке "Народное творчество и художественные ремесла Сирии". См. МАЭ № И I7I9 24.
58. Ариф. Ук. соч., с. 150; Al-Jadir, Al-Azzawi. Op. cit., p. II6. МАЭ, № И I890 88, 89; 2590 22.
59. Аристова. - ТИЭ, с. 237; Ариф. Ук. соч., с. 150.
60. № 2590 4, 5; И 764 II0, II8, II9.
61. Hansen. Op. cit., fig. 58, 67.
62. № 247I 28.
63. № И 764 II7.
64. № 2590 8.
65. № I845 2.
66. № 2590 22.
67. № И 764 II4.
68. Колпаков. - СЭ, 1949, 4, с. 178.
69. Hansen. Op. cit., fig. 62.
70. О возрастных особенностях в отделке обшлагов шаровар см. Аристова. - ТИЭ, XXXIX, с. 237.
71. Hansen. Op. cit., fig. 60, 61.
72. Никитин. Ук. соч., с. 159; Смирнов. Ук. соч., с. 306.
73. Аристова. Курды Закавказья, с. II5, I66.
74. Там же, с. II9.
75. Dzięciel. Op. cit., s. 361.
76. Р. Рашид наблюдал подобные платья и в современном Иране, но К. Р. Эйюби, курд, родившийся и выросший в Иране, до конца 40-х годов их там не встречал, следовательно распространение их скорее всего - результат взаимовлияния локальных вариантов.
77. Dzięciel. Op. cit., s. 357.
78. ib., s. 343-344.
79. ib., s. 345.
80. ib., s. 359.

КНИГА ПО ИСТОРИИ КУРДИСТАНА, КОТОРАЯ ОСТАЕТСЯ НЕНАЙДЕННОЙ

"Шараф-наме", труд выдающегося курдского историографа конца XVI столетия Шараф-хана Бидлиси,¹ пытались продолжить многие последующие курдские хронисты, однако, все известные нам попытки и авторские претензии сводились к продолжению отдельно взятой главы или раздела. Единственным, кто после Шараф-хана дерзнул взяться за описание исторических судеб страны курдов в целом, а не отдельной области, династии или племени, был уроженец города Баязида Мела Махмуд Баязиди, оказавший А.Д.Жабе неоценимую помощь в собирании и изучении курдских рукописей.²

Мела Махмуд Баязиди родился в 1797 г., по получении соответствующего образования возглавил в родном городе школу и после смещения последнего курдского правителя Баязида выехал в Эрзерум. Совершив паломничество в священные для мусульман города, Мела Махмуд стал именоваться Хаджи и пользовался, как писал А.Д.Жаба, большим уважением среди мусульманских авторитетов. В 1846 г., во время восстания правителя курдов Джебзе Бадр-хан-бека, османское командование использовало в ходе переговоров с эмиром авторитет Мела Махмуда и даже выразило удовлетворение достигнутыми успехами. Однако через год, когда восстал правитель Хаккари Нурулла-бек и губернатор Эрзерума снова прибег к посредничеству Мела Махмуда, удовлетворение вскоре сменилось немилостью и даже кратковременным заточением в тюрьму. Авторитет Мела Махмуда, по-видимому, не позволил его подвергнуть более суровому наказанию, тем не менее, доверие официальных властей отныне, по всей вероятности, было утрачено.

Ко времени переезда А.Д.Жабы в Эрзерум в 1856 г. Мела Махмуд влачил весьма бедственное существование и собирался, как пишет А.Д.Жаба, выехать в Курдистан. Предложение последнего стать его сотрудником и помощником в изучении курдского языка изменило планы Мела Махмуда, и с этого времени начинается их многолетнее сотрудничество, которое можно считать весьма плодотворным. Среди работ по истории курдов, которые можно отнести к результатам этого сотрудничества, следует прежде всего упомянуть выполненный Мела Махмудом перевод с персидского на курдский язык I тома "Шараф-наме"³ и подготовленную им обширную, в тысячу листов рукопись под названием "Китаб-и таварих-и джадид-и Курдистан" ("Книга по новой истории Курдистана")⁴ - по просьбе А.Д.Жабы и щедром его вознагра-

рождении.⁵ Книга была написана в единственном экземпляре в 1274/1857-58 г.,⁶ почти одновременно с другим сочинением "Адат ва расумат-наме-йи акрадийе" ("Нравы и обычаи курдов").

Хроника Мела Махмуда вызвала у А.Д.Жабы большой интерес и желание ее перевести. 30 марта 1867 г. он направил в Петербургскую Академию наук на рассмотрение ученых-востоковедов выполненный им перевод на французский язык предисловия Мела Махмуда к этому сочинению. В Архиве АН СССР удалось обнаружить направленный в Историко-филологическое Отделение Императорской Академии наук П.И. Лерхом отзыв на этот перевод, который содержал следующее заключение: "Доставленный при письме из Смирны от 30 марта с.г. Д.Ст.Советником А.Жаба французский перевод введения к "Новой истории Курдистана", написанной на курдском языке, по отзыву переводчика, сделан с подлинника, составляющего продолжение изданному г.академиком Вельяминовым-Зерновым на персидском языке сочинения Шарафхана Бидлисского... Нижеподписавшийся, не имея перед собою курдского письма, с которого сделан французский перевод, поэтому не в состоянии сказать что-либо о достоинствах последнего. Судя по прежним подобным трудам г.Жабы, он может только предполагать, что и в настоящем случае смысл текста передан верно... Представив обзор содержанию просмотренного мною Введения, считаю нужным заметить, что сообщенные в нем сведения, исключая касающихся распределения курдских наречий, не отличаются подробностью и содержат много нам известного. 16 мая 1867 г. П.Лерх".⁷

Мнение одного из ведущих курдоведов и иранистов того времени явно было достаточно сдержанным. Как бы то ни было, дальнейшая судьба хроники Мела Махмуда нам неизвестна. В числе принадлежавших А.Д.Жабе курдских рукописей, которые ныне хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, она отсутствует. Неясно также, была ли закончена работа А.Д.Жабы над переводом. В его письмах за 1867 и последующие годы мы не находим на то никаких указаний.

От обширного исторического труда Мела Махмуда в Архиве АН СССР сохранился лишь выполненный А.Д.Жабой французский перевод предисловия, написанный его рукой на 50 страницах размером 21,5 x 17.⁸ Известно также (об этом А.Д.Жаба упоминает в письме к Б.А.Дорну от 13 июня 1867 г.), что, кроме предисловия, хроника содержала одиннадцать глав и "список правителей, эмиров и ага, которые пользовались властью в 1200/1785-86 г.".⁹ Особый интерес представляет оглавление, позволяя реально представить содержание книги:

- Глава первая. Описание событий, которые имели место в Эрзерумской области с 1200/1785-86 по 1274/1857-58 гг.
- Глава вторая. Описание событий в округе Ружаки, главными городами которого являются Муш и Бидлис.
- Глава третья. Описание событий, которые произошли в округе Махмуди, который курды называют Махамадан и главный город которого Хошаб.
- Глава четвертая. Краткое изложение событий, которые произошли в Ванской области.
- Глава пятая. Краткое описание событий, которые имели место в Хаккари.
- Глава шестая. Описание событий, которые произошли в округе Рувандуз.
- Глава седьмая. Описание событий, которые произошли в Бахдинане, где главный город Амадия.
- Глава восьмая. Описание событий, которые произошли в Бохтане, где главный город Джезире.
- Глава девятая. Описание событий в области Силиван, где главный город Баязид.
- Глава десятая. Описание событий, которые произошли в Карсе, и взятие этого города русскими.
- Глава одиннадцатая. Описание событий, которые произошли в Азербайджане, а также в Хое, Тебризе, Ереване, Урмии, Мераге и Маку.

Как показывает приведенное оглавление, хроника Мела Махмуда охватывала основные области северного и центрального Курдистана и почти столетний период их истории, с 1200/1785-86 по 1274/1857-58 гг. По свидетельству А.Д.Жабы, автор часто обращался и к более отдаленным временам, вплоть до эпохи Шараф-хана Бидлиси.¹⁰ Несомненно, если будет найдена рукопись труда Мела Махмуда Баязиди, источниковедческая база курдской истории пополнится документом первостепенной значимости. Однако, поскольку сочинение остается до сих пор необнаруженным, представляется целесообразной публикация выполненного автором этих строк перевода рукописных листов А.Д.Жабы - единственного, чем мы сегодня располагаем. И так, слово Мела Махмуда Баязиди, автору "Книги по новой истории Курдистана".

52

« // Каждый народ имеет свою историю, имеет какое-нибудь сочинение, в котором говорится о его происхождении и об основных событиях, свидетельствующих о его существовании среди других народов. Будучи такого мнения, Шараф-хан [Бидли-»

«си» решил написать историю своего народа, историю курдов. Действительно, Курдистан обязан своей историей перу этого исполненного знаний и достоинств, самого выдающегося человека своего столетия.

53 Курд по происхождению, он принадлежал к известной семье из Бидлиса, где она правила с давних времен и переходила то под власть персов, то в зависимость от султанов Османской империи. Его сочинение содержит историю Курдистана, там сказано о происхождении курдов, об их языке, обо всех эмирах, наследовавших власть в этой стране. Оно было закончено в 1005/1596-97 году и называется "Шараф-наме". Шараф-хан весьма известен в Курдистане своим красноречием. // Его предки управляли в Бидлисе и племенем ружаки еще до воцарения Османов. Они возводили свою генеалогию к роду Ануширвана Справедливого, ^{II} и власть над Бидлисом, Ахлатом и округами племени ружаки утвердилась за ними со времен армянских царей.

Из всех курдских правителей лишь три рода являются наиболее древними: род правителей Бидлиса, род правителей Бохтана, которые ведут свое происхождение от Халида, и, наконец, род правителей Хаккари, которые происходят от Аббасидов. Остальные эмиры Курдистана менее древнего происхождения, но каждый из них - бек своего племени.

54 Относительно происхождения курдов существует три версии, свидетельствующие о древности их (курдов) происхождения. Версия первая. Рассказывают, что во времена падишаха Заххака, а он, как известно, страдал одним недугом и ежедневно приказывал убивать юношу и девушку, мужчины и женщины, спасаясь от его жестокостей, убегали в горы и леса. Там юноши и девушки скитались как придется и соединялись друг с другом как хотели. Но, оставаясь в этих // пустынных местах, они одичали (...).

После смерти Заххака они перешли в долину, выбрали тихое место с укрытиями и там поселились. Города и деревни их совсем не привлекали, они всегда предпочитали пустыню. Со временем они разбрелись в разные стороны и образовали племена (...) курдов. Такими были племена хайдари, зили, хасани и еще много других, которые от них произошли. Дети и потомки Хайдара стали называться хайдари, дети и потомки Зило и Хасана - зили и хасани, что означает, что они принадлежат к семье Зило и Хасана. >>

« Словом, к настоящему времени [их потомки] (...), которые расселились повсюду, взяли имя своего отца и своего деда, и несколько поколений выходцев из одной семьи составили таифе. На территории Османского [Государства] насчитывается от 700 до 800 таифе, с// аширатами и кабиле.

55

Версия вторая. Согласно "Шараф-наме", во времена Мухаммада курды направили к его святоски пророку посланца. Это был человек необычный: исполин с глазами, заросшими шерстью, вида странного и внушающий ужас. Ни пророк, ни его сподвижники никогда не видели [такого] человеческого существа (...). То ли Мухаммад был весьма удивлен таким посланцем, [но] с того времени (...) потомки этого посланца названы курдами. Они держатся вдали от городов и деревень, живут в горах и пустыне. Со временем их число умножилось и стало таким, каковым оно является сейчас.

56

Версия третья. // Согласно одному весьма правдоподобному преданию, во времена Ноя один из сыновей Йфета, странствуя по свету после потопа, встретил девушку-фею и на ней женился. Дети от этого брака были необычные. Удалившись в пустынное место, они жили в полном уединении, не умели строить домов, говорили на им одним понятном языке и жили в шатрах. Их число возросло, и они расселились повсюду. Некоторые избрали чисто кочевой образ жизни и переселились в Иран, Туран и Шам. Там число их умножилось, и впоследствии из семей они составили таифе и ашираты, каковые мы находим в настоящее время.

Первым местом, где поселились курды, была [область] Майяфарикина, в сторону Диярбекира. Именно отсюда они расселились повсюду. Словом, курды – древний народ. Они существовали еще до господнего посланца. Причины, побудившие курдов поселиться вдоль персидско-турецкой границы и в окрестностях Багдада, таковы. Все курдские племена любят // воевать и охотно вступают в сражение. Между собой у них постоянная вражда. (...).

57

В минувшие столетия на границах Ирана и Турции, Багдада и Ирака шли непрерывные войны между Чингизидскими, Сельджукскими султанами, Сефевидами, Аббасидами и царями Армении. Грабежи и добыча привлекали туда курдов. Надеюсь на >>

«добычу, они охотно участвовали в войне (...) и сбегались к этим границам во множестве, поступали к тем султанам на службу, отличались своей замечательной храбростью и довольствовались малым.

58 Им удалось достичь наивысшей славы к тому времени, когда всех беков и ага курдских племен, известных своей храбростью, к себе на службу призвал султан Османской империи Сулейман Великий, поименованный Законодателем, который предпринял поход // на Иран и Багдад. Он удостоил их титулов [обладателей] уртлыков и оджаклыков, остальным, сообразно достоинству каждого [передал] округа, крепости, города, области и деревни от Грузии до Багдада, Басры и Египта и [на то] пожаловал грамоты и бераты.

59 Расселив курдские племена вдоль турецко-персидской границы, там, где это было необходимо, для защиты границ и охраны османской территории от набегов персов и грузин незамедлительно построили укрепления и крепости. Когда Сулейман Законодатель возвратился в Стамбул, мать будто бы обратилась к нему с такими словами: "О, сын мой! Ты возвратился, а грузины и кызылбаши не устроят набег на твои области и не причинят им ущерб?" Султан ответил: "О, мать моя, я воздвиг прочную стену // между Османской империей и государством грузин и иранцев, враг не сможет причинить никакого вреда". "Как же тебе удалось, - сказала она, - на таком большом пространстве построить стену?" Султан ответил: "Мать, я построил ее из мяса и крови. Я поручил управление этими районами курдским племенам, я поставил их в ряд как полевое укрепление от Грузии до Багдада, Басры и Шахр-э-зура. Враг не сможет, минуя их, проникнуть в государство ислама".

Действительно, такое положение сохранялось долго, но [впоследствии] изменилось. Однако и сейчас курды, стоит им увидеть, что где-то готовится военный поход или сражение, не в силах себя сдержать. (...).

60 Относительно языка курдов. Язык, на котором в Курдистане читают и пишут, един и имеет единую форму слов и алфавит. Однако в устной речи различают четыре диалекта. Первый диалект // - диалект раванди, на котором говорят курды, проживающие в Чилдыре, Карсе, Баязиде, Мусе, Бидлисе и Ване. К этому же диалекту относится и язык курдов райя, которые проживают в Харпуте, Диарбекире, Мардине и его окрестностях вплоть до Эрзерума. На нем говорят также и крупные кочевые племена упомянутых областей, как-то: зиланлу, хайдаранлу, »

«джимадинлу, касканлу, савиданлу, маманлу, джалалу, джунаканлу, хасананлу, джибранлу, сипкилу, галтури, бураки, шеаклу, шавилу, шекафтелу, арабанлу, баравалу, миланлу. И другие курдские племена, большие и малые, кочевые и оседлые, в окрестностях Карса, Чилдыра, Еревана, Вана, Муша, Диарбекира и Харпута, все говорят на диалекте раванди.

61 Второй диалект - диалект, [на котором говорят в областях] Хаккари, Махмуди, Ширван, Бохтан, Хизан, Мокс, Сипаирт, Шно, Сомай, Берадост, // Шемдинан. Племена мзури, зебари, харки тоже говорят на диалекте хаккари. Все курдские книги и стихи написаны на этом языке, который, однако, мало отличается от диалекта раванди.

Третий диалект - диалект сулейманийский. Это язык племен бебе (бабан), бильбас, зарза и мукри, которые поселились поблизости от Сулеймании и Шахризур. Он в равной мере отличается от остальных диалектов.

Четвертый диалект - диалект заза, один из курдских языков. Племенем заза названо племя дуджик, которое занимает [районы] от округа Терджан, относящегося к Эрзеруму, до Дерсима и горы Аджа. Диалект, на котором оно (это племя) говорит, сильно искажен. Другого [такого] (...)аширата нет [во всем Курдистане]. Курды их считают чем-то вроде деревенщины. Пишут они на диалекте хаккари, но говорят лишь на своем языке, добавляя слова из других курдских диалектов. При всем своем отличии этот диалект принадлежит к курдскому языку.

62 // Хотя эти четыре диалекта друг от друга отличаются, говорящие каждый на своем диалекте представители разных тайфе в состоянии понять друг друга, ибо основа этих диалектов одна. Nan "хлеб", av "вода", herin "уходить", verin "приходить", patin "печь", sitandin "получать" и многие другие их составляющие слова едины и одного происхождения. Поэтому разницу между этими четырьмя диалектами можно обнаружить лишь в различиях между словами. Тем не менее, язык [племени] беби (бабан) весьма далек от языка заза. Другие же диалекты, подобно диалекту хаккари, очень похожи на раванди. Разница у них едва заметна: на сто слов найдется одно-два непохожих.

Среди курдов-кочевников образованные люди очень редки. Что касается племени заза, то из него ученые никогда не выходили, да там их не могло и быть, ибо его курдский язык слишком зауряден. У них несколько беков с трудом могут читать»

63 «Коран, остальные сплошь безграмотны. Известные ученые // происходят из Хаккари, Бохтана, Бабана, Бахдинана, Муша и Баязида. Есть знаменитые люди среди жителей Сорана.

У курдов были эмиры, паши, ага, родом [каждый] из своего племени. Пашалыков у них не было, санджаков насчитывалось всего четыре-пять: Диарбекир, Ван, Муш, Бахдинан, Шахризур и Баязид. Остальные округа и все другие области были бейликами.

У кочевников¹² беков не было, у них были ага. Однако Тимур Милли, выходец из племени милли, которое относится к курдам-кочарам, достиг звания паши и в течение определенного времени пользовался абсолютной властью [в звании] искиан-баша¹³ в окрестностях Урфы. С тех пор [и] до настоящего времени // у курдов-кочаров не было больше [ни одного] паши.

Кочевые курды Азербайджана, согласно "Шараф-наме", являются выходцами из Курдистана, [а также] из области Луристан, называемой Лур-и Бузург и Лур-и Кучак. В упомянутом сочинении мы находим самое подробное того [описание]. Несколько крупных курдских аширатов есть в Иране, Арабистане, в окрестностях Сиваса, Мардина и Агина. Из них самые крупные следующие ашираты: рипшван, миллан, адрик, афшар. Каждое племя насчитывает около 15 тысяч семей. Кроме того есть небольшие тайфе, например, мирдаси, агче-кашло, сичарик, хирузи, шадлу и много других.

Нравы и обычаи всех этих курдских племен неодинаковы, особенно [отличаются] курды Дерсима, которые принадлежат к секте кызылбашей и алидов. Курды, занимающие пограничные [районы] от Карса и Чилдыра до Диарбекира, // Мосула, Шахризур и Багдада, будь то оседлые или кочевые – принадлежат к шафиитам и другим вероучениям никогда не следовали. Все эти курды – выходцы из одного древнего тайфе, которое появилось, по-видимому, после потопа, согласно некоторым сочинениям, например, "Раузат ас-сафа" и другим хроникам. Небольшое вначале, со временем оно стало весьма многочисленным.

С давнего времени курды поступали на службу к различным государям и в войне с армянами и грузинами завладели их областями, которые составляют [ныне] . . . часть Курдистана. Со времен меликов¹⁴ на неограниченную власть претендовали многие курды и приказывали читать хутбу со своим именем. В войнах между турками и персами курды, как это показано в "Шараф-наме", проявляли полную самостоятельность и переходили на сторону победителя.

Шараф-хан, человек весьма известный и исполненный дос- »

« тоинств, некоторое время служил персидским шахам [династии] Сафави и привез свою семью в Иран.¹⁵ Некоторое время он проживал в Казвине и Хорасане. Щедро осыпанный там милостями со стороны Оттоманского правительства, он снова возвратился в свой родной город Бидлис. Как описано в "Шараф-наме", Шарафхан снискал особое расположение турецких и персидских государей. Он пользуется среди курдов большой известностью, а его исторический труд "Шараф-наме" весьма ценится курдами и во всем мире. Это редкая книга; в [свое] время за нее платили I 500 пиастров и, тем не менее, достать ее было трудно, ибо исторических сочинений турецких, арабских и персидских [авторов] много, а второй истории курдов нет. Именно по этой причине "Шараф-наме" столь редкая [книга] и дорого стоит.

67 Оседлые курды, как и все ашираты и кабиле, проживающие в областях // Муша и Бидлиса, носят общее название рукаки; ашираты Махмуди называются шеккаками, оседлые курды области Джебзире - бохтан, а кочевые племена - раванди. Все хаккарийские курды называются кочарами, ашираты и оседлые курды областей Амадия и Акра - бахдинан.

Баязид первое время назывался иначе, [первоначально] этот город упоминали как старый Алашкерт. Там проживало, о чем говорится в "Шараф-наме", племя пазуки, подчинявшееся то Турции, то Ирану. Позднее, во времена Османов, султан Мурадхан выступил из [города] Баязида на войну с персами, во время завоевания Еревана. На службу к султану Мураду из Диарбекира прибыл некий Абди-бей, который происходил от 68 Мерванидов из Майяфарикина, - с несколькими семействами // из племени силиванли. Он отличился в сражении под Ереваном, и его величество султан Мурад пожаловал упомянутому Абдибею и племени силиванли [города] Баязид, Алашкерт, Шилве и их окрестности на правах юртлыка и оджаклыка.¹⁶ Они построили крепости и поселения, там остановились, и Баязид с относящимися к нему [округами] стал называться Силиванли, по названию племени.

В "Шараф-наме" не говорится о Баязиде, его правителях и о [племени] силиванли. [Это события] более позднего времени, и описаны они в настоящей "Истории нового времени", где идет речь об упомянутых областях, о делении больших курдских племен на небольшие кабиле, из которых некоторые упомянуты в "Шараф-наме".

Историю каждого кабиле проследить невозможно, сочинение стало бы излишне громоздким, [однако], список племен и каби- »

69 « ле [мног] составлен. // Курдские племена, [проживающие] на османской территории, можно отнести к трем таифе: милли, зилли и сипки, из которых вышли все остальные ашираты и кабиле. Каждое таифе насчитывает несколько сотен кабиле, названия которых известны [в таифе], как и в кабиле известно таифе, к которому оно принадлежит. В случае вражды между двумя таифе небольшие кабиле обязаны объединиться, чтобы выступить на стороне своего [таифе] и принять участие в боях.

Кочевые племена, проживающие в Персии, называются гора-нами. Они насчитывают большое число кабиле, как-то: курасини, сарави, халили, афшар, баят, хайдари, аладжини, чобанкаре и другие. Большинство из них говорят по-турецки, что в Персии весьма распространено. Несмотря на это они образуют ашираты и сохраняют нравы и обычаи курдов. Часть из них ведет оседлую жизнь, другие кочуют.

70 // В Хаккари три больших племени, которые состоят из оседлых и кочевников-кочаров. Каждое племя насчитывает около 15 тысяч семей. Это - [племена] хартуши, хани и пеньяниши. Там проживает еще несколько кабиле.

На территории Бохтана пять крупных аширатов: диршави, хаджи-али, мири, алаки, дудири, состоящих в основном из кочевников (химе-нишинов). Там проживает и много небольших кабиле.

В Амадии три больших аширата: зибари, мизури и харки, в каждом аширате около 12 тысяч семей, [а также] множество небольших кабиле.

В Диарбекире три больших аширата: милли, карачури, силиванли, в каждом [аширате] более 15 тысяч семей. Небольших племен там великое множество.

В Ване два больших аширата: шеккаки и шикафти и много небольших кабиле.

71 // В Муше и Биддесе два крупных аширата: хасананлы и джибранлы¹⁷ и много небольших кабиле.

В Баязиде четыре больших аширата: зиланлу, джалалу, хайдаранлу и сипки и более 300 небольших кабиле.

В Эрзеруме аширатов никогда не было. Если в деревнях там и есть несколько курдских семей, то это беженцы из какого-то племени, остановившиеся на жительство.

72 Курды [племени] дуджик составляют три больших аширата: курайши, балабанлу и джихабеклу. // К ним относится большое число незначительных кабиле.

В Карсе постоянно проживал всего один ашират хаксанлу, »

«который насчитывает около 400 семей.

На территории Сорана четыре больших аширата: зирки, мукри, бебе и бильбас, которые среди других племен занимают более высокое положение и отличаются храбростью. Каждое племя насчитывает до 20 тысяч семей и владеет превосходными конями туркменской [породы]. Мужчины [у них] высокого роста, носят кольчугу, храбры и совсем не похожи на курдов этих районов. В соответствии с преданиями их считают потомками древних пехлеванов-богатырей, и они на них похожи весьма. (...) Они до сих пор пользуются ружьями с запалом старинной системы, другого огнестрельного оружия у них нет. Все они вооружены копьем и саблей, все носят бороды (...).

73 Шахризур граничит с [областями] Тебриза и Керманшаха. Эти области // и еще несколько других крепостей и округов, которые первоначально относились к Хаккари, отошли под власть персов. Они отобрали эти районы от надменных турок, чтобы выровнять свои границы. Отдельные места, как-то: Сенне, Саккыз, Шно, Сагбулаг (Соуджбулаг), Шамдинан, Бане, Балык, Сардашт, Чари, Сомай, Берадуст и Дирак остаются спорными поныне. В этих районах племена говорят на хаккарийском наречии, какое в ходу также во многих округах и местечках, относящихся к Багдаду, как-то: округ (каза) Керкук, Эрбиль, Алтун-Кепри, Зохаб, Хошнав (Ушну) и Рувандуз. Население этих районов составляют курды, говорящие на диалекте хаккари, с едва заметным различием.

74 В Курдистане насчитывается 70 тысяч семей армянских райя¹⁸, 15 тысяч семей несториан (айсоров) и 200 семей еврейских. // Курдистанские райя говорят на курманджи. Они храбры и носят оружие. Это настоящие воины, которые могут дать курдам отпор.

Среди курдов есть езиды. Они поклоняются дьяволу, не признают ни поста, ни молитвы, считают вино дозволенным и пьют его, когда представляется случай. Однако обрезание (суннат) у них принято, а своей храбростью они превосходят остальных курдов. Их язык курдский и ничем от него не отличается. Отличаются они только религией. У езидов есть свои кавали, пиры и шейхи,¹⁹ но никто [из них] не умеет ни читать, ни писать. У них никогда не было ни книг, ни письменности, средством общения служит лишь устная речь. Считают, что племя это происходит из рода Йезида ибн Марвана, кото- »

75 « рый семьей Мухаммада - да будет над ним милость божья! почитался презренным из-за убийства // Хусейна.

Убить езида у курдов считается вполне допустимым, и всякий раз, когда представляется удобный случай, курды-мусульмане убивают езидов, а их женщин обращают в рабство. В мясной лавке езида они предпочитают не брать мясо и считают [езидов] вероотступниками.

[Езидское] таифе весьма многочисленно. Проживающие на территории [области] Баязида [езиды] образуют следующие ашираты: хусайни, масаки, чухраши, каласори, калараши, хувайди, мухайли, калири, рамуши, казани и дасини. В областях Вана и Махмуди проживают езидские племена барави, раши, мандаки, башами, мандасори, куртаки, дарказини, бутак и хури; в Муше и Бидлисе - езидские таифе чакуи, ауки, акусини и балли.

76 Кроме упомянутых езидских таифе есть езидские племена, известные под названием Йезид-хане // и насчитывающие около 15 тысяч семей. Проживают они между Мосулом и Джебеле, в горах Шангар, где им принадлежат более 300 деревень и селений. Когда-то они проявляли непокорность, но впоследствии (...) подчинились. Езидские пиры, шейхи и кавали, как и их правители, - [все] родом с гор Шангар.

77 В "Шараф-наме" упоминаются следующие крупные города и области: Гурджистан, [оба] Ширвана, Азербайджан, Хорасан, Луристан, Шахризур, Бабан, Шну, Бахдинан, Бохтан, Ирак Арабский, Багдад, Диарбекир, Бешири, Хаккари, Мокс, Ширван, Хазо, Хизан, Куфра, Исфаирд (Сипаирт), Бидлис, Муш, Ван, Махмуди, Силиванли или Баязид, Эрзерум, Карс и Чилдыр. Автор "Шараф-наме" // описывает историю всех аширатов и кабиле упомянутых областей, рассказывает об их предках и преемниках, называет их беков, правителей и ага, какой они пользовались властью и доводит свое описание до [правителей] Пало, Агина и Мардина. Упомянуты и другие правители: Чингизиды, Сельджуки, [Тимур] Гурган, Сефевиды, Ак-Койунду, Кара-Койунду, государи Армении, Аббасиды, Айюбиды, туркменские и узбекские султаны, шах Тахмасб и династия Османов. [Шараф-хан] описывает некоторые события [времени] правления этих государей и войны, которые они вели.

78 Автор ["Шараф-наме"] происходит из прославленного, известного своим благородством рода. Могила и гробница Шараф-хана находятся в городе Бидлисе. // Большую часть своего состояния он потратил на подарки, благотворительные дела, на »

«строительство соборной мечети и медресе. И ныне там проживают потомки этого рода, но они не пользуются никакой властью и живут на скромное содержание, предоставленное им взамен тимара.

Эта достойная семья снискала некогда особое расположение как турецких султанов, так и персидских шахов. [Сам] Шараф-хан некоторое время состоял на службе у Сахиб-Кирана,²⁰ какое-то время жил с семьей в престольном [городе] Казвине и в Хорасане. Обучаться ему посчастливилось вместе с шахскими сыновьями, о чем он рассказывает в конце своего сочинения.

79 Словом, [автор] "Шараф-наме" прежде всего стремился показать историю курдов, их происхождение, [описать] отдельные племена. Что до других сведений // о древних султанах и государях, в том числе, и о [султанах] Османских, то они приводятся лишь попутно. Истинная тема [сочинения] - [история] курдских тайфе. И, хотя в курдских племенах есть выдающиеся ученые, почтенные шейхи и крупные поэты, которые по образцу арабских и персидских сочинений написали ученые трактаты в прозе и стихах и сочинили всевозможные стихи и диванче,²¹ вплоть до наших дней в Курдистане не было написано книги, подобной "Шараф-наме". Об исторических событиях слагались сказания и предания и декламировались вслух.

Это, во-истину, первое историческое сочинение, в котором главное место отведено курдам. Написано оно было по-персидски и позднее неким уроженцем Бидлиса переведено на турецкий язык. [Выполненный] в цветистом стиле турецкий перевод [хроники Шараф-хана] - превосходное историческое сочинение [само по себе]. Это очень редкая книга и существует всего в двух-трех экземплярах.

80 Треть всех упомянутых выше эмиров, всей знати и // ага курдских тайфе, аширатов и кабиле приходится на кочевников (кочаров и химе-нишинов) и две трети - на оседлых, владельцев крепостей, округов, деревень, наделенных бератами и грамотами Порты. Это - добропорядочные, исполненные чистосердечия собственники и люди достойные. Редко какое оседлое тайфе занимается (...) грабежом, в большинстве случаев такие недостойные дела творят кочевники-кочары. Оседлые курды-мусульмане - добрые магометане. Среди них есть улемы, факихи, наделенные мужеством.

Курдские племена, о чем также говорится в "Шараф-наме", благоговеют перед своими вождями и почитают [деление на] >>

«ссловия. Ему (своему главе) они всецело покорны и послушны, ничего не предпринимают вопреки его воле и его мнение никогда не оспаривают. Курды строго соблюдают обычай гостеприимства. // Так, хотя порой они [сами] живут за счет армян и пользуются их услугами, обязанности [гостеприимства] исполняют охотно и проявляют признательность.

81

Они (курды) любят приветливость и ласковое обхождение, как говорится в одной известной пословице; за один афийат²² выпьют десять чаш воды, за одну улыбку окажут тысячу услуг.

Друг к другу курдские таифе относятся с завистью, и персидские курды завидуют курдам османским. Однако, стоит появиться врагу из чужих, они все объединяются против него. Но когда между ними разгорается ссора, конец согласию и единству. Каждый встает на сторону своего таифе, что непременно приводит к измене и нарушению законов гостеприимства.

Если же случается, что кто-нибудь из них, будучи низкого происхождения, приказом свыше назначен главой их племени, они (курды) его не признают и [всячески] преследуют. Однако, если их правителем // будет назначен [даже] самый ими (курдами) презираемый из инородцев – армянин, они его указам будут покорны и не окажут ни малейшего сопротивления.

82

У курдов есть отряды, называемые "шуркеш" (забияками). Они называются по имени своего аширата, от которого отделились. Если с ними затеет войну какое-то чужое таифе, на их защиту встанут и берут их сторону все ашираты, от которых они отделились, – для отражения врага [или] добиваются прекращения вражды, помирив противников. Вот как обычно это происходит. Инициативу берет сторона обидчика. Обидчик должен направиться в дом противной [стороны] или посредника и проявить учтивость, и после примирения вражда прекращается. Обрабатываемые земли и деревни в Курдистане, которые вплоть до настоящего времени находятся под властью курдов, на правах мукья переходят по наследству от отца к сыну. Притязать на них не в праве ни правительство, ни каким (правитель). // Все свободно засевали [хлеб] и собирали урожай, никто не платил налогов. Лишь те, что не исповедовали ислам, платили единственную подать "закят" в пользу бедных. [Этот] налог брали в огородах тоже. Поскольку предки этих таифе захватили эти земли и владения силой оружия в войнах с грузинами и армянами, они (курдские племена)²³ и собирают налог, по их словам, как плату за пролитую их отцами и дедами кровь. »

83

«

84

До правления султана Махмуда османским государям в Курдистане не платили ни единого парá налога. Если и были какие обязательные к уплате подати, то они касались лишь местечек и округов, мелких беков и ага. Порта никогда не взимала налогов с областей Курдистана. Вплоть до настоящего времени в Курдистане отсутствуют подати ушр (десятина), сальяне и сух-ра.²⁴ Доходы с // валиликов и бейликов²⁵ принадлежали государственной казне. Управление округом (санджаком) жалуемой грамотой султаны передавали одному из потомков старинных владельцев этих земель.

85

Во время военных походов на неверных в походе государя участвовали все беки и эмиры, как и жители всего Курдистана, не требуя ни жалованья, ни провианта. Трудности войны они переносили спокойно, выполняя и весьма охотно обязанности конного караула и были часовыми в самом опасном месте. Эти функции составляли исключительную обязанность курдов. Когда война кончалась, султан самолично или его сараскер (главнокомандующий) устраивали смотр отрядов эмиров и беков после их возвращения. Всячески проявляя свое удовлетворение, он каждому дарил почетную одежду, соответствовавшую его достоинству и рангу, и // грамоту, как свидетельство высокого монаршего расположения.

86

От курдских эмиров запрещено получать подарки и приношения (?). Доходы в Курдистане до последнего времени неизменно принадлежали их (курдов) старинным вождям, бекам, ага и собственникам.²⁶ За год райя выплачивали своим ага пятую часть ушра и 100 парá. Беглый из Персии или Турции, который укрылся в Курдистане, находил там защиту. Курды собирали вскладчину [деньги] и все меры употребляли для его выкупа. Те курды, что проживали на границе, находили [порой] выгоду в союзе с персами и принимали сторону последних. Османские султаны позднее забывали про вину перебежчиков и их прощали. Иногда на территорию Персии убегало [целое] курдское племя, оставалось некоторое время на службе у шахов, пользуясь их полным благоволением, а потом // возвращалось на родину. Подобные случаи описаны [и] в "Шараф-наме".

Турецкие курды нередко сватаются к девушкам курдов персидских и отдают за них своих девушек. Такого рода браки заключаются между эмирами и девушками из знатных [семей]. Не так давно Аббас-мирза²⁷ взял себе в жены сестру Йахья-бека, происходившего из знатного семейства Чари-бека в Хаккари. >>

« Вторая [его] сестра стала женой его (Аббас-мирзы) сына Мухаммад-мирзы, который впоследствии стал иранским шахом. Из уважения к такому [брачному] союзу Йахья-бек перешел под власть персов, передал персидским войскам крепость Чару и всю свою область. Ему пожаловали ханский титул, и стал он именоваться Йахья-ханом. В Иране он получил большую известность и всеобщее уважение.

87 На первый взгляд курды кажутся грубыми и невежественными. Тем не менее, они успешно разбираются в мирских делах и // в оберегании собственных интересов. Они очень сговорчивы, в добрых отношениях с персами, а в случае необходимости прекрасно уживаются с европейцами и [представителями] других народов. Они (курды) не такие отсталые, как османы. В зависимости от времени и обстоятельств они подчиняются кому угодно, находят с ним общий язык и, если находятся на службе у какого-то могущественного иностранца, свои обязанности выполняют.

В прежние времена, когда между османами и персами началась война, обе стороны использовали курдов для наблюдения за передовыми укреплениями [противника]. Они (курды) владеют военным искусством и весьма успешно совершают ночные атаки, поскольку друг с другом они в бесконечной вражде. День и ночь они проводят в кровавых сражениях и в постоянных скитаниях на чужбине. Они мастерски владеют оружием и ездят верхом. Это им ничуть не надоедает, [не то], что другим народам. Они неутомимы.

88 Другого // средства к существованию, которое бы им приносило барыш и удовлетворение, у курдов нет. Вынужденные какое-то время проводить в праздности, они тотчас обзаваются несколькими товарищами (...). Ловкость их военных приемов, мастерское владение оружием объясняются образом жизни. Их единственный талант и единственная гордость – военные походы.

В отношении к женщинам курды придерживаются тех же обычаев, что и европейцы. Они не держат взаперти своих жен и дочерей. [Курдские женщины] свободно всюду появляются и ни от кого не убегают. Женщины всюду следуют за мужчинами, во время войны помогают своим мужьям, берут оружие и участвуют в сражениях.

89 Два порока никогда не были распространены среди курдов: никто не предавался пьянству и разврату. Однако общение с турками и частый с ними контакт // привели к тому, что в »

« некоторых областях два эти порока получили распространение. Большинство курдов избегает таких непристойностей, хотя склонно к преступлениям иного рода – таким, как (. . .) грабеж на большой дороге. Такие преступления среди них нередки, но стоит кому-то преследуемому обратиться к курду за покровительством, тот пожерствует всем своим состоянием, чтобы оказать помощь, и сделает для него все возможное.

Все эти присущие курдам достоинства описаны автором "Шараф-наме". Самое беглое знакомство с этим сочинением дает представление о высоких [моральных] качествах курдов, об обширности их страны, о правлении и славной [истории] их [эмиров] и какого могущества они достигали, хотя ныне слабы и бесправны. Однако еще многие племена могли бы создать государство, куда бы вошли ныне существующие // области, [знатные] семейства и население.

Многие ученые и поэты убеждены: если бы по примеру других народов курды объединились и пожелали бы одни другим подчиниться, они смогли бы создать государство и объявить себя независимыми. Однако, хотя эти племена одного происхождения, между ними никогда не наступало доброго согласия. Именно поэтому разобщенные между собой курды рассеяны ныне по Турции, Ирану и другим районам, служат здешним властям и подчиняются. Тем не менее, если все племена пожелают объединиться – а это уже не малый шаг –, несомненно, что для образования государства будет достаточно подданных и населения.

Со времен маликов²⁸ суверенной властью пользовались многие курды, например, Малик Тахир, Бадраддин Кара Йусуф, которые // упоминаются в "Шараф-наме". Правители Курдистана [повелевали] читать хутбу со своим именем и считали себя независимыми государями вплоть до последнего времени. Они управляли самостоятельно и издавали приказы без санкции турецких властей, [таких как] паша Эрзерума, Вана и Карса.

Бек, ага, проживавший в местности, которая принадлежала к округам какого-нибудь санджака, единственный раз в году посылал вали этого санджака одну-две лошади в подарок. Со своей стороны вали посылал беку или ага, приславшему подарок, соответствовавший его положению [почетный] халат, с одним из своих офицеров. К моменту прибытия офицера бек собирал своих людей, конников, слуг и торжественно выезжал [ему навстречу], чтобы принять халат и почтительно в него облачиться. Несколько

92 « ко дней офицер пользовался самым радушным гостеприимством, а затем его // с большим почетом провожали и дарили доброго коня и денег на путевые расходы.

В случае войны правитель санджака писал находившемуся под его началом беку письмо и требовал прислать войско. Бек по своему усмотрению отправлялся на войну сам во главе своего воинства или назначал баш-бека, который и ехал на службу к вали с этим отрядом. Однако, если бек не находил то нужным, он не обращал на приказы вали никакого внимания и не посылал ему ни единого человека от своего округа. Своеволие и непокорность эмиров и беков Курдистана достигли такой степени, что они устраивали из своих владений набеги один на другого, грабили страну и убивали друг друга. Паши санджаков им ничуть в том не препятствовали и ни во что не вмешивались. А сколько раз [курдские правители] Эрзерума, Вана, Муша, Баязида, Хаккари и других округов Курдистана поднимались и восставали против власти паши, исполненные враждебности, // нападали друг на друга и сражались. После того вмешивался какой-нибудь соседний бек и навязывал им условия перемирия.

93 Такого рода сражения и смуты подробно описаны в [нашей] новой книге по современной истории Курдистана. Здесь, [в предисловии], на этом достаточно кратко остановиться, чтобы иметь представление. Словом, к концу правления султана Махмуда курдские тайфе еще сохраняли независимость. Его величество [султан] заставил все курдские племена покориться и обязал платить в казну налоги. [Непокоренными] 'остались лишь курды Дерсима и [племя] дуджики. Они то смиряются перед вооруженными силами, то поднимаются [снова] и восстают. Впро-

94 чем, для курдов характерно проявлять покорность перед // силой, а, когда представляется удобный случай, они снова поднимают восстание.

В отличие от других народов курды нисколько не заботятся о последствиях и не преминут воспользоваться случаем для достижения цели. Они поступают так всегда, даже если предвидят для себя печальный исход. Не знаю, вызвано ли это недомыслием, храбростью или презрением к опасностям. Люди обыкновенно боятся смерти, курды же в сражениях не страшатся ее ничуть. Они предпочитают погибнуть на поле брани, чем умереть естественной смертью. О погибшем в бою нисколько не печалются, его смерть считается почетной.

Если в сражении погибает юноша или умирает естественной >>

95 «смерть», курдские девушки на арабский манер поют на курманджийском языке песни. У них (курдов) есть обычай устраивать поминки, // как и у европейцев. Коня погибшего юноши покрывают попоной, кладут на него его одежду и оружие и ведут впереди погребального шествия. Умершего доставляют к месту погребения весьма торжественно, родители и близкие в знак траура одеты в черное с головы до ног. Родственники умершего, его сестры [родные] и двоюродные, девушки и молодые женщины, все отрезают по пряди волос и кладут на могилу умершего. Если же у этого юноши была жена, ее немедленно после смерти мужа отравляли, либо убивали палкой или, наконец, удушали.

96 Курды пользовались таким самоуправством, что, если из округа в округ шел караван или стадо, бек местный посылал человека получить за проезд [и проход] пошлину и под видом баджа и гымрока²⁹ вымогал что хотел. Кроме того, ага кочевых курдов, // что кочевали в той самой области, тоже направляли к проезжающим своих людей и самовольно взымали еще [одну] пошлину.

Племена курдских кочевников притесняют райя и население областей Курдистана и причиняют [им] много горя. Можно сказать, курдский ага ведет себя в своей округе, как вали. Прекде правитель вилайета был не в силах устранить это насилие и произвол. Однако ныне могущество курдов померкло, и злоупотреблений с их стороны не наблюдается. Курды никогда ничего не давали вали и не платили в казну налогов. Теперь все племена не имеют [той] силы, поставляют рекрутов, платят государству все налоги, признают закон и порядок.

97 Райя и армяне в Курдистане во всем похожи // на курдов, между ними нет никакой разницы. Большинство из них говорит на курдском языке. Женщины и дети у них говорят только по-курдски и другого языка не знают. Их нравы и обычаи такие же, как обычаи курдов. Женщины не избегают общества мужчин, как это принято в других [мусульманских] странах. Во время праздников и свадеб женщины из райя и мусульман находятся вместе с мужчинами и танцуют по кругу, взявшись за руки. Курд [приходится] кумом (криве) армянину, а армянин — курду. Они живут в полном согласии и не преследуют друг друга, как это имеет место в других областях.

Курды и райя бороду не отпускают, разве что когда она начинает седесть и придает почтенный вид. Однако у езидов »

« шейх, пир и каваль никогда не пользуются бритвой и носят бороду.

98 // Еще следует отметить, что райя в Курдистане не имеют обыкновения употреблять [спиртные] напитки, не знают /азартных/ игр и распутства. Все райя имеют при себе оружие и в случае необходимости вступают с мусульманами в сражение. Они очень отважны. Несториане по своей храбрости превосходят курдов. Они говорят на другом языке, это совсем особый язык. Однако читают и пишут они по-арабски, арабскими буквами.

99 [Проживающие] в Эрзеруме, Ване, Баязиде, в Иране и России курды весьма благоразумны, среди них есть наделенные умом и большой проницательностью. Что касается курдов Хаккари, Бохтана, Бахдинана, Сулеймании, а также [племен] бильбас, зарза и мукри, то (...) // (...) единственные образованные люди [у них], с хорошими манерами и знанием [наук], - это беки, их дети и знатные [курды], которые путешествовали и постоянно находились в обществе. (...)

100 Находясь в постоянной вражде, готовые к убийству и мятежам, они убивают друг друга (...). Любой не преминет убить своего врага, если представится удобный случай. Самые жестокие из этих курдов, [племена] бильбасов, зарза, бебе (бабаны) и мукринцы (...). С давних времен, если случалось среди них убийство, вали области или правитель его не разбирал. Судьи // не вмешивались в [разбирательство] преступлений среди курдов, они сами определяли [меру] наказания, мирили, назначали цену крови.

Между езидами и мусульманскими муллами идет религиозная война, и каждый ищет удобный случай убить соперника. Хотя езиды составляют одну общину, они подразделяются на отдельные фракции. Все они поклоняются дьяволу, изображаемому в образе солнца, и называют его Мелик Шамс. Они начинают поклонение этому светилу с восходом солнца. Говорят, в отсутствие своего пира они празднуют свадьбу с мусульманским муллой ...

Происхождение курдов, их обычаи и нравы, области и племена подробно описаны в "Шараф-наме". Последующие события, которые там не отражены, [сведения] о народонаселении, вой- »

ных послужат предметом настоящей книги, "Современной истории курдов". >>

ж ж ж

Характеризуя приведенный отрывок, прежде всего необходимо отметить, что это не законченный очерк или описание, а предварительное слово, которым автор вводит читателя в свою книгу и в круг ее проблем. Проблем много, курдский мир неоднозначен и многоцветен, полон контрастов и противоречий, на первый взгляд трудно объяснимых. Здесь все завязано в единый тугой узел: кочевье и оседлость, племена и не-трибальная зона, конфессиональная неоднородность, множественность контактов с иноэтническими общностями и многоаспектное их оформление. На всем этом еще лежит печать изначальной политической разобщенности и раздела страны курдов.

В своих вступительных словах к хронике по новой истории Курдистана Мела Махмуд успевает сказать многое. В предисловии можно почерпнуть конкретные сведения по племенам и их расселению,³⁰ по языковой ситуации в Курдистане (лл. 59-62), каковой ее представлял себе Мела Махмуд. Как бы ни определяли эту ситуацию сегодня, ее восприятие курдским автором второй половины XIX столетия заслуживает внимания и изучения. Интересна информация этносоциального характера, хотя порою автор повторяет сказанное им в "Нравах и обычаях курдов", например, в рассказе о погребении курдского юноши.³¹ В предисловии можно почерпнуть исторические факты, которые полезно принять к сведению. Однако, с нашей точки зрения, ценность этого исторического документа для исследователя определяет не фактологическая сторона. И даже в том случае, если бы прав был П.И.Дерх и введение действительно не отличалось бы "подробностью" и содержало "много нам известного",³² написанное Мела Махмудом весьма информативно для изучения проблем социальной и политической истории курдов как живой документ эпохи, отмеченный яркой эмоциональной окрашенностью.

Мела Махмуд любит свой народ, гордится древней и славной его историей (лл. 56, 57, 89), воинской доблестью курдов и их бесстрашием (лл. 56, 57, 87, 88, 94), презрением к опасности (л. 84), готовностью прийти на помощь и способностью на самопожертвование (л. 89), отношением к женщине, которая в стране курдов не знала домашнего заточения (л. 88). Однако тот, кто обратится к предисловию Мела Махмуда в ожидании одного восхваления своего этноса, возможно, будет разочарован. Автор не уходит и от негативных сторон курдской действительности, многократно упоминая о фактах разбоя, притеснения и жестокости (лл. 72, 88, 89, 96, 98, 99). При

внимательном рассмотрении указанных пассажей, тем не менее, можно заметить, что исполнителями этих акций у Мела Махмуда всегда выступали курды-кочевники. Оседлые курды, по убеждению автора, на подобные действия не были способны. В отличие от своих кочевых собратьев, "это добропорядочные, исполненные чистосердечия собственники и люди достойные" (л. 80).

Мела Махмуд, как и Шараф-хан Бидлиси, четко делил население курдских областей на кочевников и оседлых, определяя пропорцию соотношения этих частей курдского этноса как I к 3 (л. 80). Выказывания Мела Махмуда³³ дают зримое обозначение границы, расщепившей курдский мир, и показывают тот рубеж, откуда начиналось разделение и противостояние оседлого и кочевого обществ в Курдистане, уходившее корнями в далекое прошлое и закреплённое в социальной психологии.

В реальной жизни региона ни полу-кочевое хозяйство, ни кочевое скотоводство, ни земледелие не были замкнутыми и неподвижными формами хозяйственной деятельности курдов, на чем мы останавливались неоднократно.³⁴ Для областей Курдистана характерна тесная взаимосвязанность и взаимозависимость кочевника и оседлого. Непроходимый барьер между ними существовал скорее в сознании хронистов, и столь яростно, как показывает Мела Махмуд, кочевое и оседлое общества противостояли одно другому с точки зрения городского жителя, каковым был автор "Книги по новой истории Курдистана". Эти социальные группы составляли единую структуру и не были чем-то застывшим и имобильным. Между ними, как отмечал М. Ван Брёйнессен, в с е г д а существовала мобильность, интенсивность и направленность которой определялись политической и экономической ситуацией момента.³⁵

Вводное слово к хронике по новой истории Курдистана в живой и исполненной непосредственности авторского восприятия форме подтверждает нашу разгадку социального феномена в виде версий иногородного или иноэтнического происхождения знатных фамилий Курдистана.³⁶ На "иностранное" происхождение претендовали многие правящие дома: правители Хаккари возводили свою генеалогию к Аббасидским халифам, эмиры Джебзире – к прославленному арабскому полководцу Халиду ибн Валиду и т.д., о чем упоминает и Мела Махмуд (л. 53). В генеалогии эмиров племен думбули и зраки, которые называли себя потомками сирийского араба,³⁷ этническая окрашенность подобных генеалогических претензий выражена в наиболее "чистом" виде, без примеси таких компонентов, как знатность или прославленное имя. Однако корни этого явления лежат не в этнической сфере, а в

социально-классовой и социально-политической.

Подобные ретроспективные генеалогические построения, якобы доказывающие иноэтническое происхождение многих курдских династий, представляются ничем иным, как идеологическим оформлением замкнутости, присущей высшему слою курдского нобилитета. В их основании лежит идея изначальной разобщенности и неслиянности тех, кто по одному своему происхождению обладал неоспоримым правом властвовать, с теми, которые столь же неоспоримо обязаны были подчиняться. Идея, как свидетельствует Мела Махмуд, дожила до его дней: "если же случается, что кто-нибудь из них, будучи низкого происхождения, приказом свыше назначен главой их племени, они (курды) его не признают и /всячески/ преследуют. Однако, если их правителем будет назначен /даже/ самый ими (курдами) презируемый из инородцев - армянин, они его указам будут покорны и не окажут ни малейшего сопротивления" (л. 81, 82).

На фоне версий иноэтнического происхождения курдских династий сказанное Мела Махмудом отнюдь не выглядит парадоксальным. Слова автора являются убедительным свидетельством того, сколь неодолимой и непреходящей была в курдском обществе тенденция сделать отделяющий высшее сословие социальный рубеж более впечатляющим и непроходимым. Облаченность власти в иноэтнические одежды служит для этой цели, по-видимому, средством наиболее наглядным.

Весьма примечательную информацию содержит введение Мела Махмуда для расшифровки номенклатурных обозначений курдских родоплеменных объединений. При всей кажущейся неустойчивости и неопределенности этой номенклатуры обращение к тексту "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси, например, позволило выявить и некоторые закономерности в употреблении терминов "тайфе", "ашират" и "кабиле",³⁸ которые Мела Махмуд подтверждает полностью (лл. 69, 70, 75, 79). Обращает внимание, что Мела Махмуд изначально термин "тайфе" воспринимает в значении "очаг", "родовое гнездо", из которого вышли все ашираты и "кабиле" (л. 69). Однако четкость семантических очертаний каждого из трех терминов в предисловии Мела Махмуда, как и в "Шараф-наме", зачастую уступает место неопределенности, и они обозначают "племя", независимо от его количественной и иной характеристики.

Предисловие к книге по новой истории Курдистана дает возможность представить политические воззрения Мела Махмуда, его оценку политической ситуации в Курдистане, ее истоков, реалий и перспективы. Точностью попадания поражает образная характеристика заселенных курдами областей, которые автор сравнивает с живой стеной,

построенной "из мяса и крови" (л. 59). Они выстроены в ряд, "как полевое укрепление от Грузии до Багдада, Басры и Шахризур". В образе этой стечи "из мяса и крови" воплощена, как представляется, изначальная обреченность горных областей Курдистана на выполнение функций естественной границы враждующих царств и на роль постоянно действующего полигона.

Мела Махмуд, как и Шараф-хан Бидлиси, с горечью пишет о разобщенности курдских племен, их вражде и междоусобицах (лл. 57, 81, 90, 92, 93, 99), но воспринимает курдов как единый народ с особыми, только ему присущими обычаями и единым языком (лл. 59, 62). Приверженность части курдского этноса к езидизму для Мела Махмуда не является этнодифференцирующим признаком, и езиды, которых именуют дьяволопоклонниками, не отличаются по словам автора ничем, кроме своей веры (л. 74). Если учесть, что Мела Махмуд носил звание муллы (курд. "мела") и принадлежал таким образом к сословию хранителей нормативного ислама, последнее замечание составителя книги по новой истории Курдистана весьма примечательно.

Преодолев ограниченность конфессиональными рамками, Мела Махмуд, тем не менее, остается в плену представлений, которые несут печать ограниченности рамками своего региона, хотя антитезы "своичужие" в отношении отдельных частей курдского этноса, как в труде Хусрава ибн Мухаммада Бани Арделана,³⁹ мы в предисловии не находим. Однако мукринские, бабанские курды, бильбасы и зарза, по словам Мела Махмуда, весьма отличаются от жителей северного Курдистана при том, что считаются потомками легендарных богатырей-пехлеванов (л. 72). Вместе с хаккарийскими, бахдинанскими и бохтанскими курдами автор характеризует их весьма отрицательно (лл. 72, 98, 99) в сравнении с их северными собратьями, которые, как он считает, отличались чертами прямо противоположными. Таким образом, антитеза "мы-они" наличествует, но она лишена этнической окраски, как у Хусрава ибн Мухаммада, который курдистанцами в своей хронике называет исключительно курдов Арделана. Сказывается, без сомнения, и малая осведомленность Мела Махмуда о реалиях социальной жизни в более отдаленных областях Курдистана, которая порою приводит к утверждениям фантастическим.⁴⁰

При всей ограниченности своего восприятия курдской действительности локальными рамками Мела Махмуд первым из известных нам историографов Курдистана поднимает вопрос о курдской государственности. И, если у Шараф-хана Бидлиси мысль о единстве курдского народа вытекает логически из его сочинения как основная идея, если у поэта Ахмада Хани эта идея выливается в горестные раздумья над

судьбами курдов и в мечту об их объединении, то Мела Махмуд выражает уверенность в возможности объединиться и создать собственное государство. В Курдистане, по его мнению, для создания государства "достаточно подданных и населения", необходимо лишь объединение "по примеру других народов" (лл. 89, 90). Последнее позволяет предполагать, что, участвуя от лица турецких властей в переговорах с восставшими курдскими эмирами, Мела Махмуд был всецело на их стороне, что и послужило причиной его последующей опалы и ареста.

В заключение хотелось бы заметить, сколь ценной исторической информацией должна быть насыщена хроника Мела Махмуда Баязиди по новой истории Курдистана, если столь информативны для исследователя считанные страницы его вводного слова, а также выразить надежду на обнаружение этого исторического труда.

-
1. См. Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И.Васильевой. Т. I. М., 1967; т. II. М., 1976.
 2. См. Recueil de notices et récits kourdes servant à la connaissance de la langue, de la littérature et des tribus du Kurdistan, réunis et traduits en français par A.Jaba, consul de Russie à Erzeroum. S.-Pbg., 1860, p. VIII-X.
 3. Мелā Махмūd Бāйазидī. Тавāрих-и қадīm-и Кūrдистāн ("Древняя история Курдистана"). Т. I. Перевод "Шараф-нāме" Шараф-хāна Бидлисī с персидского языка на курдский (курманджи). Издание текста, предисловие, указатели и оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
 4. Е.И.Васильева. Неизвестное сочинение по истории Курдистана. — ПП и ПИКНВ, III. Л., 1967, с. 8-10; она же. Предисловие к изданию "Шараф-наме", т. I, с. 38.
 5. "Только мои неоднократные просьбы и большое вознаграждение побуждали его предпринять этот огромный труд", — писал А.Д.Жаба в письме Б.Дорну от 13 июня 1867 г. См. Архив АН СССР, ф. № 776, оп. 4, № 10, л. 2.
 6. Там же.
 7. Архив АН СССР, ф. 2, оп. I — (1865), № 20, лл. 10-11.
 8. Там же, лл. 52-100. Об этой рукописи мне любезно сообщила Ж.С. Мусаэлян.
 9. Архив АН СССР, ф. 776, оп. 4, № 10, лл. 3-4.
 10. Там же, л. 2.
 11. Хусрава Ануширвана, перс. "справедливого".

12. Мела Махмуд, говоря о кочевниках, употребляет для их обозначения термины "кочар" ("кочевник") и "химе-нишин" ("обитатель шатра") и реже - "ахл-и химе" или "ахл-и чадыри" ("обитатели шатра"), которые, по-видимому, можно считать синонимичными. См. примечание А.Д.Жабы к тексту, а также Rescueil, p.I, n.I.
13. Согласно примечанию А.Д.Жабы, титул, жалуемый турецкими султанами курдским правителям, соответствовал русскому "пристав", в чьем ведении находились кочевые племена.
14. По мнению А.Д.Жабы, автор имеет в виду мусульманских правителей.
15. Мела Махмуд здесь неточно передает факты биографии Шараф-хана Бидлиси, который родился в Иране, и перевозить свою семью, после службы при сефевидском дворе и недолгого управления Нахичеваном, ему пришлось не из Турции в Иран, а в обратном направлении. См. предисловие к "Шараф-наме", т. I, с. 28, 29.
16. Терминами "оджак" - "оджаклык" и "юрт" - "юртлык" (букв. "очаг", "родовое владение") обозначались жалуемые главам племен владения, которые те рассматривали как свою собственность. Там же, с. 518.
17. В примечании к переводу А.Д.Жаба сообщает интересную информацию о племенах и их взаимоотношениях с турецким правительством в 1865 г.
18. Под термином "райя" (от "райят", термина общеупотребительного для Среднего и Ближнего Востока в значении "подданный") Мела Махмуд, по мнению А.Д.Жабы и согласно его примечанию, подразумевал христиан. Представляется, что подобно Шараф-хану Бидлиси, Хусраву ибн Мухаммаду Бани Ардалану, Мах Шараф-хану и другим курдским историографам, Мела Махмуд в названный термин вкладывал более широкий смысл и подразумевал под ним оседлого земледельца, в отличие от кочевника. Однако местами термин райя в тексте предисловия к книге по новой истории Курдистана можно толковать и так, как толкует его А.Д.Жаба.
19. Звания основных функционеров и хранителей езидской веры.
20. Букв. "обладателя счастливого сочетания звезд" - прозвище, под которым получил известность эмир Тимур. В данном случае автор имеет в виду, по всей видимости, сефевидского шаха Тахмасба I (1524-1576).
21. Диванче - от перс. "диван", собрание стихов.
22. Благопожелание, буквально означающее "на здоровье".
23. В круглых скобках приводятся пояснения А.Д.Жабы к переводу.
24. "Сальяне" - годовой доход с некоторых провинций Османской им-

- перии, поступавший в казну в виде дани. "Сухра" - армянский термин, синоним перс. "бигар", или повинность работой. См. А.С. Тверитинова, Аграрный строй Османской империи XV-XVII вв. М., 1963, с. 213, 284, 287.
25. Валидик обозначал, по-видимому, земли вали, губернатора области, по аналогии с бейликом, владением бея, обладателя тимара, знамета или хасса. Там же, с. 195.
 26. В тексте: меликам, или владетелям мулька.
 27. Сын Фатх Али-шаха Каджара, годы жизни 1213/1798-99 - 1249/1833-34. Был назначен наследником престола, но ранняя смерть помешала занять иранский трон.
 28. По мнению А.Д.Жабы, автор имеет в виду курдскую династию Айюбидов и знаменитого Салахаддина.
 29. Бадж-и убур - пошлина за переправу через реку, переход через местность и перевоз товаров; гомрик - пошлина с продуктов, привозимых на продажу. Тверитинова, с. 194, 198.
 30. Текст, лл. 64, 66-72, 75, 76. Здесь и ниже при ссылке на текст сохраняется пагинация А.Д.Жабы.
 31. Ср. текст, лл. 94-95 и Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963.
 32. Архив АН СССР, ф. 2, оп. I-(1865), № 20, лл. 10-11.
 33. См. также Мела Махмуд Баязиди, Нравы и обычаи курдов, с. 52-55.
 34. См. Е.И.Васильева. О кочевниках Юго-Восточного Курдистана. - ПИ и ПИКНВ, ХУП, ч. I. М., 1983; Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника. (История княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи, перевод с персидского, введение и примечания Е.И.Васильевой. М., 1984, с. 62; Е.И.Васильева. Скотоводческое кочевье в истории Юго-Восточного Курдистана. (см. с. 115 ч. I в данном сборнике).
 35. M. Van Bruinessen. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 144.
 36. Е.И.Васильева. Версии "инородного" происхождения знатных курдских фамилий как социальный феномен. (см. с. 111 ч. I в данном сборнике).
 37. "Шараф-наме", т. I, с. 290, 357.
 38. Е.И.Васильева. Термины "таифе", "ашират" и "кабиле" в сочинении Шараф-хана Бидлиси "Шараф-наме". - ПИ и ПИКНВ, У.Л., 1969.
 39. См. предисловие к изданию хроники Хусрава ибн Мухаммада, с. 72.
 40. В качестве примера сошлемся на утверждение Мела Махмуда (л. 69), что кочевые племена в Иране назывались горами.

К ИСТОРИОГРАФИИ КУРДСКОГО СКОТОВОДСТВА
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В многочисленных курдоведческих работах, будь то историческое, этнографическое или литературоведческое характера, довольно часто встречаются термины "кочевое хозяйство", "кочевники". Причем в различных работах авторы вкладывают в эти термины неодинаковое содержание. Более того, значение некоторых терминов, определенное ими для одной эпохи, легко переносится на другие периоды истории курдского народа. Поэтому, прежде чем переходить к рассмотрению типов скотоводства у курдов в наши дни, основанному на работе курдского ученого из Ирака Наджи Аббаса Ахмада,¹ следует, видимо, коснуться используемых в этнографии терминов, употребляемых для описания скотоводческих хозяйств.

Г.Е.Марков под скотоводством понимает "вид хозяйственной деятельности, основанный главным образом на более и менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков".² Этот же автор в зависимости от способа ведения хозяйства и социальной структуры общества, а также от того, является ли скотоводство основным или только одним из важнейших видов хозяйственной деятельности, делит скотоводство на два типа - кочевничество и подвижное скотоводство, исключая здесь вид стойлового скотоводства. Хозяйственную основу кочевничества составляет "экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятия населения и доставляет основную часть средств существования".³ При полукочевом хозяйстве земледелие занимает значительно большее место, что, однако, не исключает полукочевников из кочевнического хозяйственно-культурного типа, так как между кочевниками и полукочевниками нет принципиальных различий. Сущность у них одна, и заключается она "не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры".⁴ Г.Е.Марков подчеркивает, что главным признаком при выделении именно кочевого скотоводства является социальная характеристика общества, так как сделать это только "по облику хозяйственной деятельности довольно трудно".⁵ При подвижном скотоводстве общественные отношения определяются социальным строем соседей-земледельцев. У под-

виных скотоводов, по Маркову, отсутствует племенная структура, поэтому подвижные скотоводы в политическом и социальном отношениях не представляют собой таких самостоятельных и независимых от земледельцев этносоциальных организмов, как кочевники.⁶ Разница между подвижными скотоводами и скотоводством оседлых земледельцев в том, что для первых это главное, хотя и не единственное занятие, а для вторых – вспомогательная отрасль.⁷

Термин подвижное скотоводство Г.Е.Марков использует условно, так как он сам указывает на существование большого количества типов подвижного скотоводства.

Д.И.Семенов, соглашаясь с классификацией Г.Е.Маркова, считает, что нет никакой необходимости ссылаться на специфику социально-экономических отношений, политической структуры и социальной организации. Достаточно опираться только на анализ скотоводства как вида хозяйственной деятельности.⁸

В.М.Шамиладзе также не считает возможным в определении кочевничества переносить главный акцент на специфические комплексы социально-экономических отношений.⁹ В своей монографии он дает классификацию форм скотоводства на Кавказе, которые Г.Е.Марков объединяет термином подвижное скотоводство: вид горного скотоводства с подвидами отгонный и внутриальпийский; вид трансманс (перегонное скотоводство) с подвидами восходящий, промежуточный и нисходящий; вид кочевой с подвидами вертикально-зональный и полукочевой; вид равнинного скотоводства с подвидами экстенсивное шалашное хозяйство и подсобное скотоводство.¹⁰ В этой классификации автор выделяет разные виды скотоводства, исходя из различных критериев, хотя нет сомнения, что все эти подвиды существуют на самом деле.

Г.Н.Симаков в качестве критерия для разграничения скотоводческих хозяйств использует наличие или отсутствие в их системе земледельческой отрасли и выделяет кочевой, комплексный и оседлый тип скотоводства. Добавляя к этим критериям еще и способ содержания и выпаса скота, Г.Н.Симаков выделяет пастбищную форму скотоводческого хозяйства, отгонную, являющуюся, выгонную и стойловую.¹¹ Пастбищная форма составляет основу кочевого скотоводческого хозяйства, а остальные формы присущи исключительно оседлому скотоводству.¹² В комплексный тип входит совокупность кочующих хозяйств, занимающихся параллельно и регулярным земледелием (этим хозяйствам присущи черты как кочевого, так и оседлого типов).¹³

Как мы видим, по сравнению с земледельческими видами сельскохозяйственной деятельности, терминология и классификация скотоводства разработаны значительно хуже, что и показала дискуссия

на страницах журнала "Советская этнография" в 1981-1982 гг.

Очень часто вместо термина скотоводство земледельцам противопоставляют кочевников. Логичнее были бы другие пары: оседлые - кочевники, земледельцы - скотоводы. Ведь мы говорим о сельскохозяйственных цивилизациях, и, исходя из этого, следовало бы использовать термин "скотоводческие цивилизации", а не "кочевье", так как скотоводство как вид хозяйственной деятельности в своей конкретной форме обуславливает и кочевничество. Поэтому деление скотоводства на кочевое, стойловое и подвижное лучше было бы производить, используя в качестве критерия особенности хозяйственной деятельности, то есть различия конкретного способа (технологического) выращивания и ухода за скотом. Г.Е.Марков возражает против этого, говоря, что если исходить в классификации из нижнего, технологического, уровня, обращая внимание на степень подвижности пастбищного хозяйства, то этот путь чреват опасностью смещения терминов и понятий.¹⁴ Но на наш взгляд, только так и возможно классифицировать скотоводство, поскольку оно является только видом хозяйственной деятельности, и лишь после такой классификации различных видов скотоводства можно в дальнейшем переходить к социальным, политическим и другим характеристикам обществ. В противном случае происходит смешение политических терминов с экономическими, социальными и наоборот.

Курдский автор Наджи Аббас Ахмад в 1972 году совершил поездку по иракским провинциям Хаулер (Эрбиль) и Сулеймания и исследовал быт и хозяйство курдского населения, занимающегося сельскохозяйственной деятельностью и прежде всего скотоводов. Описывая хозяйственную деятельность курдских племен, Н.А.Ахмад опирался на собственные наблюдения, а также на информацию, которую он получил во время многочисленных встреч с главами курдских племен всего иракского Курдистана. Поэтому труд Н.А.Ахмада представляет собой ценный источник как по этнографии, так и по экономике и истории курдских племен.

Всех скотоводов провинций Хаулер и Сулеймания Н.А.Ахмад делит на кочевников, полукочевников и скотоводов трансманса.¹⁵ Под чистым кочевничеством автор имеет в виду движение стад и их владельцев вместе со своими семьями между двумя стоянками - зимней и летней. Зимой стоянки расположены в теплых предгорьях или на равнинах, а летом - на высокогорных пастбищах. Чистые кочевники ни зимой, ни летом не имеют постоянных жилищ, места стоянок у них меняются из года в год. Не занимаются они и земледелием.¹⁶ Полукочевники, как утверждает Н.А.Ахмад, имеют постоянные места про-

живания, на стоянках они возводят дома или живут в палатках и одновременно с выпасом скота занимаются и земледелием.

Трансманс Н.А.Ахмад делит на два подтипа – большой и малый. При большом трансмансе стада движутся на расстоянии в несколько десятков километров, а при малом – на 10–15 километров. Трансманс, согласно автору, это движение стад, сопровождаемых только пастухами. Большинство же населения, чей скот выпасают пастухи, остается в своих деревнях и занимается земледелием. У скотоводов, практикующих трансманс, уже отсутствует племенная организация. Пастухи и хозяева стад три сезона в году живут в своих домах.¹⁷

Данное определение трансманса отличается от предложенного В.М.Шамиладзе. Опираясь на классификацию последнего автора, такой трансманс вполне можно было бы назвать отгонным скотоводством, которое практикуют некоторые подразделения племени джаф, живущие в Шахризуре, и вручающие скот пастухам, которые гонят его до Пенджвина. Сходный тип Н.А.Ахмад видит на севере Италии и в Таджикистане на Памире.¹⁸

Все горное скотоводство Н.А.Ахмад делит на три вида: большой трансманс, малый трансманс и кочевничество. Таким образом, под трансмансом автор объединяет и отгонное, перегонное (по В.М.Шамиладзе) и яйлажное (по Г.Н.Симакову) скотоводство.¹⁹ Под малым трансмансом Н.А.Ахмад прежде всего имеет в виду выгонную форму скотоводства, когда скот выпасается недалеко от основного поселения.

Обращаясь к рассмотрению скотоводства, в частности кочевого скотоводства, в двух курдских провинциях Ирака, необходимо упомянуть о том, что термин "кочери" Н.А.Ахмад употребляет в двух значениях – в значении кочевничества и в значении скотоводства. В последнем значении термин используется Н.А.Ахмадом чаще.

Скотоводы провинции Сулеймания делятся на две большие группы. У первой пастбища расположены между округами Кифри, Шахризур и Пенджвин. Эта группа представлена несколькими крупными частями большого племени²⁰ джаф и некоторыми другими племенами. Пастбища второй группы сулейманийских скотоводов расположены между округом Ранне и иранской границей в районе Кандиля.

Особо следует сказать о курдском племенном делении. То, что жители тех или иных районов Курдистана относятся к тому или иному племени отнюдь не означает наличия у них племенной организации. В настоящее время жители городов, давно утратившие традиции ведения скотоводческого хозяйства, а также и связи с родственниками-скотоводами (если таковые имеются), все еще сохраняют память о своей

племенной принадлежности. Практически нет ни одного курда, который бы не назвал племени, из которого он происходит. Население многочисленных курдских деревень занятое в земледелии, также утратило племенную организацию, несмотря на то, что жители одной деревни чаще всего по происхождению из одного племени.

Джафы - одно из самых крупных курдских племен, в настоящее время они делятся на три большие части: самая большая часть проживает в провинциях Сулеймания и Киркук. Их называют джафы муради; другая часть - джафы, населяющие область Джаванруд в Иране, которая расположена к северо-западу от горного хребта Шаху в районе города Паве; третья часть - джафы района Керманшаха, которые состоят из семи небольших племен, вошедших в середине XIX в. в союз племен горан.²¹

Джафы муради в середине XIX в. насчитывали около 60 тысяч человек. Примерно 1/3 их занималась земледелием в долинах Шахризура, но большинство выпасало скот и было кочевниками. Зимой они проводили в Бани Хелан в округах Кифри и Келар, а летом отправлялись на восток в районы между Сеннеддежем и Саккызом, где и оставались до сентября. Зимой им не хватало пастбищ, и они были вынуждены вытеснять старое население с земель в округе Кифри, где они постепенно оседали.²² В начале XX в. почти все джафы муради занимались и земледелием и скотоводством одновременно. Часть семей оставалась в долинах, другие же направлялись в горы на летовки. Деление происходило также внутри самих семей, часть членов которых выпасала скот в горах, а другие возделывали поля возле своих деревень.²³ Искусственному оседанию способствовала и политика иранских властей, которые в 1931 году запретили пастухам курдских племен перегонять стада через границу. Поэтому многие джафские семьи были вынуждены оставаться на пастбищах Шарбажера и Пенджвина.²⁴ В результате подобных мер иранского правительства в 30-е гг. у джафов погибло много скота, резко возросла детская смертность. Численность их по сравнению с XIX веком значительно сократилась.

К 1972 году кочевников было не более 500 семей. Однако их трудно назвать кочевниками, так как люди, сопровождающие стада мелкого рогатого скота, не являлись его владельцами, а были только пастухами, большая же часть этих семей оставалась в своих деревнях.²⁵ Скорее всего их деятельность можно назвать отгонным или перегонным видом скотоводства, но никак не кочевничеством.

В настоящее время среди джафских племен чистых кочевников почти не осталось. Племя гелали зимой живет в районе Вармаве и

Танджеро в Шахризуре, а также в округе Келар на востоке Кифри. Сейчас только 70–80 семей из них пасут свои стада в горах, проводя лето в долине Шелера, где имеются хорошие пастбища и много коло-
цев.²⁶ Племя микаили в настоящее время ведет оседлый образ жизни в районе Сенга на западе Аджидага, а также в Карадаге и Шахризуре, которые изобилуют источниками воды.²⁷

Племя шатри, делящееся на четыре подразделения, полностью оседлое. Одно из подразделений этого племени, браими, обосновалось в 20 деревнях в округе Ширван. Другое подразделение вурдешатри живет в районе Саид Садека и в округе Келар. Йосуджани и мирвайси живут в районе Саид Садека.

Племя терхани обосновалось в 12 деревнях Серкела (округ Келар) и Шахризуре. Скотоводы этого племени летом ведут свои стада в долину Шелера, немного не доходя до иранской границы. Поскольку у них нет своих пастбищ, им приходится вносить плату за них (пушпане) собственникам этих земель.²⁸

Большая часть племени рогзайи жила в суровом районе на юго-востоке Авеспи возле Мамрана. Впоследствии они обосновались в Шахризуре и Карадаге. К 1968 году, как утверждает Наджи Аббас Ахмад они полностью перешли к оседлому образу жизни.²⁹

Племя харуни в настоящее время живет в шести деревнях, расположенных в районе Хурмала, и в четырех – в районе Вармаве.

Семьи племени кемалейи живут сейчас в деревнях в районах Хурмала и Танджеро. В Хурмале осело и племя Сидани. Оседлым является племя бедахы, а также племя йарвейси.³⁰

В северной части Шахризур в районе Хурмала – между Маваном и Кавалосом расположены шесть деревень племени шех исмаили.³¹

К первой группе курдов провинции Сулеймания относятся и некоторые другие, неджафские, племена. Племя исмаил узери состоит из трех подразделений: миралайи, гомейи и каравейси. В настоящее время почти все они живут оседло в районах Сурдаша и Серичинара, и только некоторые семьи на зиму перегоняют скот из Сурдаша в Серичинар. Племена шенки и кафроши ведут оседлый образ жизни. Бильбасы также ведут оседлый образ жизни и живут в деревнях, рассеянных на севере Хурмала от Кара Тепе до Кайнайджи. Часть кельхоров, которые не перешли в свое время к своим родственникам в Иран, переселились к племени терхани и смешались с ним.³² Также произошло смешение части племени тидеко с племенами микаили и рогзайи. Племя гельбаги проживает на западе от Сеннендеджа (в Иране). Большая часть племени мандуми или мании живет в Иране, однако некоторая его часть осталась в Ираке и рассеяна по деревням Сурдаша и Базьяна.³³

К джафским (по названию) племенам относят и некоторые другие племена, которые по происхождению не являются джафами: бесари, чучани, хоз-и хасани, перхи и кавалейи. Все они проживают в долине Гелал, расположенной к юго-востоку от Шарбажера в районе Серучек. Большая часть племени бесари ведет оседлый образ жизни, населяя семь деревень. Некоторые представители бесари отправляются на лето в горы округа Пенджвин. Какая-то часть бесари живет в Танджеро.

Представители племени чучани обосновались в четырех деревнях, и лишь небольшая их часть уходит на лето в округ Пенджвин, разбивая по дороге палатки возле каждого источника воды.³⁴ Племя хоз-и хасани населяет две деревни. Однако летом они вместе с частью чучани уходят в Пенджвин. Перхи живут оседло в одноименной деревне. Кавалейи – очень малочисленное племя. Зимой некоторые из них живут в пещерах, а на лето уходят за Пенджвин.

К собственно джафам относятся еще три племени – геваре, джафы рашке и джафети. Джафы рашке зиму проводят в деревне Суркаушан в районе Сурдаша, а на лето переходят в Мергапан для выпаса своих стад.³⁵ Джафети являются отделившейся частью джафов рашке. Они ведут полностью оседлый образ жизни. Некоторые члены джафети на лето переселяются в Шехбаг, являющийся собственностью этого племени. Это прежде всего пастухи, которые выпасают скот, принадлежащий жителям своей деревни.

Вторым обществом, на которые делятся курдские скотоводы провинции Сулеймания, являются племена, проживающие в округе Рание.³⁶ В этом округе кроме старого населения живут курды племенных объединений бильбас и ако. В основном эти племена пришли из Ирана, и в настоящее время большая часть мангуров, мамашей и паринов живут в районе Лавена, расположенном на западе от Мехабада в Иране, а также на востоке округа Балек и Наудешти в Ираке.³⁷ Бильбасы состоят из пяти племен: мангур, мамаш, пиран, сен и рамок.

Мангуры Ирака распадаются на две части: мангуры бенчинейи и мангуры руте. Мангуры бенчинейи живут в 26 деревнях между реками Жараве и Гарфен. Мангуры руте проживают в 4 деревнях, расположенных к востоку от реки Жараве, до впадения ее в Малый Заб. Часть мангуров руте, прежде всего пастухи, в настоящее время летом отправляются со своими стадами в горы, расположенные к востоку от гор Гелале, Мамерут и Саве на юге Кандиля. Там они какое-то время проводят вместе со своими родственниками из Ирана.³⁸

Племя мамаш также делится на две части. Большая его часть живет в Иране, а остальные, именуемые мамашами рашкейан, обосновались в Ираке. Они живут к югу от Жараве, но выше мангуров руте.

Некоторые из этих мамашей летом становятся пастухами и гонят стада на горные пастбища на границе с Ираном.³⁹

Как и у двух предыдущих племен, большая часть пиранов живет в Иране. Те, кто обосновался в Ираке, проживает в 12 деревнях в районе Чуар Курне. Почти все они ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием. Только небольшие группы пиранов отправляются в горы вместе со своими стадами, напоминая пастухов трансюманса.⁴⁰

Два небольших племени сен и рамок проживающие в районе Батвена, в основном оседлые. Некоторые члены этих племен водят свои стада в горы, как это практикуется при перегонном скотоводстве.⁴¹

Ако – это группа племен, которые довольно слабо связаны друг с другом. Они расселены в районах Наудешт, Доли Шаур, Ранье. Очень немногие семьи из этих племен отправляются в горы Кандиля. Мандемере – одно из племен ако – живет в 9 деревнях между горами Зернаку и Кевараш на западе от Гарфена. В этой долине слишком мало воды для занятий земледелием, поэтому оно у мандемере развито очень слабо, и многие семьи на летнее время переселяются вместе со своими стадами в горы Кандиля. У племени шароши 8 деревень на западном склоне Кандиля, где они занимаются земледелием и выпасают свои стада. Несколько десятков семей уходят летом на пастбища, которые расположены возле их деревень. Подобный уход за скотом больше напоминает выгонную форму скотоводства, нежели отгонную.⁴² Небольшие племена боли и боболи также принадлежат к группе ако. Их деревни расположены в долине Батвена на западе округа Ранье. Семьи боли и баболи ведут два типа хозяйств. Одни из них в районах с теплым климатом занимаются исключительно земледелием. Другие же пасут в горах свои стада. Среди последних есть несколько семей боли, которые отчасти практикуют земледелие в своих деревнях, но в основном это чистые скотоводы, ведущие кочевой образ жизни. Они круглый год живут в палатках. Однако, занимаясь выращиванием овец и коз, они в то же время на летних стоянках высевают пшеницу, которую жнут осенью, а урожай везут с собой на зимовья в теплые районы. Зимние стоянки боли расположены на равнине Батвена возле следующих деревень: Сектан, Серучаве, Гер Кендал, Еспале, Геру Горан. В Сектане и Геру Горане им приходится платить за пользование пастбищами, но в трех других деревнях у них имеются собственные выпасы.⁴³

У баболи зимние стоянки находятся в районе Чинар в деревнях Хадран, Басере, Бадаван и Бестане, расположенных недалеко от Кесро, на восток от горы Хайбет Султан. Среди баболи нет оседлых элементов, как нет у них собственных пастбищ.⁴⁴

В мае месяце оба племени покидают Батвен и идут на север, достигая долины Ако между Каварашем и горой Макок. Оттуда они через Мават следуют в округ Балек и далее направляются на свои летовки, расположенные в ущелье Зану Шех. Летовки боли находятся в Серуке, Келкаше и Мерге к югу от Зану Шех. Баболи следуют далее в Шивераш, а оттуда идут на высокогорные стоянки с широкими лугами которые расположены в северной части этого ущелья.⁴⁵

Как видно, даже у тех племенных образований, которые Н.А.Ахмад именует чистыми кочевниками, наличествуют вполне определенные элементы оседлости. Более того, являясь одним социальным организмом и боли, и баболи имеют группы, которые занимаются только земледелием в тех местах, куда основная масса этих племен возвращается на зимовки. Получается, что в одном социальном организме представлены два хозяйственно-культурных типа.

В округе Пиждер по мнению Н.А.Ахмада преобладает трансманс. Владельцы скота вручают его пастухам, которые уходят весной на иранские пастбища, а в сентябре возвращаются на выпасы возле своих деревень.⁴⁶ Однако еще в начале XX века часть пиждерцев зимой занималась в своих деревнях земледелием, а в мае они отправлялись вместе со своими стадами в горы на восток от Пиждера в районы западнее Сердешта (Иран). Здесь у них были некоторые поселения, такие как Бердесплян и Кели, которые они покидали в октябре.⁴⁷ Постепенно все меньше и меньше пиждерцев стало приходить на иранские пастбища, так как правительство Ирана начало с 20-х гг. чинить препятствия кочевникам и пастухам, стремящимся перейти границу. Был установлен налог на стада, приходящие в Иран, который из года в год увеличивался. Это также заставляло пиждерцев воздерживаться от движения в сторону иранских пастбищ. В настоящее время все скотоводы Пиждера ведут оседлый образ жизни.⁴⁸

В провинции Хаулер (Эрбиль) в округах Шаклава и Ревандуз живут следующие племена: херки, сурчи, хелани и балеки.

Херки являются самым крупным кочевым (по определению Н.А.Ахмада) племенем в иракских горах. У них достаточно много деревень, находящихся в Иране и в Турции. В Турции это район Шемдинана, в Иране — Тергавар и Мергавар. Именно в Иране расположено больше всего поселений этого племени.⁴⁹

До 1925 года херки были чистыми кочевниками. Исключение составляли те, кто обосновался в Иране, Турции, а также херки бинедже из района Мезури Бала. Остальная часть херки круглый год жила в палатках и занималась исключительно разведением мелкого рогатого скота. Но сначала Турция стала запрещать херки переходить на

пастбища на своей территории, а затем и Иран стал воздвигать на их пути преграды, и амплитуда переходов херки стала постепенно сокращаться.⁵⁰

Херки состоят из следующих подразделений: херки бинедже, херки серхати, херки сидан и херки мендан. Херки бинедже осели в районе Мезури Бала. Там возле Эргуша у них 4 деревни: Бедав, Дери, Сетуне и Кие. Деревня Бедав разделена на две части, одна из которых расположена на территории Турции, а другая — на территории Ирака. Все остальные деревни расположены в Ираке.⁵¹

Херки серхати зиму проводят возле источников у Бесторе в районе Салах ед-дин на северо-востоке Хаулера. До недавнего времени большинство этих херки жили только в палатках, кроме тех, кто поселился в двух деревнях возле Бесторе. В этих деревнях живет смешанное население двух племен херки и зерари. Здесь херки частично заняты земледелием, хотя сами они в большинстве своем в обработке земли не участвуют. Скорее всего речь идет о тех представителях херки, которые являются собственниками пахотных земель и получают ренту за их использование. Часть херки серхати живут оседло в Иране в районах Тергавар и Мергавар. Скотоводы этого племени выращивают овец, коз, а также верблюдов. В мае месяце они снимаются с зимних стоянок и гонят стада на восток, пока не достигают долины Диане. Несколько летовок херки серхати расположены на восточных склонах Чарчели в Иране.⁵² У херки сидан зимние стоянки расположены в районе Херир. На летовки они отправляются в мае. В июле они уже достигают Барадост, а оттуда через Деланпер следуют к своим стоянкам в Бенбер-и Шехан. Херки сидан круглый год живут в палатках.

Херки мендан зимой разбивают палатки в районе Сурчи, округ Акра. В мае они отправляются на летовки. Часть этих херки остается в долине Тершен в районе Барадост. Летовки их расположены в Иране.⁵³

Сурчи — еще одно крупное племя провинции Хаулер. Большинство сурчи в настоящее время живут оседло в районах Херир и Сурчи по обоим берегам Большого Заба. Сурчи Херира, которые обосновались в округе Шаклава, именуют сурчи соран, а тех сурчи, которые живут в округе Акра, называют сурчи бадинан. В настоящее время только небольшая часть сурчи кочует с летовок на зимовки. Некоторые семьи сами сопровождают стада, у других же стада охраняют только пастухи.⁵⁴ В связи с этим весьма трудно отнести сурчи к какому-либо определенному типу скотоводческого хозяйства.

Хейдани — небольшое полукочевое племя, которое зиму проводит

в долинах Херира, к западу от Батаса, в июле же они переходят в Барадост и следуют до окрестностей Келашина, а оттуда уже идут на север Хелгурда.⁵⁵

Балеки – последнее полукочевое племя в провинции Хаулер. Зимой они проводят в своих деревнях, расположенных на северо-западе от Ревандуза. Летом они оставляют свои деревни и через Барадост идут до Барзана. Одна часть следует далее в Иран, другая же остается возле Хурне и Барешкина, почти на границе районов Балек и Барадост.⁵⁶

Итак, из всех перечисленных курдских племен провинций Сулеймания и Хаулер лишь очень немногие могут быть классифицированы как кочевые. Это небольшие племенные формирования как боли и баболи, часть херки и сурчи. Остальные племена, занимающиеся разведением скота, скорее практикуют отгонные и перегонные виды скотоводства, являющиеся преобладающими в современном иракском Курдистане. Однако со времени поездки Н.А.Ахмада по провинциям Хаулер и Сулеймания прошло уже 17 лет. С тех пор многое переменилось в жизни курдских скотоводов. Теперь трудно говорить о том, какие племена, где и каким видом хозяйственной деятельности заняты, тем более, что в естественные процессы, происходящие в курдском обществе, властно вторгается целенаправленная политика правящего режима страны. Но данный вопрос уже выходит за рамки темы статьи.

-
- I. Наджи Аббас Ахмад. Кочери у трансхйуманс ле перезгей сулеймани у хеулер. – Говар-и кор-и занйар-и курд. № 1-2, Бехда, 1974.
 2. Г.Е.Марков. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. – СЭ, 1981, № 4, с. 84.
 3. Там же.
 4. Там же, с. 86.
 5. Там же.
 6. Там же; с. 91.
 7. Там же, с. 92.
 8. Ю.И.Семенов. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. – СЭ, 1982, № 2, с. 52.
 9. В.М.Шамиладзе. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства на Кавказе. – СЭ, 1982, № 3, с. 72.
 10. Б.Х.Кармышева. Рецензия на В.М.Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. – СЭ. 1982, № 3, с. 167.
 - II. Г.Н.Симаков. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – на-

чале XX века. - СЭ. 1982, № 4, с. 72-73.

12. Там же, с. 73.

13. Там же, с. 74.

14. Г.Е.Марков. Проблема дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам). - СЭ. 1982, № 4, с. 85.

15. Наджи Аббас Ахмад. Кочери у трансхйуманс..., с. 367-369.

16. Там же, с. 369-370.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же, с. 367.

20. Там же, с. 373.

21. Там же, с. 374.

22. Там же, с. 376.

23. Там же, с. 377.

24. Там же.

25. Там же, с. 379.

26. Там же.

27. Там же, с. 380.

28. Там же.

29. Там же, с. 381.

30. Там же, с. 382.

31. C.J.Edmonds. Kurds, Turks and Arabs. Politics, travel and research in North-Eastern Iraq. L. 1957, p. 143.

32. Наджи Аббас Ахмад. Кочери у трансхйуманс..., с. 383.

33. Там же, с. 385.

34. Там же.

35. Там же, с. 386.

36. Там же, с. 373.

37. Там же, с. 387.

38. Там же, с. 388.

39. Там же, с. 389.

40. Там же, с. 390.

41. Там же, с. 394.

42. Там же, с. 390.

43. Там же, с. 391.

44. Там же, с. 392.

45. Там же.

46. Там же, с. 397.

47. Там же, с. 394.

48. Там же, с. 397.

- 49. Там же, с. 398.
- 50. Там же.
- 51. Там же, с. 399.
- 52. Там же, с. 400.
- 53. Там же, с. 401.
- 54. Там же, с. 402.
- 55. Там же.
- 56. Там же, с. 403.

О.И. Жигалина

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА И АНГЛО-РУССКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В 70-Е ГОДЫ XIX в.

Бурное развитие капиталистических отношений в странах Западной Европы в третьей четверти XIX в. усилило значение ближневосточных рынков, обострило борьбу западноевропейских государств за торговые пути в Средиземноморье, за африканские и азиатские владения Турции. Османская империя, формально сохраняя суверенитет, фактически становилась зависимой от государств Запада, что усиливало кризис ее экономики. Этим попытались воспользоваться давнишние соперники на Ближнем и Среднем Востоке – Британия и Россия.

Достаточно уверенно здесь чувствовала себя Великобритания, которая продолжала вынашивать все новые и новые планы колониальных захватов на Востоке. Господство в Средиземноморье, захват Египта связывались ею с обеспечением сухопутного пути из Индии – оплота ее колониального господства – в метрополию. Для осуществления своих захватнических планов Англии нужны были новые льготы и преимущества, которые благодаря своей экономической мощи она легко получала от турецкого правительства. Кроме того, Британия стремилась к проведению такого политического курса, который бы содействовал ослаблению позиций России в Черноморском бассейне. Экономические позиции русского царизма в Турции напротив были слабы, усилия которого были сосредоточены на продвижении России в Средней Азии. В правящих кругах России в 70-е годы XIX в. бытовали различные точки зрения относительно методов политики России на Востоке. Между тем, все громче стали звучать голоса сторонников "партии действий", которые призывали к ведению активного внешнеполитического курса.

В своих внешнеполитических планах относительно Турции английские и русские дипломаты и военно-политические деятели имели ввиду и важность использования в своих интересах и районов расселения

курдов, поскольку "Курдистан, Армения и Анатолия образуют единый театр военных действий".² Действительно, районы расселения курдов - Турецкий Курдистан - интересовали Англию и Россию прежде всего как имевшие важное стратегическое значение, поскольку обладание ими являлось необходимым условием для доминирующего положения в странах Ближнего и Среднего Востока.

Территория, на которой обитали турецкие курды, являлась восточной частью Турецкого Курдистана, занимавшем "пограничное положение с Россией и Персией". Важность этого района определялась российскими политическими деятелями "поприсутствию здесь главных отдельных горных массивов, общее сочетание которых и составляет собственно Курдистан, в самых недоступных местах главной массой независимого населения курдов; наконец, по слабости турецкого оседлого населения даже в равнинах этой части, особенно в Диярбекирском вилайете, где все оседлое население, либо оседлые курды, либо армяне".³

По данным, представленным российским послом в Константинополе Н.П.Игнатьевым, в этой части Турецкого Курдистана курдское население составляло в 70-е годы 2,5 млн. человек, из которых I-I,2 млн. являлись кочевниками. В этих районах слабевшая под ударами Европы Османская империя пыталась обеспечить источник пополнения своей армии и казны. Население всего Турецкого Курдистана насчитывало в то время 3,5 млн. человек.

Оно занимало горные районы "Тавра и Антитавра, от турецко-персидской границы до Александритского залива, к югу от плоского-рий Армений, истоков и верхнего течения р.Кара-су и Аракса и к северу от равнин Месопотамии, истоков и верхнего течения р.Тигра. Полоса эта спускается по левому берегу Тигра еще далее к югу, по направлению турецко-персидской границы, к Керкуку, Сулейманье и Багдаду".⁴

Эта населенная курдами территория была поделена р.Евфрат почти пополам, образуя ее восточную и западную часть. В политическом отношении эти районы привлекали и Россию, и Англию.

В данной статье на основе архивных данных мы попытаемся показать международное значение курдской проблемы накануне восточного кризиса 70-х годов XIX в. Внутренняя политика турецкой администрации в те годы связывалась с состоянием англо-русских противоречий на Ближнем и Среднем Востоке. В 70-е годы Турция предпринимала очередную попытку упрочения своих позиций в Турецком Курдистане.

Уже в первой половине XIX в. Турция начала предпринимать по-

пытки упрочения своей власти в фактически не освоенном Турецком Курдистане. Под предлогом реализации "принципа цивилизации" турки стремились укрепить свою власть в районах расселения курдов. Однако политика, принятая Османской империей в этом районе, не устраивала курдское население, поскольку при турецкой администрации эти районы характеризуются "как безнадежно обнищавшие от последствий этого управления". Поэтому курды начинали отказывать султану даже в военной помощи, не желали выставлять военные отряды для охраны своего сызрена. Более того, наблюдались случаи перехода курдских отрядов на сторону врагов султана.

По окончании неудачной для Турции войны 1828-1829 гг. власть турецкого султана была ослаблена почти по всему Турецкому Курдистану. По свидетельству английского консула Троттера, "прямое сообщение Багдада с Константинополем оказалось прерванным, и бывшая столица халифов оказалась отрезанной от общения со всеми остальными частями империи. За исключением нескольких больших городов с их окрестностями, а также обширных горных и лесных пространств по побережью Черного моря, не годящихся для пастбы, вся страна от Ангоры до границ Персии и Аравии находилась почти в исключительном владении курдов".⁵

Османская империя, естественно, не могла мириться с таким положением курдских районов, поэтому как только Турция несколько оправилась от последствий своего военного поражения она стала принимать меры к упрочению власти султаната в Турецком Курдистане. Уже в 1834 г. 20-тысячная турецкая армия под командованием крупного турецкого полководца Мухаммеда Решид Паши направилась из Сиваса на Харпут и Диарбакир. Одновременно из Эрзурума в район Балзета и Вана выступили турецкие войска. Курды упорно сопротивлялись завоевателям. Борьба приняла крайне жесткий характер, но, несмотря на упорное сопротивление, курды были разбиты и карательные отряды турецких войск предали огню и мечу захваченные земли курдов. В некоторых районах было поголовно вырезано все курдское население вплоть до стариков и грудных детей. Даже в военно-исторической литературе царской России поход Мухаммед Решид Паши назван "кровавой расправой".

За исключением нескольких мелких курдских владений, затерявшихся в недоступных для турецких властей горах, весь Турецкий Курдистан был подчинен власти султаната. Независимые курдские княжества были ликвидированы. Большинство курдских феодалов и вождей племен были смещены. Часть из них была арестована и отведена в Стамбул, на Крит и в другие места, где они погибли в тюрьмах. Во

главе заново приобретенных Турцией курдских владений были поставлены турецкие наместники. Турецкий Курдистан в течение довольно короткого времени был покорен Османской империей, находившейся уже на закате своей былой мощи. Политика султаната в Турецком Курдистане привела к тому, что к середине XIX в. значительно сократилось у курдов количество скота, что вызвало резкое обнищание курдов-скотоводов. В Турецком Курдистане, также как и в районах расселения курдов Ирана, прокатилась волна курдских восстаний, направленных не только против центральных властей, но и против своих же феодалов и родоплеменных вождей. Одно из них под руководством Езданшира, вспыхнувшее в курдских районах Турции в 50-е годы XIX в., заставило русское военное командование обратить внимание на курдов. Как известно, когда положение турецких войск на Кавказском театре военных действий было критическим, в тылу у них разразилось это мощное антитурецкое восстание. Понувшись своей силой, Езданшир вступил в сношения с русскими и предложил начать совместные действия против турок. Написав об этом начальнику Ереванского отряда русских войск, он, однако, ответа не получил. Тогда Езданшир направил письмо главнокомандующему Кавказской армией князю Бебутову. На это последний ответил, чтобы Езданшир прекратил восстание и перешел к мирным занятиям.

В своем ответе князь Бебутов, очевидно, руководствовался инструкциями, полученными от российского МИДа, не желавшего еще больших осложнений в Турции и ее союзниками (Англией и Францией) на Крымском театре военных действий.

Отказом русских сотрудничать с курдами воспользовался английский консул в Мосуле Нимруд Рассам, который немедленно предложил Езданширу свои услуги. Езданшир поверил консулу, поехал к нему на встречу, но попал в засаду и был выдан туркам и отправлен в Стамбул.⁶

После подавления восстания Езданшира турецкому правительству удалось добиться по крайней мере внешнего успокоения Турецкого Курдистана, поручив его управление Исмаилу Хаки-паше, родом ванскому курду. Прекрасно зная Курдистан, Исмаил-Хаки-паша, назначенный вали (наместником) Курдистана, путем проведения последовательных карательных экспедиций жестоко и сурово расправился со всеми попытками курдов к неповиновению турецким властям. При этом в Бохтане, Дезде и других пунктах сжигались целые деревни и вырезалось мирное население, вплоть до женщин, детей и стариков.

Достигнутое таким образом спокойствие Турецкого Курдистана, принесшее Исмаилу-Хаки-паше славу непобедимого покорителя Курдис-

тана, существовало свыше двадцати лет. Однако достаточно было ослабнуть турецким гарнизонам в Курдистане, чтобы новая волна восстаний снова прокатилась по всей стране.

После Крымской войны 1853-1856 гг. Турция сдала свои доминирующие позиции на Ближнем и Среднем Востоке. С ослаблением мощи Османской империи в этом регионе углублялись и ширилось национально-освободительное движение. В попытках справиться с восставшими народами турецкие власти искали резервы пополнения своей армии в стране, а также обращались за помощью к правительствам Западной Европы.

В подавлении национально-освободительных движений малых народов Османская империя охотно использовала мусульманскую армию. В связи с этим она стремилась использовать и вооруженные формирования курдов, славившихся своей воинственностью и бесстрашием. Отвлекаемые постоянными военными кампаниями, османские власти вплоть до 70-х годов XIX в., несмотря на предпринимаемые усилия, не сумели внести сколько-нибудь существенные изменения в структуру и общественный строй традиционного курдского общества независимых феодальных образований, все еще расположенных на северо-востоке Турции. Однако в периоды военных действий турецкие власти стремились заручиться их военной поддержкой, а в мирное время заставить курдские отряды нести пограничную службу.

Однако к 70-м годам, как отмечалось выше, турецким властям удалось подчинить своей власти некоторые районы с курдским населением. Вместе с тем, этот процесс шел неравномерно, поэтому курды этого района находились в неодинаковой степени подчинения турецким властям. Это было связано прежде всего с различием социально-экономического развития равнинных и горных районов, населенных курдами. Н.П.Игнатьев в своих донесениях подчеркивал, что там, где курды жили в долинах и селениях, курды представляли прямо подчиненное турецким чиновникам, оседлое и обнищавшее население, утратившее разделение на племена, несущее и рекрутскую повинность и подати. В отличие от оседлого населения "вся масса кочевого населения разделяется напротив на племена /аширэты/", управляемые наследственными агами, которые только номинально утверждаются турецким правительством. Богатство аширэтов заключается в табунах и стадах рогатого скота, особенно овец.⁷ Как только курды зимой спускались с гор, турецкие чиновники принуждали их платить подать с овец по числу голов. Других податей и повинностей аширэты не несли. Число голов исчислялось самими курдами, которые ни под каким видом не допускали к этому делу турецких чиновников.

Кроме курдского населения равнин и скотоводов к югу от озера Ван среди снеговых гор Тура-Джелу и Джуди в Хакяри, Моксе и Ботане, в узких долинах Большого Заба и Ботан-су обитала "масса оседлого и кочевого совершенно независимого курдинского населения". За исключением незначительного числа езидов все курды этого района являлись суннитами. Турки имели в этих районах своих уездных начальников, однако, как отмечает Игнатъев, "власть последних не простирается за черту селения, где они находятся; притом они избираются из самих курдов турецким правительством".⁸ Если курды не желают принять этого уездного начальника – каймака, то он проживал не в своем уезде, а поблизости, но вне его.

Социально-экономический и общественный строй турецких курдов рассматриваемого периода можно охарактеризовать как феодальный. Вместе с тем, в силу неравномерности развития отдельных районов занимаемой ими территории феодальные отношения были в разной степени отягощены пережитками родо-племенных отношений, форм общественного устройства и быта. В равнинной местности родо-племенные подразделения постепенно превращались в территориальные единицы. Власть ханов стала приобретать новые качества. Власть над своими соплеменниками, распространявшаяся обычно на небольшой территории стала носить черты низшей административной единицы. Так, например, в Кузульчанах, в непосредственной близости от Эрзурума, полновластно господствовал курдский ага – Шах Гусейн оглу, который был назначен участковым начальником турецкой администрации и сборщиком налогов. Собранные налоги он произвольно делил с турецкой администрацией. Кочевые курды, по словам Игнатъева, не допускали кадастра и платили "туркам только небольшую подать с того количества овец, с какого соглашались давать сами курды".⁹

Эксплуататорские верхи курдских племен были заинтересованы в консервации традиций родо-племенного быта, поскольку они маскировали классовые противоречия и давали возможность использовать ополчения боеспособных мужчин племени как орудие военных предприятий. В определенной степени в сохранении родо-племенных пережитков были заинтересованы и рядовые курды, так как эти пережитки давали им определенную защиту от грабительских посягательств турецких правителей.

В удаленных и горных районах феодальные отношения складывались и развивались медленно, а пережитки родо-племенных отношений сохраняли большую силу и устойчивость. Именно в этих районах вызревали очаги освободительных движений. Предводитель курдов, охваченный освободительной идеей, мог консолидировать вокруг себя

массы лишь в тех районах, где курды находились "вне надзора и быстрого противодействия турецких властей". Игнатьев, например, считал, что именно в таких районах было возможно подготовить два "главных восстания Курдистана" – под предводительством Бадер-хана-бея и Езданшира, племянника Бадер-хана-бея. Игнатьев выражал сожаление, что Россия из-за неведения о состоянии Курдистана, его предводителях и о положении дел в горах, не сумела использовать это восстание курдов в своих интересах. В отличие от русских, их соперники на Ближнем и Среднем Востоке "англичане напротив зорко следили за положением дел в горах, назначали консулов с правом разъездов и пребывания по всей стране, и плодом их усилий и знакомства с курдистанскими агами было то, что восстание Езданшира было парализовано".¹⁰

Английские правящие круги стимулировали турецкую политику в курдских районах, чтобы использовать сложившуюся обстановку для укрепления своего влияния в Турции. Игнатьев подчеркивал, что английские дипломаты имели все материальные средства "зорко следить за курдами. Как только высказываются опасные и беспокойные для турок личности, они по настоянию английского консула, удаляются из страны в ссылку в Европейскую Турцию". Интересные наблюдения в этом отношении сделал и русский консул в Эрзуруме Н.Обермиллер. "В нынешнем курдском вопросе, – сообщал он послу в Стамбуле Н.П. Игнатьеву, – играют главную роль не турки, а англичане". Местный британский консул, продолжал Обермиллер, "имеет тончайшие инструкции по вопросу об уничтожении теперь раз навсегда курдского сопротивления... С этой целью послу Англии в турецкой столице Д.Эллиоту доставляются "списки влиятельных курдов", а он добивается их высылки из Курдистана".¹¹

Однако политика "обезглавливания" курдских племен, осуществлявшаяся султанским правительством по указанию Англии, не приносила желаемых для Стамбула и Лондона результатов и ни в коей степени не способствовала "успокоению" Курдистана.

В российских военно-политических кругах не было единообразия во мнениях относительно роли турецких курдов во внешней политике России на Ближнем и Среднем Востоке. Одна группа русских чиновников, усматривая выгоду с поддержании устойчиво благоприятных отношений с Турцией, склонялась к проведению умеренной политики в отношении курдов, опасаясь того, чтобы турецкие власти не обвинили Россию во вмешательстве во внутренние дела Османской империи. В связи с этим Министерство иностранных дел России направило русскому послу в Стамбуле инструкции, согласно которым он "стремился

ко всеобщему примирению и поддержанию порядка и спокойствия в Турции".¹²

Интересы России в Турции в то время представлял русский посол Николай Павлович Игнатьев, выходец из древнего дворянского рода, занимавший этот пост в 1864–1876 гг. Предвидя возможные военные осложнения России с Турцией, он являлся сторонником проведения гибкого и осмотрительного курса в русско-турецких отношениях. Он не игнорировал и проблему взаимоотношений русских с курдами, проживавшими в Турецком Курдистане.

Находившиеся в Турции русские дипломаты рассматривали активизацию турецкой политики в курдских районах в начале 70-х годов как этап в военных планах Османской империи против России. Так, например, Игнатьев в своих депешах МИДу России отмечал, что Турция стремится к подчинению "целого многочисленного племени, господствующего на персидско-русско-турецкой границе, племени, которого уже не раз подвергало опасности слабую власть Султана в этих странах"...¹³

В 1872 г. Порта намеревалась осуществить очередную кампанию по упрочению своей власти в районах расселения курдов. Эту кампанию должен был возглавить генерал-губернатор Эрзурума и корпусный командир IV корпуса Самих паша. В случае ее реализации политическое положение в пограничных с Россией районах Турции осложнилось бы. Эти планы шли вразрез с интересами России. В связи с этим Н.П. Игнатьев стремился предотвратить нагнетание взрывоопасной обстановки в этом районе. "Действуя в этом направлении, – писал он в своем донесении, – я придерживался линии, выбранной мной со времен урегулирования Черноморского вопроса".¹⁴ Это говорит о том, что Игнатьев не был склонен к осложнению отношений между Турцией и Россией, выступал за нейтрализацию конфликтных ситуаций на этнической почве.

Самих паше, как известно, не удалось осуществить свой поход в курдские районы Турции. А в предотвращении очередного кровопролития важную роль сыграла дипломатическая деятельность российского посла Н.П. Игнатьева. В своем письме в Санкт-Петербург от 6 июня 1873 г. он, в частности, разъяснял, что "принял все необходимые меры для предотвращения конфликта, который мог стать неизбежным между курдами и турками. В частности, я попытался отговорить турок от осуществления своих планов. С этой целью я предоставил как Военно-политическому министерству, так и Великому Визирю, те последствия, к которым мог бы привести военный конфликт с курдами в момент, когда отношения Турции с Персией грозили полным разрывом. Мои доводы были приняты, и осуществление планов Самих-паши

было перенесено на другое время. Для дальнейшего продвижения в этом направлении было необходимым устроить смещение основного инициатора похода Самих пашу — человека энергичного, мудрого полководца и хорошего руководителя. В противном случае, при оставлении за ним свободы действий, он до неузнаваемости изменил бы облик Курдистана, упрочив господство Турции на наших кавказских границах. Мы достигли этой цели. Самих паша был заменен в Эрзуруме Мустафа пашой, бывшим генерал-губернатором этой провинции... Министерству известен тяжелый, вялый и апатичный характер этого высокопоставленного лица".¹⁵

Действительно, кампании Самих-паши против курдов не удалось осуществиться, поскольку он был отозван из Эрзурума и назначен валием в Триполе. Несмотря на это, по утверждению Игнатьева, планы Порты относительно курдов сохранялись, и она при первом благоприятном случае постарается привести это намерение в исполнение. В отличие от Игнатьева русский консул в Эрзуруме Н.Обермиллер был сторонником проведения более активного курса среди турецких курдов. С помощью отправки в Дерсим эмиссаров он пытался установить контакты с курдами, вел переговоры с курдским руководством. Это вызвало неудовольствие посла Игнатьева, который сделал ему замечание в отступлении от инструкций, предписанных свыше. Свои планы в отношении курдов турецкие чиновники представляли как попытки "распространения гражданственности между полудикими кочевниками-грабителями и ограждение их от разбоев, оседлого народонаселения турок и христиан в Азиатской Турции, на окраинах Курдистана".¹⁶ Случаи разбоя со стороны курдов действительно имели место. Это являлось прямым следствием политики турецких властей. Ведь широкие слои курдского народа жили в крайней нищете, подвергаясь тройному гнету: со стороны "своих" и турецких феодалов и иностранных империалистов. Непосильные выплаты податей и налогов турецким властям разоряли курдское население, а новые и новые требования денег под угрозой конфискации скота, уничтожения селений и других репрессивных мер по сути дела толкали курдов на попытки достать эти средства любыми способами. Заботившаяся прежде всего об увеличении своих доходов, турецкая администрация всячески стремилась привлечь на свою сторону некоторых курдских ханов и ага, которые "имея общие интересы с администрацией, сделавшись турецким чиновником, приобретал еще большую безнаказанность..."¹⁷ Игнатьев подчеркивал, что "не защиту оседлых народонаселений Армении и Месопотамии имеет в виду турецкое правительство, предпринимая поход в горы Курдистана, а усиление доходов своих распространением пода-

тей на весь Курдистан, ибо при растроенных финансах оно не пренебрегает никакими возможными доходами и только одно кочевое народонаселение курдов, благодаря своей полунезависимости, остается во всей Азиатской Турции, еще не разоренным пашами и их чиновниками". Именно действия султанской администрации приводили к тому, что курды-кочевники, например, долины Вана, были вынуждены, по выражению российского консула в Эрзуруме, заниматься мелким хищничеством, грабить "заодно с турецкими властями".¹⁸

Кроме того, Турция преследовала здесь и более широкие планы, связанные с взаимоотношениями мусульманских властей с населяемыми эти районы христианами, а также создание в Турецком Курдистане оплота в случае возможных столкновений между Османской империей и Россией. Эту проблему Игнатьев также затрагивал в своих донесениях. Он подчеркивал, что следствием усиления турецкой армии за счет мусульманского кочевого и оседлого населения явится "исключительное господство и преобладание мусульман над христианской Турцией". "Столь же невыгодно для интересов России, — продолжал он, — как и для христиан Турции, будет полное подчинение курдинского племени туркам, особенно тех частей Курдистана, где курды вполне независимы".¹⁹

Рассматривая международное положение на Ближнем и Среднем Востоке накануне Восточного кризиса 70-х годов, Игнатьев отмечал недооценку роли курдов российскими военно-политическими деятелями. Он подчеркивал, что во-первых, "подчинение этих частей упрочивает власть турецкого правительства в Азиатской Турции, на единственном теперь с нами пограничном театре будущих возможных военных действий и упрочивая за турками в Армении надежную базу, позволяет им помышлять о наступлении в Закавказье, что было бы весьма опасным для них при существовании независимых племен среди гор Курдистана и Дерсима и при умении с нашей стороны воспользоваться должным образом враждебным настроением курдов к турецкому правительству. Мы лишаемся таким образом союзников в случае наступления нашего в Азиатскую Турцию". Во-вторых, "поддерживание независимости хотя небольшой части Курдистана для нас важно, на случай войны с турками. Ибо эта часть составит ядро около которого мало по малу сгруппируется весь Курдистан".²⁰

Отмечая слабую осведомленность русских чиновников о районах расселения курдов, Игнатьев подчеркивал, "чтобы воспользоваться всем этим, надо предварительно исподволь, основательно, изучить силу и отношения различных племен курдов, познакомиться с главными их агами и шейхами и уметь отличить между ними того, кто бы в

данном случае, мог согласить бы курдов к единодушным и полезным для нас действиям".²¹

Некоторые шаги по установлению контактов России с курдами все же предпринимались.²² Однако Россия не сумела укрепить свои позиции в курдских районах из-за противодействия со стороны Англии. Британские правящие круги, стремившиеся использовать любую возможность для ослабления своего соперника на Востоке - России, старались укрепить Турцию, сколотить антирусский блок, вовлечь в него Афганистан²³ и Иран.

I. См.: Сб. статей "Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в.". М., 1981.

2. АВПР, ф. Канцелярия, ед.хр. 924, № 157, Константинополь, 1873, л. 372.

3. Там же, л. 391 об.

4. Там же, л. 391.

5. Троттер. Мало-азиатские курды. - ИКОИРГО, т. УП, пр. с. II.

6. Н.А.Халфин. Борьба за Курдистан. М., 1963, с. 75.

7. АВПР, ф. Канцелярия... л. 392 об.

8. Там же, л. 394.

9. Там же, л. 385.

10. Там же, л. 396 об.

11. Там же, л. 395 об.

12. Там же, л. 369.

13. Там же, л. 384.

14. Там же, л. 369.

15. Там же, л. 383.

16. Там же, л. 383 об.

17. Там же.

18. Там же.

19. АВПР, ук. ф., л. 390.

20. Там же, л. 396.

21. Там же.

22. Н.А.Халфин, ук.соч., с. 77; АВПР, ук.ф., л. 373 от 6 июля 1873 г.

23. В Кабул в это время были отправлены различные турецкие посольства, которые должны были склонить эмира Шер Али к союзу с Англией и Османской империей.

А.Д.ЖАБА И КУРДОВЕДЕНИЕ

Среди курдоведов России XIX в., прославивших востоковедение, почетное место принадлежит Августу Деметьевичу Жабе, которого по праву можно считать одним из корифеев отечественного курдоведения. Однако до сих пор его деятельность не получила широкого отражения в научной литературе.¹ А между тем вклад А.Д.Жабы в курдоведение значителен. Видный дипломат, блестяще эрудированный ученый, неутомимый собиратель курдских рукописей, создатель первого в России курдского словаря – таковы основные этапы деятельности этого незаурядного человека.

А.Д.Жаба родился в г.Вильно (Вильнюс) 15 августа 1801 г. в польской дворянской семье.² После успешного окончания Виленского университета он в мае 1824 г. поступает в Департамент путей сообщения Министерства Иностранных дел в Петербурге на должность помощника переводчика. Однако, не найдя для себя на этом поприще достаточно широкого поля деятельности, А.Д.Жаба в апреле 1825 г. просит его уволить. В характеристике, данной ему, отмечалось: "во время служения вел себя добропорядочно и должность свою исправлял с отличным прилежанием".³ По приказанию Главного Управляющего Министерства Иностранных дел (МИД) он определен в число шести студентов, в открывшееся незадолго до этого в 1823 г. Учебное отделение восточных языков при МИД, призванное готовить кадры для дипломатической службы на Востоке. Раскрывшийся здесь его талант, удивительная легкость, с которой он усваивал восточные языки, был замечен, и в апреле 1828 г. А.Д.Жаба назначается переводчиком Государственной коллегии МИД. В январе 1830 г. он был определен драгоманом при Вице-консульстве в Яффе, а спустя два года перемещен драгоманом консульства в Салоники. В октябре 1835 г. А.Д.Жаба переводится в Смирну драгоманом при Генеральном консульстве, а через три года ему присваивается звание Первого (старшего) драгомана.

События на Востоке вызвали необходимость присутствия в Эрзеруме русского должностного лица. Деятельность А.Д.Жабы была столь успешной, что в мае 1848 г. он был назначен на трудный и ответственный пост консула этого города и повышен в ранг Советника Коллегии. В рядах русской армии А.Д.Жаба принял активное участие в Крымской войне 1853–1856 гг. По распоряжению МИД он назначается состоять при ген.-лейтенанте кн.Бebutове. В ноябре 1853 г. А.Д.Жа-

ба был командирован в армейский корпус, эшелонированный на кавказско-турецкой границе, а в июне 1854 г., когда началось наступление и русская армия направлялась к дер. Мешко на границе, он находился в Александропольском отряде. Он следовал с русской армией и в походе к дер. Кызыл Чахчук, и в переправе через р. Карахан-чай, участвовал в рекогносцировке дер. Джамушлу, в перестрелке с турецкой кавалерией.

В походе на Кызыл Чахчук (под командованием ген.-лейтенанта кн. А. И. Барятинского) корпус, в котором находился А. Д. Жаба, переправившись под вражеским огнем через р. Карс-чай, участвовал в атаке против турецкой кавалерии, в рекогносцировке у дер. Хаджи-Вали, а в сражении у дер. Кюрюк-дара А. Д. Жаба спас жизнь кн. Дондукову-Корсакову. В течение мая 1855 г. он находился в лагере Владикарса под командованием ген.-адъютанта наместника Кавказа Н. Н. Муравьева. В отряде под командованием полковника кн. Дондукова-Корсакова А. Д. Жаба участвовал в перестрелке на р. Аракс, в захвате г. Хасан-Кале, в штурме г. Карса.

В мае 1856 г. после заключения мира А. Д. Жаба был вновь назначен консулом в Эрзеруме и возведен в сан Государственного Советника. В этом же году он награждается бронзовой медалью на георгиевской ленте, учрежденной в память о Крымской войне.

Именно в это время в 1856 г. акад. Б. Дорн предлагает А. Д. Жабе воспользоваться своим положением для собирания и изучения материалов наречия курманджи. В этот период курдоведение в России только зарождалось. Литература носила описательный характер. Наряду с накоплением описательной литературы и сведений о курдах предпринимались попытки научного освещения отдельных вопросов курдского языка, литературы, истории. Появление таких работ первоначально носило спорадический характер, но со временем количество их растет, тематика ширится (появляются работы П. И. Лерха, Б. Дорна).

Продолжительное пребывание в Курдистане дало А. Д. Жабе возможность основательно изучить язык и быт курдов. Весь свой досуг он проводит в поисках и изучении материалов по языку, литературе, истории курдского народа и не прекращает своей деятельности в этой области до конца жизни.

Во время своего пребывания в Эрзеруме А. Д. Жаба имел возможность поддерживать постоянную связь с лицами курдского происхождения. Большую неоценимую помощь оказал А. Д. Жабе курдский ученый Мела Махмуд Баязиди. Это был широко образованный человек. Он в совершенстве знал арабский, персидский, турецкий языки и литературу. Мела Махмуд учился вначале в родном городе Баязиде, затем - в Теб-

ризе. Вернулся в Баязид и занял место во главе школы, где приобрел известность и уважение среди соотечественников. С падением последнего представителя курдов в Баязиде он вернулся в Эрзерум. Мела Махмуд Баязиди был прекрасным учителем А.Д.Жабы, ярым его помощником в деле собирания курдских рукописей, переписчиком, переводчиком и автором некоторых сочинений. Были и другие помощники у эрзерумского консула, о которых речь пойдет ниже.

Уже в конце 1856 г. А.Д.Жаба доставил в Императорскую Академию наук курдский перевод турецких пословиц и поговорок и нескольких глав из поэмы Низами "Искандер-наме". В письме к Б.А.Дорну от 25 марта 1857 г. А.Д.Жаба сообщает: "Я достаточно изучил курдский язык, чтобы делать переводы и работать самостоятельно".⁴ В конце 1857 г. А.Д.Жаба присылает изложение в прозе содержания поэмы Ахмеда Хани "Мам и Зин", а в начале 1859 г. – параллельный словник наречия хаккари и раванди (ок. 1100 слов); рукопись, составленного им курдско-французского разговорника, содержащего 3300 диалогов, записанных из уст курдов Эрзерума; сведения о северо-западных курдских племенах, заметки о семи курдских поэтах, арабско-персидско-курдскую грамматику Али Теремахи – автора XI в. с предисловием Махмуда Баязиди. Рукописи поступают в Азиатский музей – в один из важнейших очагов русского востоковедения.

Из писем А.Д.Жабы, присланных в Петербург, можно представить каких трудов, сил, творческой энергии и подчас дипломатического искусства стоило ему заполучить рукописи. Вот как он описывает приобретение рукописи грамматики Али Теремахи в письме к Б.А.Дорну от 17 июня 1858 г.: "Позвольте мне, милостивый государь, обратиться ваш интерес на одну маленькую брошюру, которую я Вам только что послал. Эта третья посылка – предисловие к курдской грамматике Али Теремахи, содержащее краткую биографию этого автора. Я сделал французский перевод, прибавив к концу несколько замечаний с целью исследовать это предисловие. Владелец грамматики Али Теремахи – старый мулла. Он не хотел уступать мне эту ценную рукопись, тем не менее за подарок он решился позволить мне сделать копию, над которой работают в данный момент, и как только она будет закончена, я пришлю ее в Академию с двумя другими рукописями, находящимися в моем распоряжении".⁵

Вскоре А.Д.Жаба посылает рукопись грамматики Али Теремахи в Петербург, и Б.А.Дорн предлагает собирателю сделать ее перевод. "Вы мне предложили, чтобы я взялся за перевод грамматики Али Теремахи. Сейчас я имею это намерение, но должен отметить, что Теремахи следует сложной системе восточных грамматик, которая ни в

к коей мере не соотносится с методом принятым ориенталистами. Я думаю, что это будет излишняя работа. Я ограничился посылкой Вам текста без перевода, как любопытной вещи ... Теремахи делит части речи на три класса: существительное, глагол и частицы. Он отличает три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Автор затем подразделяет эти три части речи и три времени и попадает в настоящий хаос. Изучение грамматики очень затруднительно и не дает возможности схватить смысл. Добиться ее понятия можно только силой поисков и долгого изучения. Мулла – владелец оригинала этой грамматики находится в данный момент в Хаккари, и я надеюсь, что он вернется в Эрзерум, и тогда я попрошу у него эту работу и постараюсь, несмотря на затруднения, которые она представляет, сделать перевод".⁶ Это намерение А.Д.Жабы так и не было осуществлено. Возможно, одной из причин явилась постигшая его вскоре беда – сильное землетрясение, произошедшее в Эрзеруме, во время которого А.Д.Жаба потерял движимое и часть недвижимого имущества. В августе 1859 г. Министерство Иностранных дел оказывает ему помощь – назначает единовременное пособие в размере 1000 руб.⁷

Между тем, продолжая свои курдоведческие изыскания, А.Д.Жаба присылает в Имп.Академию наук собрание 40 рассказов из жизни курдов (тексты на курдском языке с выполненными им транскрипцией и французским переводом). В марте 1859 г. А.Д.Жаба писал: "Продвигаясь шаг за шагом в моих исследованиях курдского языка, я достиг не без труда сбора рассказов из уст курдов различных районов Муша, Бидлиса, Вана, Баязида, Карса, Эрзерума, Эрзинджана".⁸

По решению историко-филологического Отделения Имп.Академии наук была создана комиссия по публикации трудов А.Жабы, постановившая издать только тексты с переводом без транскрипции, поскольку способ ее передачи оказался недостаточно последовательным.⁹ Французский перевод признавался точным, прекрасно передающим смысл курдского текста. Публикация была поручена П.И.Лерху, как лучшему специалисту по курдскому языку. Тексты с французским переводом А.Д.Жабы под редакцией П.И.Лерха вышли в свет в 1860 г.¹⁰ Им предшествовали уже упомянутые статьи А.Д.Жабы о курдских племенах и заметки, содержащие биографические сведения о поэтах, которыми и до сих пор пользуются исследователи курдской литературы.

Тексты А.Д.Жабы не замедлили вызвать у иранистов как лингвистический, так и этнографический и исторический интерес. Особое внимание привлекли они английских ученых, а Британский музей поручил известному ориенталисту Тейдору – английскому консулу в Курдистане приобретать курдские манускрипты и собирать по возможнос-

ти материалы о курдах. II

В этот же период А.Д.Жаба начинает работать над составлением курдского словаря. В 1865 г. он присылает в Имп. Академию наук I-ую его часть – французско-русско-курдский словарь. Он занимал 721 с. (по 18 строк на каждой) и содержал 15 000 слов. Однако запас курдских слов не достигал упомянутого числа. Многие курдские слова часто повторялись, поскольку французские синонимы переводились одним и тем же курдским словом. В предисловии к словарю А.Жаба отмечал: "Некоторые лица, может быть, не одобряют моего способа транскрипции, но, т.к. это сочинение назначается для ориенталистов, то правильное произношение курманджийских слов не будет для них затруднительно при одной помощи текста, транскрипция которого имеет единственно цель облегчить начинающим изучение оного языка".¹² В письме, адресованном Б.А.Дорну, он надеялся, что его работу найдут "достаточно полной, чтобы было возможно сейчас одобрить, и она пошла в печать".¹³ Опасаясь каких-либо исправлений в словаре, А.Д.Жаба просит разрешения издательских работников заняться его корректурой своему сыну, учившемуся в это время в Петербургском университете (Письмо от 25 октября 1865 г.).¹⁴

Непременный секретарь Имп. АН Н.И.Веселовский поручает Б.А.Дорну, В.В.Вельяминову-Зернову и П.И.Лерху рассмотреть французско-русско-курдский словарь А.Д.Жабы. "Трудолюбивый автор собрал такое значительное число слов, – писал П.И.Лерх в декабре 1866 г., – что его настоящим словарем бывший нам до того доступным запас курдских слов увеличился по крайней мере наполовину, если не более".¹⁵ Большим достоинством словаря П.И.Лерх считал наличие в нем терминов родства, семейных отношений, названий животных. Однако "в отношении транскрипции, – отмечает он далее, – автором не соблюдено желанной точности при передаче курдских слов европейским письмом. А также в переводе некоторых слов неточная передача французских слов курдскими и даже русскими".¹⁶ П.И.Лерх приводит некоторые примеры такой неточности. Напр., *abozer* "лаять" переведено на курдский словом *راشتين* "бросаться, нападать". Русский перевод опущен. И таких примеров неточной передачи французских слов курдскими и русскими можно привести более сотни.¹⁷ Настаивая на соблюдении точной транскрипции, П.И.Лерх писал: "Эти слова меня убеждают, что г.Жаба до сего времени не понял, почему именно я неоднократно настаивал на самой точной транскрипции сообщаемых им курдских текстов и словарей. Он полагает, что знакомство с арабской азбукой и с применением ее для языка персидского или турецкого достаточно для правильного произношения курдских слов по

курдской орфографии. Кто не жил между курдами будет всегда нуждаться в точной транскрипции, если он различает краткие и долгие гласные или гласные и двугласные не считает лишними. Знание арабского, персидского и турецкого языков ему в этом нисколько не поможет, потому что выработанное у курдов правописание в своих основаниях расходится с правописанием того или другого из упомянутых языков".¹⁸ "Несмотря на эти недостатки, — заключает П.И. Лерх, — в нем (в словаре) содержится значительный материал для изучения курдского наречия".

Историко-филологическим Отделением Имп.АН было решено дожидаться того времени, когда А.Д.Жаба пришлет обещанную вторую часть — курдско-русско-французский словарь и, если он будет признан достойным издания, отказаться от публикации француско-русско-курдской части. "Было бы совершенно достаточно, — писал П.И.Лерх, — поместить в конце курдско-русско-французской части указатели русских и французских слов с ссылками на страницы, на которых они встречаются".¹⁹ Словарь этот так и не вышел из печати, рукопись его и до настоящего времени хранится в ЛО Архива АН СССР.²⁰

Наступил 1866 г. А.Д.Жабе исполнилось 65 лет. Он произведен в Действительные Статские Советники. В конце 1866 г. эрзерумский консул выходит в отставку и поселяется в Смирне. Он полностью отдается сбору материалов по истории, этнографии, литературе, языку курдов. "Теперь, когда я больше не подчинен требованиям моих старых обязанностей, — сообщает он в письме от 30 марта 1867 г. — я работаю с жаром, чтобы довести до конца мои начатые работы".²¹ В это время А.Д.Жаба завершает курдско-русско-французский словарь, над составлением которого работал шесть лет. Переписывает начисто 600 с. "Т.к. занятие такого рода становится утомительным по длительности, — продолжает он в этом же письме, — я внес изменение в мою работу. Я занимаюсь новыми изысканиями в языке и курдской литературе и отделяю перевод одной исторической книги с курдского, являющейся продолжением истории Шараф-хана. Автор начинает свое повествование почти от того места, где остановился Шараф-хан и ведет до наших дней".²²

С этим же письмом в Имп. АН был доставлен из Смирны французский перевод введения (50 с.)²³ к "Новой истории Курдистана", выполненный А.Д.Жабой. "Наконец, — сообщает он в письме, — эта "История" была написана в 1275/1857-58 г. в одном экземпляре, которым я обладаю и который предполагаю перевести тотчас же как закончу две части моего словаря".²⁴ Во "Введении" не встречается имя продолжателя Шараф-хана. Однако в письме А.Д.Жаба сообщает,

что "История курдов" в 1000 с. составлена по его повторной просьбе и за большое вознаграждение Мела Махмудом Баязиди.²⁵ А.Д.Жаба не прислал курдский оригинал, с которого был сделан французский перевод "Введения", не сообщает он на основании каких источников была написана "История курдов".²⁶ В начале "Введения" Мела Махмуд упоминает о Шараф-хане, рассказывает легенду о происхождении курдов, об их характере и наклонностях, образе жизни, об их наречиях, географическом расселении курдских племен. Даются исчисления племен курдов-езидов. Затем автор вновь возвращается к "Шараф-наме" и его автору, упоминает о сделанном в Бидлисе турецком переводе этого сочинения, существующем, по его словам, только в двух или трех экземплярах.

За "Введением" следовал список правителей Курдистана с 1785-86 г., т.е. со времени, когда автор начал свое повествование и до 1857 г. Этот список правителей и эмиров, а также оглавление сочинения, состоящего из II глав, и по которому можно судить о содержании труда Мела Махмуда Баязиди, А.Д.Жаба приводит в письме к Б.А.Дорну от 13 июня 1867 г.²⁷ Остается так и неизвестной судьба этого сочинения. По-видимому, незавершенный перевод и рукопись остались в архиве А.Д.Жабы в Смирне.

В июле 1867 г. А.Д.Жаба отправляет в Петербург курдско-русско-французский словарь. Этой своей работе он придавал особое значение, поэтому просит коллегия Имп. АН рассмотреть ее. Рукопись словаря составляла 656 с. (на каждой странице от 18 до 25 строк) и содержала 6000 слов, в том числе относившиеся к предметам быта, одежды, родственным отношениям, хозяйству. У глаголов приводились формы их спряжения. Словарь не включал слов, обозначающих дикорастущие растения, птиц, животных, не встречающихся в курдском хозяйстве. Во многих случаях не доставало русского перевода. В предисловии к словарю А.Д.Жаба писал: "Надеюсь, что ориенталисты будут настолько снисходительны к моему труду, что не осудят те многочисленные случаи непоследовательности, которые я должен был сохранить в своем труде, чтобы не изгладить первобытного характера курдского языка и чтобы его представить в настоящем его виде."²⁸

И вновь Имп. АН поручила рассмотреть словарь Б.А.Дорну, В.В. Вельяминову-Зернову и П.И.Лерху. В письме Б.А.Дорна и В.В.Вельяминова-Зернова в историко-филологическое Отделение Имп. АН от 5 ноября 1868 г. говорилось: "Труд госп. Жабы мы рассматривали с особым вниманием. Мы пришли к тому заключению, что издать его было бы весьма полезно. До сих пор язык курдский был весьма мало

исследован, пособий по его изучению почти вовсе не существует. Словарь госп. Жабы, составленный весьма добросовестно, пополняет этот важный недостаток. Он заключает в себе богатый материал для ознакомления с языком курдским, и мы уверены заранее, что весь ученый ориентальный мир с удовольствием примет появление в свет словаря А.Д.Жабы".²⁹ Издать труд А.Д.Жабы, т.е. курдско-русско-французскую часть, они полагали необходимым в том виде, в каком он представлен самим автором рукописи без всяких изменений как в транскрипции, так и в составе словаря (исправить лишь некоторые неточности в русском и французском языках; добавить русский перевод, где он отсутствует). Словарь составлен в курдской среде и представляет богатый материал для изучения языка курдов. В этом, по словам Б.А.Дорна и В.В.Вельяминова-Зернова, главное его достоинство, а через переработку это его достоинство может быть утрачено. Они считали нецелесообразным издавать французско-русско-курдскую часть словаря, а поместить, как это было решено ранее, в конце курдско-русско-французского словаря указатели русских и французских слов с ссылками на их страницы.

П.И.Лерх, приветствуя составление курдско-русско-французского словаря, выражал надежду, что после его выхода курдский язык приобретет много новых друзей в лице европейцев, которые будут не только пополнять словарный запас слов, но и изучать "разнообразные наречия, которыми так богат язык курдов".³⁰ Издание словаря, "без сомнения, побудит того или другого из путешественников по Курдистану или кого-нибудь из консулов европейских держав, имеющих во многих местах сношения с курдами, заняться изучением их языка"³¹, облегчит чтение уже опубликованных и "других, собранных в Эрзеруме, курдских текстов и вместе с тем будет способствовать дальнейшей разработке курдской грамматики".³²

Тем не менее, глубоко и всесторонне изучив труд А.Д.Жабы, П.И.Лерх подвергнул его критическому анализу. "Между тем многоуважаемый нами составитель курдского словаря не убежден в необходимости точной и последовательной транскрипции. Конечно, остается только сожалеть, что богатый собранный им материал для знакомства с запасом слов в курдском языке имеет этот недостаток. Но не воспользоваться этим материалом из причин неудовлетворительности транскрипции, значит действовать не в интересах дальнейшего успеха в изучении языка курдов".³³ Далее П.И.Лерх указал на следующие недостатки работы: 1) неточен или неверен часто перевод курдских идиом; 2) в переводе встречаются орфографические ошибки; 3) часто опущен русский перевод. И еще одно обстоятельство тревожило П.И.Лерха:

собранный материал часто заимствован из рукописных книг или из живого курдского языка (рукописи собраны во многих районах Курдистана, где распространены различные диалекты). Те, кто записывал тексты и из чьих уст записаны сказки, повести, песни, происходили из разных местностей Курдистана. Следовательно, слова и глагольные формы, собранные в словаре, не относятся к одному наречию. П.И. Лерх сожалеет, что А.Д. Жаба в предисловии не указал сведений, на каких источниках базируется его словарь. Когда же составитель указывает на орфографические неправильности, то здесь отражается разное произношение, что особенно ценно. Напр., *هژوتین* и *ازوتین* "гнать"; *ههین* и *اھین* "любовь"; *ههیسیر* и *ایهیسیر* "пленник"; *ههستر* и *استر* "слезы" и т.д. Давать начальный гласный с сильным придыханием развито у курдов. П.И. Лерх сумел по достоинству оценить то, что сам А.Д. Жаба считал неправильным или ошибочным в своем словаре. Он писал: "Неправильность орфографии в курдском наречии приходится от недостатка школ и малочисленности ученых, которых имел Курдистан и вообще от невежества курдских писцов, которые плохо знают свой родной язык. Следует еще сожалеть, что курды в своей переписке употребляют персидский язык, что их заставляют пренебрегать обработкой своего собственного языка. А. Жаба забывает, что курдский язык прежде всего живет в устах, письмо есть только более или менее удачное изображение его звуковых форм и что по этому наблюдению над языком должны прежде всего основываться на его формах в том виде, в котором он живет в устах народа".³⁴ Современное языкознание, — отмечал П.И. Лерх, — требует, чтобы материал доставлялся по возможности соответствующим действительности. "Как естествоиспытатель там, где ему невозможно иметь под рукой самый предмет его исследования, обращается только к таким изображениям, в точности которых он может быть уверен, так и исследователь языка в праве требовать, чтобы тексты и собрание слов передавались ему с возможной отчетливостью".³⁵ Упущение *е* в середине слова может привести к неправильному произношению слова, а не как считал А.Д. Жаба, употребление *е* здесь ошибочно: написание *جره باندین* указывает, что надо произносить *cerebandin*, а не *serbandin*, как можно предполагать при написании *جر باندین* (см. также *فه جنکین* "испугаться", *وه مین* "пухнуть и др.).

Говорные особенности языка отразились в словах с заменой *е* буквой *й*: *فه خستین* и *فی خستین* "снова замечь"; *چه کرین* и *پی کرین* "производить"; *اھاھی* и *اھایی* "обитель", местность"; *روناھی* и *رونایی* "свет"; *نهرین* и *نیرین* "созерцать" и т.д.³⁶

П.И.Лерх считал необходимым издать словарь с транскрипцией в исправленной редакции. Цель транскрипции – не изображать курдскую орфографию, а передать курдское произношение: напр., существуют формы слов : *ستون* и *اوستونا* "столб"; *سترك* и *استرك* "звезда"; *ستور* и *اوستور* "пошлый, грубый" и т.д. В словаре А.Д.Жаба не приводит формы *ستون*, *ستور*, *سترك*, вероятно, считая их формами не имеющими права на существование, поскольку курдский язык избегает сочетаний двух согласных.³⁷

Примеры непоследовательности авторов в орфографии "на самом деле, – как отмечал П.И.Лерх, – это борьба грамотных курдов с недостатками арабского алфавита, желание отдельных авторов или писцов вместить в письмо особенности своего наречия".³⁸ Некоторые писцы вставляли *ا*, вероятно, чтобы указать читателю, что следует произносить "а", а не другую гласную: *طوله* и *طاوله* "конюшня"; *طهرين* и *طاهرين* "обманывать"; *خپاندین* и *خايندين* "пристраститься". Или вставляют *و* вместо *بهورین* *بوهورین* "проходить"; *گل* вместо *گول* "роза". Некоторые переписчики пишут *یر* и *یر*, другие опускают: *زیر* и *زیر* "проворный"; *میش* и *میش* "память"; *ریال* и *ریال* "дохмотья" и т.д. А.Д.Жаба редко в словаре отмечает долготу гласных.³⁹ Там, где из-за небольшого количества памятников не установлены правила правописания, там нельзя говорить о нарушениях правил правописания. Невежество, в котором А.Жаба упрекает курдских писцов, состоит в незнании или несоблюдении правил персидской или арабской орфографии (араб. слово *موهلت* пишет *مهلته*). Здесь проявляется не плохое знание своего родного языка, а невнимание к персидской и арабской орфографии. Курду нет дела до того как пишется заимствование его языком из арабского или персидского слов у арабских и персидских писателей, он только старается передать его по возможности так, как оно произносится им самим и его соотечественниками. В слове *موهلت* поставил *و*, чтобы указать, что в первом слоге он произносит (у), т.к. курдскими писцами не принято ставить фатхи, кесры и даммы над или под согласными для обозначения кратких а, е, і, u".⁴⁰

В приложении к своему отзыву П.И.Лерхом сделана попытка исправления транскрипции словаря А.Д.Жабы. Он ограничился редакцией начала букв *د*, *ش* и всей буквы *ق*. П.И.Лерх обозначил долготы только в тех случаях, когда его собственная практика и орфография курдских переписчиков указывала на присутствие долготы. Где же долгота ему казалась сомнительной, оставлял без обозначения. В такой редакции, по мнению П.И.Лерха, словарь мог быть издан.

В течение 1869–1872 гг. А.Д.Жаба продолжал работу над курдско-русско-французским словарем. Через профессора СПб. университета А.О.Мухлинского бывший консул передает в Имп. АН новую копию потерянной тетради словаря и по его предложению редактирование труда возлагается на проф. Л.М.Броссе. Однако Л.М.Броссе успел исправить лишь первые четыре тетради рукописи словаря, затем работа была прекращена. На основании решения историко-филологического Отделения Имп. АН Н.И.Веселовский просит Б.А.Дорна отправить рукопись курдско-французско-русского словаря А.Д.Жабы в Азиатский музей для временного хранения. В декабре 1873 г. Н.И.Веселовский обращается в Департамент Внутренних сношений Министерства иностранных дел с просьбой разрешить доставить, принадлежавшие Азиатскому музею Имп. АН, рукописи курдско-русско-французского и французско-русско-курдского словарей, составленных А.Д.Жабой в одном переплетенном томе в 35 тетрадях, в Марбург к профессору университета Ф.Юсти с просьбой обработать их и подготовить к печати. Рукописи передаются через посла в Берлине.

В ожидании выхода в свет словаря А.Д.Жаба в марте 1876 г. посылает Б.А.Дорну рукопись французско-курдских диалогов, получившую предварительно высокую оценку Ф.Юсти. Тем временем Ф.Юсти подготавливает к печати многолетний труд А.Д.Жабы. Он отказывается от транскрипции и русской части словаря, добавляет лексику из французско-курдского словаря. В начале 1879 г. курдско-французский словарь А.Д.Жабы под редакцией Ф.Юсти был издан Имп. АН.⁴¹ Три экземпляра словаря отправляют в Смирну. 15 марта 1880 в письме к Н.И.Веселовскому бывший консул благодарит за полученные книги и рекомендует его вниманию рукопись, заключавшую новые материалы для дополнения к словарю. Труд А.Д.Жабы был удостоен Демидовской премии Имп. Академии наук.

Но несомненно самая большая заслуга принадлежит А.Д.Жабе в деле собирания курдских рукописей. За период своей деятельности на посту консула он посылает в Имп. АН более 50 рукописей (не включая составленных им словарей) по литературе, фольклору, истории, этнографии, языку курдов. Будучи в отставке и, по-видимому, испытывая материальные затруднения, А.Д.Жаба 12 сентября 1868 г. обращается с письмом к К.А.Коссовичу, работавшему в Имп. публичной библиотеке редактором ученых работ: "Желая поместить в Имп. публичную библиотеку, собранную мною не без труда во время моего многолетнего управления Российским Имп. консульством в г. Эрзеруме коллекцию курдских рукописей, имею честь препроводить при сем на благо усмотрения вашего превосходительства каталог..., предложить

начальству Имп. публичной библиотеки приобрести упомянутую коллекцию, находящуюся в настоящее время в Азиатском музее АН на хранении, за сумму 3000 руб.⁴² Дирекция Имп. публичной библиотеки поручает П.И.Лерху, Б.А.Дорну и В.В.Вельяминову-Зернову ознакомиться с коллекцией и сообщить свое мнение, а также назвать ее стоимость. В конце 1868 г. собрание рукописей было приобретено за 1300 руб.⁴³ Коллекция А.Д.Жабы 90 лет не имела печатных описаний (о ней упоминает только П.И.Лерх в отчете Имп. публичной библиотеки за 1868 г.⁴⁴). В 1957 г. М.Б.Руденко опубликовала в трудах Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина коллекцию курдских рукописей А.Д.Жабы, а в 1961 г. вышла ее работа "Описание курдских рукописей ленинградских собраний".⁴⁵

А.Д.Жаба вместе с Мела Махмудом Баязиди собрал единственную по своей полноте коллекцию (57 названий). В ней представлены рукописи, содержащие фольклорный материал: любовные, героические, хороводные песни, записанные по заказу А.Д.Жабы; рукописи по языку (грамматики, разговорники). Самую обширную часть коллекции составляют рукописи произведений крупнейших средневековых курдских поэтов, таких как Факи/Тейран, Мела Бате, Мела Джезири, рукописи шедевра курдской поэзии "Мам и Зин" выдающегося поэта XVII в. Ахмеда Хани и др. Мела Махмуд Баязиди был автором и переписчиком интересного сочинения "Нравы и обычаи курдов", повествующем о приметах и поверьях, об устройстве жилища, о национальных играх и музыке, о видах ремесла и основных занятиях курдов; по просьбе А.Д.Жабы он сделал перевод "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси, переписал грамматику Али Теремахи, выполнил перевод с персидского анекдотов и коротких народных рассказов и ряда других произведений. В некоторых случаях он подписывал свои сочинения или сделанные им копии и переводы не своим именем, а именами Факир Махмуд Афенди, Хадже Махмуд Афенди. Как писал А.Д.Жаба, это было сделано для того, чтобы "не навлечь на себя недовольство мусульманского духовенства, которое, несомненно, относилось бы с осуждением к тому, что мусульманин, да еще вдобавок мулла составляет свои сочинения и делает переводы по заказу и просьбе немусульманина".⁴⁶

Среди помощников А.Д.Жабы были - Шех Назар, переписавший песни и др. рукописи; Мела Мустафа, переписавший рукописи "Шейх Сан'ан", "Стихи, обращенные к реке", "Замбильфреш"; Мела Муса Хаккари, делавший перевод с персидского по просьбе А.Д.Жабы; Мухаммад Хариб ибн Слеман, переписавший "Мам и Зин"; Факир Махмуд Афенди, переписавший поэму Ахмеда Хани "Первый плод" в честь отъезда А.Д.Жабы из Турции, а также Фируз Афенди, Мухаммад Мокси,

Таха Хаджи Абд-ел Азиз, Хасан Хаким Баши, Тахир ибн Аббас Афанди, Файзолла и др., о жизни которых ничего нам не известно, но без участия которых не было бы коллекции.

Собрание А.Д.Жабы содержит ряд уникальных рукописей произведений таких поэтов как Харис Битлиси, Салим ибн Слеман, Дурфишани, Рамадани, Мурад-хан Баязиди, восполняющих лауну в классической курдской литературе. Благодаря этой коллекции стало известно о существовании литературных версий широко распространенных курдских сказаний "Лейли и Меджнун", "Юсуф и Зелиха", "Замбильфреш". Выдающийся курдский ученый Бадр-хан, ознакомившись с каталогом рукописей, в письме к М.Б.Руденко отмечал, что он сам впервые узнал о многих до тех пор неизвестных ему литературных памятниках.

К сожалению, А.Д.Жаба не имел возможности всецело посвятить себя науке. Выйдя в отставку и поселившись в Смирне, он неоднократно приезжал в Россию, в свое родовое имение в Виленской губернии Троицкого уезда неподалеку от Вильно, где имел 120 крестьян, по несколько месяцев оставаясь там (а в течение 1872-74 гг. жил ок. 20 месяцев). Как явствует из писем, в этот период он занимался лишь устройством своих семейных дел, времени на научные изыскания у него не оставалось. Да он и не брал в поездки свои курдоведческие работы. В письме, датированном 6 марта 1869 г., он сожалеет о ценном времени потерянном во время пребывания в имении, об оставленном в Смирне переводе "Новой истории курдов", введение к которой он послал ранее. В письмах не раз проскальзывает неудовлетворенность тем, что сделано, как казалось А.Д.Жабе, слишком мало, что редакция словаря стоила ему многих лет жизни. "Несмотря на разочарование, которое я испытал в Санкт-Петербурге, я еще не отчаялся и продолжаю мои лингвистические изыскания".⁴⁷ Во время этих поездок на родину у А.Д.Жабы, обремененного домашними делами (у него была большая семья - девять детей), часто не оставалось никакой возможности для встреч со своими близкими друзьями, бывшими сослуживцами, коллегами-курдоведами. Благодаря Б.А.Дорна за его предложение повидаться с ним, он писал: "Я не могу располагать моим временем прежде чем не закончу своих дел в моей деревне".⁴⁸

А.Д.Жаба поддерживал связи с русскими учеными-востоковедами В.В.Вельяминовым-Зерновым, Н.И.Веселовским, Б.А.Дорном, П.И.Лерхом, П.А.Чихачевым. Еще в 1858 г., посетив А.Д.Жабу в Эрзеруме, П.А.Чихачев отмечал: "Исследования этого искусного востоковеда тем более интересны, что он единственный в наше время успешно изучает язык народа, столь же древнего, как малоизвестного. Ему

удалось уже составить словарь и грамматику языка; я видел объемистые рукописи его трудов, которые скоро будут напечатаны".⁴⁹ П.А. Чихачев был поражен, узнав от А.Жабы о наличии у курдов оригинальной литературы. "Среди этих любопытных документов, занимающих не одну полку библиотеки ученого консула России, имеется баллада о любви Сиякмеда и Шамси. Г-н Жаба любезно вручил мне не только перевод с курдского по мере возможности литературно обработанный, но также изящную копию оригинала с разрешением передать ее азиатскому обществу Франции, которое, вероятно, будет обрадовано возможностью пополнить свой бюллетень уникальным в своем роде памятником восточной литературы".⁵⁰ П.А. Чихачев издал эту рукопись с французским переводом и транскрипцией.⁵¹

С профессором СПб. университета А.О.Мухлинским А.Д.Жабу связывала давняя дружба. Он хорошо знал его по работе в Турции. Еще в 1859 г., опасаясь, что при пересылке в Петербург рукописи могут быть безвозвратно потеряны, он через А.О.Мухлинского отправляет рукопись грамматики Али Теремахи. В дальнейшем А.О.Мухлинский неоднократно привозил из Турции курдские рукописи. Сын А.Д.Жабы Альфонсе учился у А.О.Мухлинского в СПб. университете и оставил аккуратно записанный курс его лекций по османской литературе, хранящийся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР. А.Д.Жаба обращался к нему и с деликатной просьбой. В 1869 г., находясь в Смирне, он просит А.О.Мухлинского получить за него на основании доверенности причитающиеся ему деньги за коллекцию рукописей, переданную в Имп. публичную библиотеку. А.О.Мухлинский советовал А.Д.Жабе ежегодно посылать помощнику директора библиотеки, хранителю отдела рукописных и старопечатных книг А.Ф.Бычкову подготовленные курдские рукописи. В планах А.Д.Жабы было пополнение коллекции курдских рукописей Имп. публичной библиотеки. К сожалению, многие собранные им манускрипты, по-видимому, остались в его архиве в Смирне.

Нам ничего не известно о последних годах жизни А.Д.Жабы. Переписка его с Имп. Академией наук заканчивается в 1880 г. (после выхода курдско-французского словаря). Вероятно, будучи в почтенном возрасте, он уже не занимался научной деятельностью, прекращаются и его связи с Имп. АН после смерти Б.А.Дорна и П.И.Лерха. Незавершенным остался и перевод "Новой истории курдов".

Умер А.Д.Жаба 3 января 1894 г. в г.Смирна в возрасте 92 лет. Умирал он в окружении своих близких. Перед смертью он заклинал свою родственницу позаботиться о его жене и детях. К сестре милосердия, ухаживавшей за ним, он обратился со словами: "ты видишь соотечественника, умирающего в чужой стране".⁵² Своим детям он

завещал быть верными России. Весть о смерти А.Д.Жабы с большой скорбью была встречена в Смирне. В газетах появились некрологи, посвященные деятельности и заслугам бывшего консула. Как писали о нем: "он был самым замечательным человеком в Смирне". Пышные похороны состоялись на следующий день в присутствии Генерального консула России, офицеров Генерального консульства, представителей властей и именитых города. Губернатор провинции приказал послать пикет солдат для эскортирования похоронного кортежа и оказания последних воинских почестей бывшему консулу России в Турции.

А.Д.Жаба отличался большой эрудицией, он говорил и писал на многих западных и восточных языках, среди которых в совершенстве владел турецким, арабским, персидским, курдским. Даже зная о его колоссальной трудоспособности, нельзя не удивляться многообразию его занятий. А.Д.Жаба известен также своими нумизматическими коллекциями. Он владел прекрасной коллекцией медалей, которую передал за несколько лет до смерти музею Петербурга.

Его деятельность на посту консула была оценена как у себя на родине, так и за рубежом. В августе 1846 г. он получает почетную медаль за безупречную службу в течение 15 лет (такие же медали он получал каждые пять лет за службу в течение 20 и 25 лет). В июне 1852 г. он удостоивается звания Кавалера ордена Святой Анны 2-ой степени. В январе 1858 г. турецкий султан пожаловал А.Д.Жабе орден меджидие 3-ей степени за честную безупречную службу на посту русского консула. В ноябре 1865 г. он был награжден Кавалерийским Крестом ордена Почетного Легиона за заслуги перед Францией. Когда А.Д.Жаба вышел в отставку, ему было разрешено носить мундир, соответствующий его последнему чину.

Имя А.Д.Жабы - неутомимого собирателя материалов, касающихся курдской культуры, навсегда вошло в историю русского курдоведения. Тексты, изданные им, и теперь являются добротным материалом для изучения языка, этнографии курдов. Его курдско-французский словарь долгие годы (до выхода в свет в 1960 г. словаря К.К.Курдоева) оставался единственным доступным нам пособием. Без коллекции А.Д.Жабы не было бы у нас курдских рукописей, имеющих неопределимое значение для исследования литературы, фольклора, языка, этнографии, истории курдов. Отечественное курдоведение всегда будет благодарно А.Д.Жабе за этот богатый уникальный материал.

I. Краткие сведения о А.Д.Жабе см. в работах М.Б.Руденко "Описание курдских рукописей ленинградских собраний". М., 1961, с.3; Ахмед Хани. Мам и Зин. Критический текст, пер., предисл. и

- указатели М.Б.Руденко. М., 1962, с. 6; в статье К.К.Курдоева "А.Д.Жаба и его роль в развитии курдоведения". - Р'яа т'эзе". Ер., 10.02.1973 /на курд. яз./.
2. Архив внешней политики России (АВПР), ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 2. В дальнейшем биографические данные о жизни А.Д.Жабы взяты из газ. "Courrier de Smyrne". 10.01.1894, с. 1, хранящейся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР (АВЛОИВ), разряд 3, оп. 1, ед.хр. II.
 3. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 2.
 4. ЛО Архива АН СССР (ЛОААН), ф. 776, оп. 2, № 90, л. 4. Здесь и в дальнейшем пер. писем А.Д.Жабы с франц. выполнен нами.
 5. Там же, л. 7-8.
 6. Там же, л. 9.
 7. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 52.
 8. АВЛОИВ, разряд I, оп. 6, ед.хр. 78 (а), л. 2.
 9. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 22.
 10. A.Jaba. Recueil de notices et récits kourdes. S.-Pbg., 1860, 168 p.
 11. Архив Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (АГПБ), ф. I 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительно-го Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей, л. I.
 12. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 6.
 13. ЛОААН, ф. 2, оп. 2, № 90, л. II.
 14. Там же.
 15. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 5.
 16. Там же.
 17. Там же, л. 8.
 18. Там же, л. 6.
 19. Там же, л. 8.
 20. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 7.
 21. ЛОААН, ф. 776, оп. 2, № 90, л. 12.
 22. Там же.
 23. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 52-101.
 24. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 10, л. 2.
 25. Там же.
 26. Об этом сочинении Мела Махмуда Баязиди см. статью Е.И.Васильевой "Неизвестное сочинение по истории Курдистана". - III и ПИКНВ, III. Л., 1967, с. 8-10.
 27. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 10, л. 2.
 28. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 18.
 29. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865; № 20, л. 107.

30. Там же, л. 23.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же, л. 18.
35. Там же, л. 26.
36. Там же, л. 25.
37. Там же, л. 20.
38. Там же, л. 18.
39. Там же, л. 21.
40. Там же, л. 19.
41. A.Jaba. Dictionnaire kurde-français. S.-Pbg., 1879, 463 p.
42. АГПБ, ф. I 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительного Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей, л. I.
43. Подробно о приобретении ГПБ коллекции см. статью Ж.С.Мусаэлян "История коллекции курдских рукописей ГПБ". - III и ПИКНВ.1990, XXIII, с. 63-70.
44. Отчет Имп. публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869, с.159-167.
45. М.Б.Руденко. Коллекция А.Д.Жаба (курдские рукописи). - Тр.Гос. публ. б-ки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1957, т. 2, с. 165-184; Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, 124 с.
46. М.Б.Руденко. Описание курдских рукописей..., с. II4.
47. ЛОААН, ф. 776, оп. 2, № 90, л. 14-15.
48. Там же, л. 16.
49. П.А.Чихачев. Письма о Турции. М., 1960, с. 37.
50. Там же.
51. /A.Jaba/ Ballade kurde recueillie et traduite par A.Jaba et communiquée par de Tchihatcheff. - Journal Asiatique. 1859, 5 sér, t. XIV, p. 153-166.
52. АВЛОИВ, разряд 3, оп. I, ед.хр. II, л. I.

Н.Г.Сафонова

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В КУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ ГОРАНИ (по тексту поэмы "Бежан и Манидже")

В данной статье рассматриваются зафиксированные в фольклорном варианте поэмы "Бежан и Манидже" на диалекте горани глаголь-

ные формы и участвующие в их образовании основы настоящего и прошедшего времени, формообразующие префиксы и личные показатели.

По соотношению основ прошедшего и настоящего времени все засвидетельствованные в тексте глаголы можно объединить в пять групп:

	Осн. прошедшего вр.	Осн. настоящего вр.
I. Глаголы с прошедшей основой на -d		
А. Переходные ²		
нести	bard ³	bar
делать	kard	kar
поднимать	-	bar-kar
копать, рыть	kand/hur-kand	-
поручать	sépard	-
бросать, разбрасывать	šand	-
играть (на муз.instr.)	žand	-
есть	ward/wārd	-
читать	wand	-
приносить	āward	āwar
Б. Непереходные		
оставаться	mand/mā	mān
умирать	mard	-
проходить	wīard	wīar
II. Глаголы с прошедшей основой на -t		
А. Переходные		
связывать	bast	-
брать, держать	gért/gérd	gīr/gēr
брать, взять	hur-gért	hur-gīr
убивать	kušt	kuš/kīš
говорить	wāt	wāč
хотеть	-	wāz
класть, бросать	wist	wāz/waz
снимать, поднимать, сбрасывать	-	hur-dār
оставлять	-	āz
украшать	ārāst	-
Б. Непереходные		
падать	kaft	-
садиться, сидеть	nīšt	nīš
разбивать, ломать	šēkast	-
приходить, приезжать	-	ī
иметь, владеть	-	dār

I	2	3
---	---	---

Ш. С прошедшей основой на -a

А. Переходные

дарить, прощать	baxšā	baxš
приказывать	farma	-
тянуть	kēšā	kēš
вытягивать, вытаскивать	bar-keša/hur-keša	-
показывать	nēmanā	nēman
заворачивать	pēčā	pēč
спрашивать, просить	pērsa/parša	pērs/parš
лить, сыпать	rēzā	rēz
знать	zānā	zān/z
поручать, доверять	-	sēpār
мочь	tāvā	-
знать, узнавать, знакомиться	šēnāšā	-
обрабатывать, пахать	kālā	-
пить	nōšā	nōš
давать	dā	d
поднимать	hur-dā	-
тереть, покрывать; мести, подметать	mālā	-
читать; звать, называть	wānā	wān
готовить, изготавливать, настраивать, делать	sāzinā	sāz
бросать, кидать	-	šān

Б. Непереходные

сверкать, сиять, блестеть	dērōšā	dērōš
гулять, бродить	gēlā	gēl
перевернуться, обернуться	hur-gēlā	-
кипеть	jošā	-
умолять	lālā	-
дрожать	larzā	larz
стонать	nālā	nāl
скользить	laxšā	-
идти, уходить	lūā	rū
бояться	tērsa/tarsa	tērs/tars
висеть, свивать	āwēzā	-
кричать, вскрикнуть	xarōzā	-

1	2	3
IV. Глаголы с прошедшей основой на -ia		
А. Переходные		
класть, ставить	nīā	nī
Б. Непереходные		
гулять, бродить	gōlīā	-
сгорать	sōōlīā	-
У. Глаголы с прошедшей основой на -i		
А. Переходные		
резать	bērī	-
видеть	dī	wīn/bīn
рвать, разрывать	hur-dērī	-
Б. Непереходные		
быть, делаться, становиться	bī	b
идти	čī/šī	č/š
выходить	-	bar-š
приходить, приезжать	-	ras

Глагол имеет неличные формы: инфинитив и причастие. Инфинитив состоит из основы прошедшего времени и суффикса **-an/-n** или **-ay**:

āwarday - приносить; **barday** - нести; **dīn** видеть; **kaftan** - па-
дать; **kuštay** - убивать; **lūān** - идти, уходить.

Активное причастие представлено формой прошедшего времени и состоит из основы прошедшего времени и показателя **-a** (который опускается при гласном исходе основы):

kafta - падавший, павший;

karda - делавший;

manda - оставшийся;

marda - умерший;

nīā - ставивший;

rēzā - ливший, сыпавший;

sōōlīā - /с/горевший;

wīsta - хотевший, желавший;

wīarda - проходивший, проводивший /время/;

warda (xan-yārda) - согнувшийся.

Пассивное причастие состоит из основы настоящего времени и суффикса **-yā⁴**: **kēryā** - сделанный, **šanyā (šaniā)** - сыгранный.

Глагол-связка представлен в данном тексте только в утвердительной форме настоящего времени в единственном числе и употреб-

ляется энклитически:

При согласном исходе основы:

1-е л. -im

2-е л. -ī/-anī/-an

3-е л. -an

При гласном исходе основы:

1-е л. -m

2-е л. -y/-nī

3-е л. -n/-wan

В образовании глагольных форм используются следующие формообразующие префиксы:

префикс bē-/b- служит для образования форм повелительного и сослагательного наклонения, в приставочных глаголах опускается;

префикс mā-/m- служит для образования форм настоящего-будущего и прошедшего длительного времени изъявительного наклонения, в приставочных глаголах помещается между приставкой и основным глаголом;

префикс отрицания na-/ne -/n- служит для образования форм отрицания всех времен изъявительного и сослагательного наклонений.

Спряжение глаголов в данном памятнике дает большое количество фонетических вариантов личных глагольных показателей.

Личные показатели, употребляемые в настоящем времени.

Лицо	Единственное число	Множественное число	
1-е	-ūn	Непереходные	-In
	-ūm		-Im
	-ōm	Переходные	-mī
	-ām		-ū
	-ū -m (при гласном исходе)		
2-е	-ī (y - при гласном исходе)		-
3-е	-ō		-ūm
	-ī		-ām
	-ē		-ōn
			-a -n (при гласном исходе)

Повелительное наклонение

-a
-ā/-ō
-ī/-ē

Личные показатели, употребляемые в прошедшем времени.

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходные глаголы		
1-е	-м	-īm
2-е	-ī	-
3-е	-ā	-n
	∅	
Переходные глаголы		
1-е	-м (отделяемый показатель)	-īm
2-е	-ī	-
3-е	-n	-n
	∅	
	-(i)ā (отделяемый)	-(i)ān (отделяемый)

Текст изучаемого нами памятника дает следующие глагольные формы. От основы настоящего времени образуются: настоящее-будущее время изъявительного наклонения, настоящее-будущее время сослагательного наклонения, повелительное наклонение. От основы прошедшего времени образуются: простое прошедшее время, прошедшее длительное (имперфект), перфект, плюсквамперфект.

Рассмотрим глагольные формы для переходных и непереходных глаголов.

Настоящее-будущее время изъявительного наклонения состоит из префикса mā-, основы настоящего времени и личных показателей. В отрицательной форме префиксу mā- предшествует отрицательная частица ne-/na-.

Утвердительные формы

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
1-е	mābūn	mābīn mābīm
2-е	mābī	-
3-е	mābō	māšūn
	māšī	mālarzān
Переходный глагол		
1-е	mākarū mākarūm māzanūn	-

I	2	3
2-е	mākarī	-
3-е	mākarō	mākarūn mākarān āwarōn

Отрицательные формы (зафиксированы в ед. числе)

Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол
1-е	nemāšūn	nimaz
2-е	nadārī	-
3-е	nadārō	nemāzānō

Приведем несколько примеров:

1. Māšūn baw makān bē-sabr-u āgām (58).
Я еду туда без промедления (букв. без терпения и спокойствия).
2. Har jā xūkī han na Arman dīār
Mākušū-š ba teg[-ī] baranda-y ābdār (47).
Всюду, где в Армане есть хоть один вепрь,
Я буду убивать его острым мечом из закаленной стали.
3. Jā lāy Kay-Xusrōw yārān[-ī] gašt tamān
Mākarūn wa pand ... (106).
Перед Кей-Хосровом и всеми его соратниками
Я дам совет...
4. Parī-š māgēlūn čōn gidā-y sālān (684).
Из-за него я хожу как старая нищенка.
5. Mar ham xudāwand yārī baw-ja sar
War-na Jāy azab nemāšun wa bar (285).
Быть может, мне поможет бог,
А то от мук я не избавлюсь.
6. Nimaz kō-n Rustam nawa-y Zal[-ī] Sam (284).
Я не знаю, где Рустам, сын⁵ Зала, внук Сама.
7. Hēmāy basūgand rāzī mābī lē-m (721)
Теперь, клянусь, ты будешь доволен мной.
8. Wātīš ay sarrāf[-ī] Jahāndīda-sāl
Har čand Jā Rustam nadarī ahwāl (676).
Она сказала: "О мудрец, познавший м'р за годы,
Известий от Рустама нет как нет".
9. ... Jāy azab kay māšī wa bar (705).

- Как же он от мучений избавится?
10. Mākarō sawrān[-i] sār[-i] mūsīqār (II5).
Она наслаждается музыкой.
11. Zānās ka Bīžan nadārō ta'am (687).
Он знал, что у Бижана нет еды.
12. ničkas xalāsī-š nīan ja daat-im
Nadāran tābišt kamand[-i] šast-im (779).
Никто не ускользнет из рук моих
И не уйдет от моего аркана.
13. Aw-sā jaw-dumā bātil mābō kār
Mābīm wa sarfān[-i] wāta-y rōz¹gār (57I).
Теперь уж бесполезны все усилия,
Нас долго еще будут попрекать.
14. Har rō yakī-mān mābin sarnigūn (429).
Каждый день один из нас терпит поражение.
15. Har ja waqt[-i] šubh ta waqt[-i] ewār
Māsūn na rū-y dašt mākarūn šekār (616).
День каждый, с утренней зари и до вечерней,
Охотясь, по степи они идут.
16. Nahangān ja baḥr, bawrān ja barzān
Iakyak ja tāb[-i] tēg-it mālarzān (334).
Акул в море и барсов в горах,
Всех сила клинка твоего ввергает в дрожь.
17. Har ja waqt[-i] šubh tā wāda-y ewār
Xūkān jaw darband māgīrān qarār (70).
Изо дня в день, с утра и до ночи,
В этом ущелье находятся вепри.
18. Kasī namāzānō xāṭir[-i] xamīn-im (284).
Никто не знает, как я опечален.

Настоящее-будущее время сослагательного наклонения состоит из префикса bē-, основы настоящего времени и личных показателей. В отрицательной форме префикс bē- заменяется префиксом na-.

Положительные формы

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
	I-e	bēbōm
		bēm
		bām
2-e	-	-

I	2	3
3-e	bē bō bēšō	bān bēšān
Переходный глагол		
I-e	bēkarūn/karūn bēdam bēdarūm bēnmanū	karmī bēkarmī bēpōšū
2-e	bēkarī/karī	-
3-e	karō bēdō	kēšān kēšān nēmana bēgīrōn

Отрицательные формы (зафиксированы для ед. числа)

Лицо	Переходный глагол	Непереходный глагол
I-e	nadū	-
2-e	nadarī	nawyarī

Например:

1. Bižan dā jawāb ba nāla-y zabūn
Waxt-ān na zandān bēbōm sarnigūn (806).
Еле слышно в ответ простонал Бижан:
"Теперь меня смог бы сломить и зиндан".
2. Nanī čēš wācūn ba syāh sang bām
Pištān na ray qabr[-ī] tārīk[-ī] tang bām (430).
Что еще мне сказать? Стал бы черным я камнем,
Лег у темной и тесной могилы.
3. Wātīš ay yārān biša-y nāhamwār
Ja kō-n ja-y xūk bēzānūn ahwāl (68).
Он сказал: "О, друзья? Где же чаша густая,
Обиталище вепрей? Чтобы точно я знал что к чему.
4. Kāšaw ta nadū yalgārī parī-š
Zām[-ī] kon-u naw kay mabō sārīš (850).
Этим вечером, прежде чем мне напасть на него,
Хорошо б мои старые и новые раны зажили.
5. Yakī ja mardān[-ī] jahāndīda-kār
Bēdarī čanīm tā Arman dīār (59).

Кого-нибудь из опытных людей

Ты дал бы до [страну] Арман мне.

6. Ar tu ʃa taqəʔIr GurgIn[-I] Mīlād
Nawyārī bašād ba xatīr[-I] gūšād
Wa-na rū-y zandān mārōšū wa sang (820).

Коль ты ошибку Гургена, сына Милада

С легким сердцем не простишь,

То твой зиндан опять покрою камнем.

7. Si hazār sawār[-I] ʃangī mādū pēš
Bēšō baw makan bē xawf-u andīš (34).

Три тыщи конников я вслед ему пошлю.

Коль он туда пойдет без содрагання.

8. Agar ʃa Bīžan paydā bē hawāl (46I).

Ах, новости дошли бы от Бижана!

9. Ī ganʃ[-I] yāqūt Ī dāna-y dēlkēš
Esa na pā-y taxt hur-gīrō pay wīš (4I).

Пусть восхитительные лалы и каменья драгоценные

Себе с подножья трона заберет.

10. Bērōšū salāh[-I] ʃangī-u bē-gam
BēšIn baw darband čanī man ba ham (72).

Ну что ж, давай в доспехи облачимся, и без печали

Тогда бы к тому ущелью мы вместе поскакали.

11. Bēfarmā lašgar hādīr bān ʃa lā-m (58).

Прикажи, чтоб войска предо мною предстали.

12. Wātīš ba lašgar nawa-y nāmdār
Si rō tā šawān bēgīrōn qarār (130).

И внук героя воинам сказал

С утра до вечера, три дня здесь находиться.

Повелительное наклонение, зафиксированное в тексте поэмы, состоит из префикса *bē-* (в отрицательной форме – префикса *mā-*), основы настоящего времени и личного показателя 2-го лица единственного числа. Как и некоторые предыдущие глагольные формы, повелительное наклонение засвидетельствовано только в единственном числе.

Положительная форма

Отрицательная форма

ba/bū (bō)/bī

māba

bēbaxš/bēbaxša

mākār/mākara

kar/karū

1. Šō čanī Bīžan ba šādī-u ǰaxt (63).
Не грусти ты и с Бижаном поскорее поезжай.
2. Amīd han ǰa lā-t sahib-taxt-ǰu taǰ
čēš-an dawā-man bēnmāna 'alāǰ (30).
Одна надежда на тебя, владыка трона и короны,
Ты постарайся нам помочь.
3. Nadārī tabišt xūkān[-ī] badrang
Hanī baw-dastūr sar mādar ba sang (54).
На страшных вепрей у тебя не хватит силы,
Ты голову на камень не клади.

Простое прошедшее время состоит из основы прошедшего времени и личных показателей. В отрицательной форме прибавляется префикс *na-*.

Положительная форма

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
1-е	bīm	wīardīm
2-е	bī	-
3-е	bī	bīn
Переходный глагол		
1-е	kardim (-m kard)	kardim
2-е	kardī	-
3-е	kardiš (-š kard)	kardišān
	kīānān	wātin
	dīā	

Отрицательная форма (только для ед. числа)

Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол
1-е	natarsām	-
2-е	natarsāy	-
3-е	nabī	nakardiš nadī

1. Gurgīn čōn šēnaft sīāh bī ǰa qār
ǰa qassa-y Bīžan wāt bīm gērifitar (64).
Когда Гурген услышал, почернел от гнева,
Сказал: "Из-за бижанова рассказа я попался".
2. Šāh wāt āfarin ay šīr[-ī] bē-bāk
Tu-m sēpard ba zāt[-ī] fard[-ī] tanyā-y tāk (60).

Шах сказал: "Ну что ж, прекрасно, лев бесстрашный,
Поручаю я тебе во имя бога, несравненного, единственного,
это.

3. Natarsām na xūk bīša-y sahamnāk
Pišt bastim ba zāt[-ī] padīša-y bē-bāk (450).
Я не испугался ни вепрей, ни страшных лесов.
Верил в бога я - падшаха бесстрашного.
4. Pan-im wāča rāst tu ja kāmānī
čōn amāy bay ja rē čēs amānī (168).
Скажи мне правду! Кто ты и откуда?
Как и зачем сюда приехал?
5. Natarsāy ja tēg[-ī] šā-y Afrāsīāb (241).
Ты не боялся клинка Афросиаба-шаха!
6. Bābū ēd šenāft šī na jama-y qār
Taw dā wa Bīžan Gīw[-ī] nāmdār (49).
Отец услышал это, рассердился,
Ругал Бижана Гив прославленный.
7. Dīš ka čand nafar hātīr[-ī] gāmīn-an (25).
Увидел он, что люди огорчились.
8. Lādē fikr-iš kard zānā ka čēs-an
Bīžan gēriftār[-ī] turk[-ī] badkēs-an (389).
Он минуту подумав, догадался в чем дело -
Нечестивой турчанкой Бижан завлечен.
9. Hīčkas na maǰlis naxēzā wa bar
Ray jang[-ī] xūkān nabastiš kamar (52).
Никто из собравшихся не поднялся,
На войну с вепрями поясом не подпоясался.
10. Hōy min-u aw ba taǰīl-u tāb
šīn wa sawr[-ī] bāg[-ī] šā-y Afrāsīāb (419).
Однажды он и я поспешно
Отправились полюбоваться садом Афросиаба.
11. Nāgāh ja ra-y qasr darwāza-y hišār
Ba'zī xalāyīq xrōšān ba zār (23).
Вдруг возле дворца, у ворот городских
Запричитали люди громко.
12. Sar wistin bawār, sarsām bē-dang
Kay-Xusrow čōn dīš gēllā ja rang (37).
Опустили они головы, растрепанные и безмолвные.
Кей-Хосров, как увидел, изменился в лице.
13. Wātišān ay šīr[-ī] bar-guzida-y jang
Naw bīša-y 'azīm ja-y darband[-ī] tang (69).

Они сказали: "О избранный на битву лев!

В густой той чаще, где узко ущелье..."

Прошедшее длительное время (имперфект) состоит из префикса mā-, основы прошедшего времени и личных показателей. Отрицательная форма в тексте данного памятника не засвидетельствована.

Положительная форма

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
1-е	-	-
2-е	-	-
3-е	<u>māšī</u> <u>māšīā</u>	-
Переходный глагол		
1-е	-	-
2-е	-	-
3-е	<u>mākardiš</u> <u>mākard</u>	<u>mākardan</u> <u>māšandin</u>

1. Aw-rō māšīā lā-y Afrāšīāb
māšī ba dīwān ba tašīl/č/tāb (289).
В тот день отправился он к Афросиабу,
Спешил в диван.
2. Čil rōž bay-dastūr na pa-y sang[-i] dēw
mākardiš qīnāt xasta-y dēl-pašew (381).
Так сорок дней у камня дива
Она просила подаенье в слезах и горе.
3. Lādē bay-dastūr sāzān māžandin
kanīzān maqām[-i] turkī māwandin (188).
Играли там на сазе,
Рабыни песни турок исполняли.
4. Čand pahlawānān hādir bīn ya lā-š
Ba lafz[-i] šīrīn mākardan thanā-š (18).
Богатыри перед ним появились
И восхваляли его сладкословно.

Перфект у непереходных глаголов состоит из основы прошедшего времени и связки соответствующего лица и числа, у переходных – из основы прошедшего времени, связки 3 л. ед.ч. и личных показателей. В отрицательной форме присоединяется префикс na-.

Положительная форма

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
1-е	-	-
2-е	<u>amānī</u>	-
3-е	<u>amān</u> <u>kaftan</u>	<u>mandan</u>
Переходный глагол		
1-е	<u>gértanīm</u>	-
2-е	<u>kardanī</u>	-
3-е	<u>gértanīš</u> <u>kardan</u>	<u>kardan</u> <u>kālān</u>

Отрицательная форма (зафиксирована в ед.числе)

Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол
1-е	-	-im nabastan
2-е	-	-
3-е	<u>namardan</u>	<u>nakardan</u>

1. Har-či ŷa zīndān gértanīm waṭan
Baḫšām ba āzār[-i] ŷafā-y Piltan (825).
То, что в темнице я томился,
Простил я ради мук и страданий Могучего.
2. Min xō ray nabard dāw-im nabastan (252).
Сам я не собирался сразиться с тобой.
3. Tu dāna-y uāqūt[-i] šāhī bardanī
Tu ārzū-y ŷang[-ī] xūkān kardanī (75).
Ты шахские рубины взял,
Ты с вепрями хотел сразиться.
4. Parsā wāt ay šaxṣ tu ŷa kāmānī
Matlab-it čēš-an pē čēš amānī (I67)
Спросила: "Эй, человек? Ты откуда?
Что надо тебе и зачем ты приехал?"
5. Nawzī ba šad nāz ārāstan ŷa sang
Wistan čand uṭāg[-ī] tuhfā-y 'aḷab-rang (II2).
Сотней ярких камней он хауз разукрасил,
Несколько комнат чудесных цветов он создал.
6. Kas ŷa bāgča-y min nakardan gozār (I69).
Никто в мой сад не заходил.

7. Namardan xarīk[ī] rūq[ī] zanjīr- n (496, 5II).

Он не умер, но цепями опутан.

8. Bē-gunāh taq̄sir kardan-īš ba dār (293).

Безгрешного, безвинного казнили.

Плюсквамперфект состоит из причастия прошедшего времени смыслового глагола, основы прошедшего времени глагола bīn/būn и личных показателей.

Положительная форма

Лицо	Единственное число	Множественное число
Непереходный глагол		
I-е	-	-
2-е	manda bī	-
3-е	manda bī	-
Переходный глагол		
I-е	-	-
2-е	-	-
3-е	gērtā bī	gērtā bīn

Рассматриваемый текст содержит лишь одну отрицательную форму плюсквамперфекта для 3 л. ед.ч. - nemābī.

1. Ya čōn na zandān[ī] šā-y Afrāsīāb

Manda bī bēkas xasta-y dēl-kabāb (805).

Когда в зиндане у Афрасиаба

Сидел ты одинокий в горе и печали.

2. Yakāyak Ya lā-š sarāfkanda bī

Nam-īš na safhay nagīn kanda bī (I6).

По одной они склонились перед ним,

Имя его вырезали на печати.

3. Taḵ[ī] Kay-Xusrav manda-y Kay-Qubad

Niā bī na var ba xātir[ī] gušād (I7).

Корона Кей-Хосрова, что от Кей-Кубада

досталась по наследству,

На голову была возложена с великой радостью.

4. Čand hazār xūkān[ī] daranda-y la'in

Naw bīša-y rēn-sūr gērtā bīn kamīn (80).

Несколько тысяч проклятых свирепых вепрей

В этом страшном лесу, затаившись, сидели.

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что в форме настоящего времени сослагательного наклонения для I лица множественного числа переходные глаголы могут иметь личный показатель

-mi, не встречающийся у непереходных. В спряжении переходных глаголов в прошедших временах наряду с показателями непереходных глаголов употребляются личные энклитические местоимения. Таким образом, можно выделить два ряда личных глагольных показателей: личные показатели I ряда – неотделяемые показатели непереходных и переходных глаголов во всех спряжениях; личные показатели II ряда – отделяемые показатели (или личные энклитические местоимения) переходных глаголов в прошедших временах.

-
1. М.Мокри. Bižan-u-Manija. En langue gouranie. Texte établi. Introduction, traduction, notes linguistiques et glossaire. P., 1966.
 2. На переходные и непереходные глаголы можно разделить по семантическому признаку.
 3. В данной статье мы придерживаемся транскрипции, используемой М.Мукри (см. примеч. I).
 4. В тексте зафиксировано пассивное причастие *saxta*, которое М.Мукри возводит к персидской форме.
 5. К.К.Курдоев, З.А.Юсупова. Курдско-русский словарь. М., 1983.
 6. З.А.Юсупова. Глагольные основы в аврамани. – ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 77–84.
 7. З.А.Юсупова. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985.

И.А.Смирнова, К.Р.Эйюби

СОВРЕМЕННЫЙ ВОКАЛИЗМ КУРМАНДЖИ¹

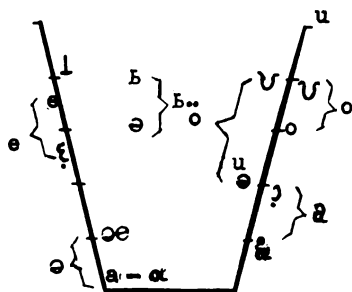
В статье излагается качественная и количественная характеристика гласных курманджи курдов Армении. В целях выявления существенно общего для курдского языка в целом и диалектально различного в его фонетической системе рассмотрение фактов курманджи ведется в сопоставлении с подробно обследованным материалом диалекта мукри, принадлежащего к другой, южной разновидности курдского языка.²

Качественная характеристика гласных

Качественный анализ гласных курманджи был проведен при участии В.С.Соколовой на слух в 1978 г. Дикторами были А.Т.Абасян (далее – I диктор) и З.А.Юсупова (далее – II диктор).³

Курдский вокализм представляет собой фонологически единую

восьмифонемную систему гласных с диалектно обусловленными фонетическими различиями. Эта система в варианте курманджи курдов Армении (фонемы а, о, е, у, ɪ, ə, ɔ, ʏ)⁴ может быть следующим образом отражена на шкале таблицы Л.В.Щербы в шесть ступеней подъема:

Ф о н е м а а – как и в мукри, – гласный заднего ряда, но более узкий, в основном – 2-го подъема, но с частым сужением до 3-го: «*əv*», «*âv*» "вода". Имеет дифтонгоидный характер: в начале более открытый, в конце может сужаться («*â^u*»). В отличие от соответствующей фонемы мукри – огубленный, но огубленность может иногда ослабляться в начальной позиции, если и последующий слог тоже содержит а: «*âz^(u)*» "свободный". Перед носовыми а не сужается. Как и в мукри, фонема а встречается во всех положениях.

Ф о н е м а о – как и в мукри, – огубленный гласный заднего ряда, но более узкий, что особенно заметно в произношении П диктора: у I диктора произносится на 4-й ступени подъема («*o*», иногда «*ə*»), а у П диктора между 4-й и 5-й ступенями («*U*» / «*ə*»). Иногда, как и в мукри, о дифтонгично («*Uo*»). В отличие от мукри гласный о в курманджи курдов Армении возможен в начале слова: *oĵax* "очаг", *ordi* "войско", "армия", *otax* "комната".

Ф о н е м а ɔ соответствует мукринскому гласному ʏ. В курманджи курдов Армении это дифтонг, но с возможной монофтонгизацией. По преимуществу образуется в заднем ряду, но может продвигаться вперед. В слого, закрытом двумя согласными, под ударением имеет закрытое звучание, причем начало более узкое, а конец несколько шире («*U*»): «*kʏrd*» "курд", «*kʏošt*», «*kôšt*» "убил". В открытом слого и в слого, закрытом одним согласным, под ударением намного более открытый, на уровне 3-й ступени подъема («*Uə*»): «*gʏəh*» "ухо", «*kʏəɾ*» "сын", "мальчик", «*tʏə*» частица отрицания, «*tʏə*» "ты", «*dʏə*» "два". В первом неударенном слого ɔ произносится очень кратко и по-видимому всегда монофтонгизуется:

«kʰtan» "бить", «kʰomanj» "курд", «kolilkʰ» "цветок", «gʰhɔr» "серьги", «gʰstɪlkʰ» "кольцо". Монофтонгичность ɔ наблюдается также в начальном положении: «bʰa» "так", «ʊ-ɪm» "наука". Следует отметить, что дифтонгичность ɔ ослабевает у I диктора также в исходе слова и перед некоторыми согласными в середине слова: «tɔ» "ты", «gʊɪ», «gɔɪ», «göl» "цветок", «kʰɪrd» "курд". Фонема ɔ встречается во всех положениях.

Фонема u в курманджи курдов Армении, как и соответствующая ей фонема u диалекта мукри, – гласный заднего ряда, но самый закрытый (ɔ-я ступень подъема), устойчивый по качеству, огубленный: «tuʒ» "острый", «xazur» "тесть", "свекор", «xun» "кровь", «xuʃk» "сестра", «xasun» "теща", "свекровь". В отличие от мукри в курманджи курдов Армении u возможно в начале слова, но редко: uatu "шея", uʔin "выть", "мычать".

Фонема ə в основном варианте открытый передний гласный (в отличие от мукри, где соответствующая фонема – смешанного ряда). Как и в мукри, ə – 2-го подъема: «əz» "я", «kəv» "человек", «bɪɪk» "пестрый", «bɪn» "веревка", "бечевка", «tɪkə» "кусок". После увулярных согласных ə более открытое и приближается к «a»: «xat» "линия", «xʰə», «xʰa» "свой", «fəɪet» "ошибка". После r и ʔ ə тоже раскрывается, но в меньшей степени и тоже сохраняет свой передний характер («a» или «ə»): «fʰrəx» «fʰra» "широкий", «bʰɪk», «bʰɪk» "пила". Гласный ə встречается во всех положениях.

Фонема e – как и в мукри, – гласный переднего ряда с произносительным диапазоном от 3-й с половиной ступени подъема до 4-й с половиной и даже чуть выше («e») (т.е. несколько более узкий, чем в мукри), тоже неогубленный. Начальное e очень открытое, почти равное русскому "э": «tɪ» "племя", «vɪr» "вечер". В исходе оно такое же по качеству: «fɪ» "дорога", «vɪ» "три". В середине слова e закрытое, значительно уже, чем в начале и исходе, а после мягких согласных оно совсем закрытое и напоминает i. В отличие от мукри, где e дифтонгоидно во всех положениях, в курманджи дифтонгичность для e отмечена лишь в середине слова после мягких согласных, где она является обязательной: «mɛʰr» "мужчина", «vɛʰr» "лев". Фонема e встречается, как и в мукри, во всех положениях.

Фонема i – как и в мукри, – гласный переднего ряда, тоже не самого верхнего (5-го) подъема («i»), более открытый, чем русское "и", неогубленный: «iʃ» "работа", «iɪ» "сегодня", «tɪka» "кусок", «sɪr» "чеснок", «pɪr» "старый", «fɪl» "слон",

«*zɛɣ*» "человек". Гласный *i* довольно стойкий по качеству, лишь немного сужается после мягких согласных (у I диктора более открытый, чем у II диктора) и несколько отодвигается назад после увулярных («*ɬ*»): «*zɛɣ*» "зеленый", "синий", но «*qɪ-z*» "дочь", "девушка". Как и в мукри, чрезвычайно редко встречается в начале слова в курдских словах: *igo* "сегодня", *isal* "в этом году".

Ф о н е м а ь – как и в мукри, – гласный смешанного ряда, тоже образуется между 4-й и 5-й степенями подъема. Основной вариант у I диктора более открытый («*ə*»), а у II диктора более закрытый («*ɐ*») (как в мукри): «*zɛɣ*», «*zɛɣ*» "женщина", «*dɛɣ*» "сердце", «*kɛɣɛɣ*», «*kɛɣɛɣ*» "делать". Здесь проявляются говорные различия, но они касаются лишь основного варианта, в целом же произносительный диапазон гласного ь общий для говоров обоих дикторов. В соседстве с мягкими согласными ь более передний: «*ɛ'ɛ*» "что", «*zɛ'-ɪ*» "сырой", "мокрый". После увулярных ь более закрытое у обоих дикторов, поэтому здесь у I диктора имеет звучание, как основной вариант у II диктора («*ɐ*»).

В неударенном положении ь очень краткий гласный неопределенного качества, образуется на том же уровне: «*d'ɛɣɛɣ*» "длинный", «*ɐ'ɛɣɛɣ*», "брат".

В отличие от мукри в курманджи курдов Армении ь встречается в начале слова, но по преимуществу в словах арабского происхождения: «*stɛɣɛɣ*» "звезда", «*ɣɛɣ*» "вынужденный", «*ɪɛɣ*» "вдохновение". В конце слова, как и в мукри, не встречается, за исключением некоторых предлогов: *ɐ*, *zɛɣ*, *dɛɣ*, *ɪɛɣ*.

Ф о н е м а э' – фарингализованный гласный, причем фарингализованность и даже хорошо выраженная айнизация характерна для II диктора: «*zɛɣɛɣ*» "земля", «*zɛɣ*» "змея", «*ɛɣɛɣɪ*» "ширина". У I диктора фарингализация почти неслышна («*ɛ*»), она сводится лишь к твердому началу, и то неярко выраженному.

Количественная характеристика гласных

В результате проведенного авторами экспериментального (с помощью осциллографа) исследования гласных в мукри и курманджи курдов Армении объективно доказано наличие противопоставления гласных по длительности в курдском языке. В мукри было обнаружено три ряда гласных по длительности: долгие (*ā*, *ō*, *ē*), средние (*u*, *i*, *ə*), краткие (*ʉ*, *ɐ*). В курманджи курдов Армении фонологическое соотношение гласных по длительности базируется на бинарном противопоставлении: долгие (*a*, *o*, *e*, *u*, *i*, *ə*) – краткие (*ɐ*, *ɐ*). Однако, как будет показано далее, и в курманджи – на фонетическом уровне –

прослеживается такое же троичное деление гласных по длительности. Таким образом, современная курдская система количественных противопоставлений гласных, восходящая в конечном счете к древнеиранской, не является, тем не менее, ее прямым продолжением. Существующие ныне варианты курдской системы вокализма продолжают в своем непосредственном развитии исторически промежуточную систему общекурдского вокализма, сформировавшуюся как результат развития древнеиранской системы в условиях закономерностей, действовавших в курдском языке.⁵

Исследование длительности гласных курманджи курдов Армении опирается на данные двух дикторов: Р.А.Дзупова (далее - I диктор, запись в 1974 г.) и А.Ш.Шамилова (далее - II диктор, запись в начале 70-х гг.).⁶ За основу описания длительности гласных взяты данные I диктора, т.к. у II диктора при записи было подчеркнуто длительное произношение, а поэтому у него недостаточно четко прослеживается соотношение гласных по длительности. Но зато благодаря растянутости его произношения в ряде случаев лучше видны некоторые количественные свойства гласных.

Для определения и описания длительности гласных курманджи применялась та же методика, что и для мукри. Длительность исчислялась по осциллографической записи в миллисекундах и затем переводилась в сигмы, в которых представлены подсчеты.

Оба диктора записаны по программе с учетом пяти типов слогов, которые были выявлены при анализе вокализма мукри как наиболее важные для выведения количественных характеристик курдских гласных.⁷

Гласные записаны в следующих положениях.

I. В ударенном положении

1) односложное слово:

- а) закрытое одним согласным,
- б) закрытое двумя согласными;

2) двусложное слово:

- а) второй открытый слог (ударенный исход).

II. В неударенном положении

- а) первый закрытый слог,
- б) первый открытый слог.

Длительность гласных во всех перечисленных случаях, кроме односложного слова, закрытого двумя согласными, рассматривается в двух фонетических положениях крайнего согласного воздействия: I положение - между звонкими перед щелевыми (максимальная длительность) и II положение - между глухими смычными (минимальная дли-

тельность). Для гласных в односложном слове, закрытом двумя согласными, в курманджи, как и в мукри, характерно в постпозиции соседство глухих согласных, когда за гласным следует сначала щелевой, а затем смычный глухой согласный (тип *baak*, *goät*).

Описание длительности гласных в каждом фонетическом положении содержит цифровые данные и их анализ. Цифровые данные отражают количество измерений каждого гласного (в скобках), среднюю длительность, нормальную (типовую) длительность.

Для определения средней длительности сумма длительностей гласного⁸ делилась на количество произнесенных случаев. Нормальная длительность определяется большинством приходящихся на нее измерений (от одного и более на десяток произнесений).

Односложное слово, закрытое одним согласным

Цифровые данные

Средняя длительность гласных

Гласные	Тип записанных слов	I диктор	II диктор
		I положение	
а	<i>baz</i>	25,6 (23)	33,6 (25)
о	<i>boz</i>	23,9 (20)	31,5 (23)
е	<i>gež</i>	22,9 (23)	31,9 (14)
и	<i>guz</i>	22,9 (22)	31,4 (22)
і	<i>diz</i>	22,4 (23)	30,1 (15)
ə	<i>bəz</i>	23,4 (25)	28,5 (13)

не засвидетельствовано

ь	<i>dbz</i>	19,7 (21)	26,0 (14)
---	------------	-----------	-----------

II положение

		I диктор	II диктор
а	<i>kap</i>	17,6 (28)	27,1 (22)
о	<i>top</i>	15,7 (29)	22,4 (26)
е	<i>keč'</i>	16,0 (27)	22,8 (14)
и	<i>tuk</i>	15,7 (28)	22,7 (27)
і	<i>č'it</i>	13,7 (27)	21,9 (26)
ə	<i>čəp</i>	16,2 (23)	22,0 (41)
ɔ	<i>kɔč'</i>	12,9 (21)	22,7 (25)
ь	<i>ket</i>	11,9 (28)	17,1 (27)

Нормальная длительность гласных

	I положение		II положение	
	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
а	25-26	30-36	17-20	24-29
о	22-25	30-34	14-17	20-24

е	22-25	30-34	15-18	20-25
и	20-25	30-33	14-17	21-24
і	20-24	28-32	12-15	22-25
э	22-24	27-31	15-18	20-25
ё	не засвидетельствовано		11-15	20-25
ь	18-20	25-28	11-13	15-20

Анализ цифровых данных

Цифры средней длительности у обоих дикторов в рассматриваемом положении показывают значительное отличие в длительности гласного ь от всех остальных гласных. По данным нормальной длительности можно видеть, что для ряда гласных это различие выступает как полное несовпадение по диапазону длительности, т.е. как противоположение по длительности. По данным первого (основного) диктора такое противопоставление существует в звонком окружении между группой гласных - а, о, е, э и гласным ь. Гласные и, і, будучи более краткими, чем а, о, е, э и более долгими, чем ь, не входят в противопоставление ни с первыми (за исключением противопоставления і-а), ни со вторыми. Эта картина соотношения гласных по длительности напоминает положение в мукри, но с той разницей, что гласный э в курманджи отходит к долгим гласным (в мукри он входит в состав средних по длительности гласных вместе с и, і, являясь к тому же самым кратким из средних). Противоположение гласных э - ь в курманджи является стабильным - оно существует и в других фонетических положениях, что хорошо видно в записи І диктора (в записи П диктора при его растянутом произношении характер соотношения этих гласных несколько видоизменился: вместо противоположения у него регулярно выявляется лишь значительное различие в долготе этих гласных, т.е. и здесь налицо тенденция к количественному размежеванию этих гласных. Удлинение гласного э в курманджи можно отчасти объяснить параллельным удлинением гласного ь, в ряде случаев сближающегося с ним по качеству (оба - широкого качественного диапазона). Отсюда необходимость для гласного э увеличить свою абсолютную длительность и сохранить тем самым фонологическую границу с гласным ь по количественному признаку. С другой стороны, растяжение э и его количественное сближение с а не грозит им смешением благодаря их большому качественному несходству в курманджи в отличие от мукри, где эти гласные могут качественно очень сближаться.

Гласный ь постоянно сохраняет противоположение с исторически долгими курдскими гласными а, о, е. К ряду долгих в курманджи

примыкают также гласные *у, і*, однако количественная противопоставленность краткого *ь* этим гласным поддерживается не всегда, поскольку они хорошо отличаются от него по качеству. С другой стороны, это показывает шаткость количественного диапазона гласных *у, і* в курманджи, их еще недостаточно определившийся характер как долгих гласных.

Между глухими смычными все гласные сильно сократились, сохранив примерно то же соотношение, но с возникшим в этом положении противопоставлением *у-ь*.⁹ Сокращение всех гласных во II положении говорит об их чувствительности к глухости и смычности соседних согласных.

В глухом смычном окружении в систему соотношения гласных входит фонема *ö*, которая обнаруживает противоположение гласному *а*; она короче, чем *о, е, у, і, э* и несколько превосходит по длительности фонему *ь*. Таким образом, в данном положении место фонемы *ö* в системе вокализма курманджи в плане длительности выражено не совсем четко, хотя можно видеть, что она тяготеет все же к краткому *ь*. В условиях же растянутого произношения (у II диктора) фонема *ö* показывает, тем не менее, способность растягиваться, входя в диапазон долгих гласных. Такое противоречивое поведение фонемы *ö* также свидетельствует о не полностью установившемся для нее количественном диапазоне.

Односложное слово, закрытое двумя согласными

Цифровые данные

Средняя длительность гласных

Гласные	Тип записанных слов	I диктор	II диктор
<i>а</i>	<i>baak</i>	17,5 (20)	24,5 (21)
<i>о</i>	<i>goät</i>	15,7 (20)	24,8 (20)
<i>е</i>	<i>äest</i>	14,5 (15)	23,7 (16)
<i>у</i>	<i>äuät</i>	14,9 (20)	23,6 (21)
<i>і</i>	<i>bist</i>	14,3 (19)	20,2 (17)
<i>э</i>	<i>k'äsk</i>	15,9 (24)	21,4 (22)
<i>ö</i>	<i>köät</i>	11,8 (18)	19,5 (22)
<i>ь</i>	<i>täät</i>	10,5 (19)	17,7 (20)

Нормальная длительность гласных

	I диктор	II диктор
<i>а</i>	16-19	24-28
<i>о</i>	14-17	25-28
<i>е</i>	13-15	23-25

и	14-16	22-25
і	13-16	17-23
э	14-18	17-25
ё	10-13	15-25
ь	9-12	13-21

В положении односложного слова, закрытого двумя согласными, то деление гласных, которое наметилось в односложном слове перед одним согласным в глухом окружении (взятом нами здесь за исходное положение), обрисовалось еще более четко: гласный ь противостоит здесь уже всем долгим гласным (а, о, е, и, і, э), а ё резко отличается от этих гласных, чем в предыдущем положении. Это произошло за счет более сильного сокращения ё, ь по сравнению с прочими гласными, из которых отдельные даже удлинились по сравнению со словом, закрытым одним согласным, в глухом окружении, а некоторые не изменили своей длительности. Ср. нормальную длительность всех гласных.

Слово, закрытое одним согласным (глухое ок- ружение)	Слово, закрытое двумя согласными
--	-------------------------------------

I диктор

а	17-20	16-19
о	14-17	14-17
е	15-18	13-15
и	14-17	14-16
і	12-15	13-16
э	15-18	14-18
ё	11-15	10-13
ь	11-13	9-12

Как мы видим, сократились или сохранили свою длительность перед двумя согласными те гласные, которые в предыдущем положении были наиболее долгими (а, о, е, и, э). Гласный і, который был в предыдущем положении короче других долгих, сейчас выровнялся с ними, увеличив свою длительность. Гласные же ё, ь, которые были самыми краткими, сократились здесь еще больше, причем в большой мере за счет снижения минимального предела длительности, который для ь составил 9 сигм, а для ё - 10 сигм, в то время как минимальный предел остальных гласных не упал ниже 13 сигм. Таким образом, в слове, закрытом двумя согласными, в качестве фонологического раздела между долгими и краткими гласными выступила разная степень их сокращаемости в этом положении. Иначе говоря, для кратких гласных (ё, ь) это положение является сокращающим, долгие же проявляют здесь свойство удерживать присущий им в ударенном положении уровень фонологической длительности в условиях глу-

хого окружения.

Данные П диктора отражают ту же тенденцию для долгих гласных: сохранить или увеличить длительность перед двумя согласными по сравнению с положением перед одним согласным в глухом окружении. Однако в условиях заданной П диктором иной по сравнению с I диктором абсолютной длительности у него удлинились другие гласные: не *i*, как у I диктора, а *o*, *e*, *u*, которые в предыдущем положении были короче, чем *i*, а *i* соответственно сократилось (как и *a*). Ср. цифры нормальной длительности долгих гласных П диктора.

	Слово, закрытое одним согласным (глухое ок- ружение)	Слово, закрытое двумя согласными
а	24-29	24-28
о	20-24	25-28
е	20-25	23-25
и	21-24	22-25
і	22-25	17-23
ə	20-25	17-25

Интересным представляется сокращение *ə* (которое было равным по длительности *e*, удлинившимся перед двумя согласными). Дело в том, что несмотря на то, что *ə* в курманджи вошло в группу долгих гласных, исторически оно не является долгим ($<$ ир. краткого *a*), что ограничивает, как можно думать, и в настоящее время пределы его абсолютной длительности.

Что касается гласного *ь*, то он, несмотря на препятствующую сокращению растянутость произношения, и у П диктора обнаружил свою склонность к сокращению в рассматриваемом положении. Это проявилось в понижении минимального предела длительности *ь* с I5 до I3 сигм, хотя максимальный его предел, напротив, повысился на I сигму (с 20 до 21 сигм), в чем сказалась противоборствующая фонологическому сокращению удлиненность произношения.

Гласный *ö* у П диктора и здесь проявил тенденцию тяготения к долгим гласным (его диапазон в данном положении I5-25 сигм).

В итоге можно отметить, что общая картина соотношения гласных в курманджи в односложном слове, закрытом двумя согласными, принципиально сходна с мукри. Там тоже в глухом окружении прослеживается тенденция противоположения кратких гласных (*ü*, *ь*) всем прочим гласным, как долгим, так и средним.

И-й неударенный закрытый слог

Цифровые данные

Средняя длительность гласных

Гласные	Тип записанных слов	I диктор	II диктор
I положение			
а	bazdan	20,8 (13)	19,5 (22)
о	bozti	17,3 (13)	16,3 (22)
е	geŋti	19,1 (13)	17,2 (24)
и	buzbun	17,6 (13)	13,2 (14)
і	gizmə	17,1 (12)	13,4 (24)
ə	bəzgir	19,8 (12)	15,9 (24)
ö	не засвидетельствовано		
ь	ŋezdan	15,0 (12)	12,4 (23)
II положение			
а	paɣdɔl	12,9 (23)	14,6 (24)
о	ɕopli	11,6 (24)	13,0 (21)
е	не засвидетельствовано		
и	puɕbeŋ	9,2 (24)	10,3 (23)
і	ɕipxar	10,2 (22)	10,4 (22)
ə	təptəp	11,9 (23)	12,3 (21)
ö	tötqal	6,3 (22)	8,4 (22)
ь	peɕki	7,1 (22)	11,7 (22)

Нормальная длительность гласных

	I положение		II положение	
	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
а	20-22	17-22	12-15	12-16
о	16-18	15-18	10-13	11-14
е	18-20	15-19	не засвидетельствовано	
и	16-20	12-15	7-11	9-12
і	17-18	12-15	10-11	9-12
ə	18-21	15-17	11-13	10-13
ö	не засвидетельствовано		5-7	7-10
ь	14-15	10-15	5-9	7-15

Положение I-го неударенного закрытого слога из рассмотренных выше двух положений сопоставимо с предыдущим положением - односложного слова, закрытого двумя согласными, поскольку и здесь гласный закрыт двумя согласными. Однако вместе с тем имеются два различающих фактора: безударность слога и другое согласное окружение. В предыдущем положении была рассмотрена длительность гласных только в глухом окружении (или в соседстве с глухим), а здесь име-

ем как звонкое, так и глухое согласное окружение, причем в глухом окружении за гласным здесь следует смычный огласный (тип *pa'kdyl*), а в односложном слове – щелевой (ср. *bask*) и редко – смычный (*pung*).

Для звонкого окружения уже по цифрам средней длительности можно видеть, что у I диктора гласные имеют большую длительность, чем в предыдущем положении, а у II диктора – меньшую. Обращает на себя внимание то, что все гласные здесь у II диктора вопреки предыдущим положениям короче, чем у I диктора. Ср. среднюю длительность всех гласных в односложном слове, закрытом двумя согласными, и в I-м неударенном закрытом слоге.

Односложное, слово, закрытое
двумя согласными

I-й неударенный закрытый
слог (звонкое окружение)

	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
а	17,5	24,5	20,8	19,5
о	15,7	24,8	17,3	16,3
е	14,5	23,7	19,1	17,2
и	14,9	23,6	17,6	13,2
і	14,3	20,2	17,1	13,4
э	15,9	21,4	19,8	15,9
ө	11,8	19,5	не засвидетельствовано	
ь	10,5	17,7	15,0	12,4

Такой разнонаправленный сдвиг в соотношении гласных можно объяснить следующим образом.

У I диктора удлинняющую роль сыграло звонкое окружение, которое оказалось наиболее сильно воздействующим фактором, возобладавшим над сокращающим влиянием безударности слога.

У II диктора, у которого предел благоприятности для удлинения долгих гласных в предыдущем положении оказался максимально реализованным, здесь, в неударенном положении произошло заметное снижение длительности всех гласных, поскольку дальнейшее увеличение длительности вряд ли уже было возможно в слоге перед двумя согласными, а разница между ударенным и неударенным положениями должна была проявиться. Вот она и проявилась, но в уменьшении длительности гласных по сравнению с предыдущим положением. Здесь решающим фактором, поддерживающим баланс в соотношении длительности гласных, явилось сокращающее влияние безударного слога.

В звонком окружении I-го неударенного закрытого слога у I диктора сохраняется четкое количественное противоположение краткого ь всем прочим гласным. У II диктора продолжает сохраняться заметная разница в длительности гласного ь по сравнению с прочими глас-

ными главным образом в минимальном пределе длительности (см. цифры нормальной длительности).

Между глухими смычными в I-м неударенном закрытом слоге действуют два неблагоприятных для длительности момента по сравнению с положением односложного слова, закрытого двумя согласными: неударенность слога и смычный характер следующего за гласным согласного (тип *pa'kɔɟl*). Это привело здесь к большому снижению длительности всех гласных по сравнению с другими рассмотренными выше фонетическими положениями (ср. цифры средней и нормальной длительности). Все гласные имеют здесь самую низкую абсолютную длительность не только у I, но и у II диктора (в этом положении данные обоих дикторов сблизились). Сильное сокращающее воздействие этого положения особенно ярко проявилось по данным II диктора в резком перепаде длительности. Минимальный предел нормальной длительности для гласных *ö*, *ь* здесь снизился у I диктора до 5 сигм, а у II диктора – до 7 сигм. При такой малой длительности гласные утрачивают качественную определенность, что может вести к смешению гласных *ö*, *ь*. Близко к этому же диапазону качественной неопределенности подходит и гласный *и* (нормальная длительность его у I диктора 7–11 сигм, у II – 9–12 сигм). В итоге у I диктора гласные *ö*, *ь* противопоставляются по длительности всем гласным, кроме *и*, который занимает здесь положение среднего гласного, тяготеющего скорее к кратким, нежели к долгим. У обоих дикторов самым кратким здесь является гласный *ö*, который в этом положении короче, чем *ь*, чего не было в предыдущих положениях. То есть, максимально сокращающее фонетическое положение обнаружило суть гласного *ö* как фонологически краткого, подверженного, как любой краткий гласный, большому влиянию фонетических условий по сравнению с долгими гласными, обычно количественно и качественно устойчивыми. У II диктора гласный *ö* противостоит по длительности только двум гласным – *а*, *о*, а гласный *ь* не противостоит ни одному из гласных. Однако краткий характер *ь* проявляется в его низком, отличном от прочих гласных (кроме *ö*) уровне минимальной длительности (7 сигм).

В положении I-го неударенного закрытого слога в курманджи в соотношении длительности гласных, как и в прочих положениях, действуют те же тенденции, что и в мукри, главным образом – тенденция к сильному сокращению всех гласных в глухом окружении. То есть, в обоих диалектах глухость и смычность согласных в неударенном положении играют роль сильно сокращающего фактора.

В глухом окружении сильное сокращение *и* характерно как для курманджи, так и для мукри. Для *и* это положение в обоих диалектах

является менее сокращающим, чем для *u*, хотя *i* тоже заметно короче, чем другие некротические гласные. В этом положении *i* в курманджи, и в мукри *u* и *i* занимают свое, несколько особое положение гласных средней длительности.

В отличие от мукри в курманджи из двух кратких гласных — *ö*, *ь* — наименее устойчивым оказался гласный *ö*, в то время как в мукри менее устойчивым, т.е. более сокращающимся — гласный *ь*. Оба кратких гласных (*ü*, *ь*) в мукри в данном положении могут оглушаться. В курманджи случаев оглушения для каких-либо гласных в данном положении не обнаружено.

Первый неударенный открытый слог

Цифровые данные

Средняя длительность гласных

I положение

Гласные	Тип записанных слов	I диктор	II диктор
a	baʒək	21,9 (23)	22,4 (22)
o	dozi	20,3 (23)	21,0 (23)
e	beʒar	19,8 (24)	17,0 (25)
u	guʒək	17,1 (24)	16,4 (22)
i	dize	19,0 (23)	17,0 (23)
ə	beʒin	21,6 (23)	18,7 (17)
ö	не засвидетельствовано		
ь	beʒuz	11,0 (22)	13,5 (21)

II положение

		I диктор	II диктор
a	kaʒl	14,2 (20)	18,6 (20)
o	koʒl	12,5 (20)	14,7 (19)
e	pekoʒl	12,7 (19)	16,1 (20)
u	tutuk	13,4 (20)	13,6 (18)
i	tital	11,0 (25)	12,9 (19)
ə	ʒəpək	12,7 (20)	14,9 (17)
ö	qöteʒ	7,4 (20)	15,3 (20)
ь	kʒteʒ	5,8 (11) + 5 раз оглушение	10,9 (18)

Нормальная длительность гласных

I положение

II положение

	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
a	20-24	22-25	12-15	16-20
o	19-23	19-23	12-15	12-17
e	18-22	17-21	11-15	14-19
u	15-20	15-19	12-15	11-17

і	17-20	15-20	10-13	10-15
э	20-24	15-22	12-14	13-17
ё	не засвидетельствовано		6-9	15-17
ь	10-12	9-15	5-7	8-11

В рассматриваемом положении, как и в предыдущем, тоже довольно значительной является разница в длительности между максимальным и минимальным положениями, т.е. между положениями звонкого и глухого окружения, что касается всех гласных.

В первом неударенном открытом слоге - по сравнению с подобным же закрытым слогом - у обоих дикторов ясно прослеживается увеличение длительности долгих гласных (а, о, е, и, і, э) и в звонком, и в глухом окружении, что объясняется открытостью слога, повлиявшей на длительность долгих гласных как удлиняющий фактор. Ср. нормальную длительность долгих гласных в звонком окружении.

	I-ый неударенный закрытый слог		I-ый неударенный открытый слог	
	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
а	20-22	17-22	20-24	22-25
о	16-18	15-18	19-23	19-23
е	18-20	15-19	18-22	17-21
и	16-20	12-15	15-20 ¹⁰	15-19
і	17-18	12-15	17-20	15-20
э	18-21	15-17	20-24	15-22

Ср. нормальную длительность долгих гласных в глухом окружении.

	I-ый неударенный закрытый слог		I-ый неударенный открытый слог	
	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
а	12-15	12-16	12-15	16-20
о	10-13	11-14	12-15	12-17
е	не засвидетельствовано		11-15	14-19
и	7-11	9-12	12-15	11-17
і	10-11	9-12	10-13	10-15
э	11-13	10-13	12-14	13-17

Для кратких ё и ь положение I-го неударенного открытого слога, напротив, не оказалось благоприятным, особенно для ь, длительность которого в глухом согласном окружении здесь дошла до минимума, а у I диктора даже имелось пять случаев из 16 полного оглушения ь. Ср. цифры нормальной длительности ё, ь.

	I-й неударенный закрытый слог			
	Звонкое окружение		Глухое окружение	
	I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
ё	не засвидетельствовано		5-7	7-10
ь	14-15	10-15	5-9	7-15

1-й неударенный открытый слог

Звонкое окружение		Глухое окружение	
I диктор	II диктор	I диктор	II диктор
ö	не засвидетельствовано	6-9	15-17
ь	10-12	5-7	8-11

У II диктора вследствие сильной протяженности его произношения в глухом окружении длительность ö повысилась, т.е. открытость слога послужила у него как фактор удлинения для этого гласного. У I диктора по сравнению с закрытым слогом длительность ö тоже несколько увеличилась, но, как можно видеть, не намного.

Таким образом, долгие гласные в неударенном положении большую длительность в глухом окружении имеют в открытом слоге, нежели в закрытом. В закрытом же неударенном слоге в глухом окружении они вообще имеют наименьшую длительность.

Для краткого ь, напротив, наименее благоприятным в отношении длительности оказывается положение открытого неударенного слога, особенно в глухом окружении, где, как уже указывалось, ь может даже оглушаться (в мукри в этом положении гласный ь вследствие его большей, чем в курманджи, фонологической краткости, оглушается регулярно).

Для гласного ö случаев оглушения не обнаружено, в отличие от соответствующего ему краткого гласного ŷ в мукри, который может оглушаться в глухом смычном окружении, хотя и не так регулярно, как ь. В курманджи положение открытого неударенного слога для ö не является самым кратким, хотя оно в целом неблагоприятно для его длительности. Для ö наиболее кратким, как и для долгих, является положение закрытого неударенного слога перед глухими смычными.

2-й неударенный открытый слог (ударенный исход двусложного слова)

Цифровые данные (только II диктора)				
Средняя длительность				
Гласные	Тип записанных слов	После звонких целевых	Тип записанных слов	После глухих смычных
a	karza	34,2 (18)	sepa	28,3 (18)
o	mžó	32,9 (17)	zřto	28,1 (18)
e	řožé	31,7 (21)	dřpé	23,0 (8)
u	tazu	33,3 (19)	třku	29,4 (18)
i	dozi	32,8 (23)	gřti	29,2 (18)
ə	dizə	31,8 (20)	čřtə	27,8 (17)
ö	не засвидетельствовано		stö	30,9 (18)
ь	не засвидетельствовано		не засвидетельствовано	

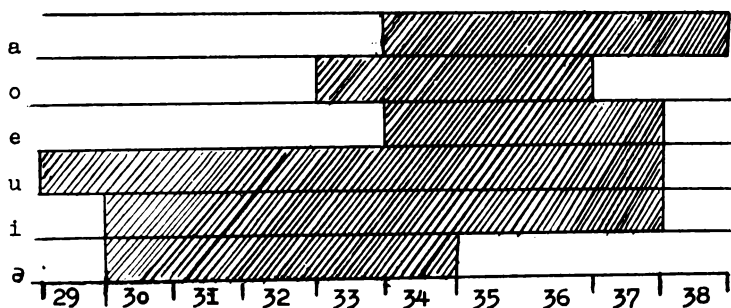
Нормальная длительность гласных

	После звонких целевых	После глухих смычных
а	34-38	26-33
о	33-36	26-30
е	34-37	мало данных
и	29-37	26-33
і	30-37	28-33
э	30-34	26-29
ѐ	не засвидетельствовано	29-34
ь	не засвидетельствовано	не засвидетельствовано

Ударенный исход является наиболее благоприятным фонетическим положением для удлинения гласных (как и в мукри).

В I положении (после звонких) для ударенного исхода не засвидетельствованы оба кратких - ѐ, ь, а во II положении (после глухих) отмечен лишь краткий ѐ (в мукри в исходе слова не засвидетельствованы обе краткие фонемы - ѐ, ь).

В I положении четко различаются между собой по минимальному пределу длительности группа а, о, е и группа и, і, э: гласные второй группы имеют более низкий минимальный предел, т.е. являются более краткими. Что касается максимального предела длительности, то он ниже всех для э, а для остальных гласных он либо одинаков, либо довольно близок. Ср. нормальную длительность группы а, о, е и и, і, э в максимальном положении.

Наибольшую длительность здесь, как и везде, сохраняет а.

В минимальном положении (после глухих) все гласные сокращаются, причем а, о, е сокращаются сильнее, чем и, і, э. Сокращение гласных а, о, е идет главным образом за счет снижения минимального предела длительности, а и, і, э, напротив, несколько более снижают свой максимальный предел. Сильнее всех из группы а, о, е сокращается е, а из группы и, і, э - э. Гласные е и

э имеют здесь самую меньшую длительность, а самым долгим, вопреки всем предыдущим положениям, является не а, а ъ, которое в ударенном исходе слова растягивается до 34 сигм. Это еще раз подтверждает не определившийся еще количественный диапазон фонемы ъ, что проявляется и в других фонетических положениях.

Следует отметить, что группировка гласных здесь та же, что и в мукри, где выявилась четкая фонетическая граница между долгими (ā, ō, ē) и средними (u, i, ə) гласными: для средних в отличие от долгих положение после звонких согласных в мукри тоже не оказалось удлиняющим фактором (и даже, наоборот, в этом положении u, i, ə показали себя короче, чем после глухих, что как раз и свидетельствует об их большей фонологической краткости по сравнению с ā, ō, ē). По данным курманджи вследствие очень растянутого произношения диктора разница в длительности между группами а, о, е, и u, i, ə выразилась иначе – в меньшем растяжении u, i, ə, чем а, о, е после звонких по сравнению с длительностью после глухих.

Таким образом, хотя в курманджи отсутствуют случаи количественного противоположения двух указанных групп гласных, которое имеется в мукри, различия в длительности и позиционном изменении между ними последовательно сохраняются и для курманджи. Учитывая эту количественную неоднородность перечисленных гласных в курманджи, вместе с тем, их следует рассматривать фонологически как единую группу долгих.

Этой группе долгих гласных (а, о, е, u, i, ə) противостоят два кратких – ъ, ь, хотя их противоположение не со всеми долгими выдерживается строго, а гласный ъ даже, как не устоявшийся в своей длительности, может в некоторых положениях отходить к долгим. По-видимому фонологически актуальным в вокализме курманджи является количественное противоположение близких качественно гласных э и ь, которое обнаруживается как постоянное. Это противоположение следует считать сложившимся относительно поздно, после расхождения курманджи и мукри (а точнее – северного и южного ареалов курдского языка). Однако предпосылки противоположения э – ь можно отнести еще к периоду общекурдского состояния, поскольку в отдельных положениях оно возможно и для мукри (I-й неударенный и ударенный открытые слоги). В большинстве же случаев гласный э в мукри – средний по своей длительности – тяготеет к кратким гласным. Противоположность тенденций в проявлении количественного признака э в мукри и в курманджи может быть объяснена исторически средним (нейтральным) по длительности характером общекурдского прототипа это-

го гласного [ə]. Как средний по длительности, гласный [ə] потенциально в равной мере содержал в себе возможности развития как в сторону удлинения, так и в сторону сокращения. Реализация этих возможностей определялась конкретными условиями фонетической системы, в которой оказался гласный.

Приложение

Цифровые данные по длительности гласных

Цифровые данные (левый столбец) приводятся в сигмах (0,01 сек.), в которые переведены исходные данные в миллисекундах (м/сек). Округление делалось отбрасыванием последней цифры менее 5 и прибавлением единицы к разряду десятков, если последняя цифра была 5 или более. Например: 154 м/сек > 15 сигм, 155 м/сек > 16 сигм. В правом столбце – цифры, указывающие на количество произнесенных случаев соответствующей длительности. Под чертой слева сумма длительностей гласного (в м/сек) в данном положении, цифра справа в скобках указывает на общее количество измерений. Под пунктирной чертой – цифра средней длительности. Горизонтальные линии внутри левого столбца указывают на диапазон нормальной длительности, верхняя и нижняя цифры этого же столбца фиксируют крайние отклонения длительности гласного в данном положении.

Двойная черта отделяет один гласный от другого.

Данные I диктора (Р.А.Юсупов) Односложное слово, закрытое одним согласным

I положение

а	о		
baz	boz		23 - 7
24 - 2	21 - 1	- - - - -	24 - 1
25 - 13	22 - 4	23,9	25 - 5
26 - 4	23 - 9	=====	26 - 1
27 - 1	24 - -	е	5280(23)
28 - 2	25 - 2	gež	- - - -
29 - 1	26 - 1	18 - 1	22,9
5885(23)	27 - 1	19 - -	=====
- - - -	28 - -	20 - -	u
25,6	29 - 2	21 - 2	guz
=====	4770(20)	22 - 6	19 - 1
			20 - 2

21 - I	- - - - -	I6 - 6	
22 - 6	23,4	I7 - 5	3690(27)
23 - 5	=====	I8 - I	- - - - -
24 - 2	ö	I9 - I	I3,7
25 - 3	Не засвидетель-	4550(29)	=====
26 - -	ствовано	- - - - -	ə
27 - I	=====	I5,7	kət, ɛ'ər
28 - I	ь		I4 - 2
	dɔz		I5 - 5
5050(22)	I5 - I	е	I6 - 6
- - - - -	I6 - I	keč'	I7 - 7
22,9	I7 - -	I3 - I	I8 - 3
=====	I8 - 2	I4 - -	3720(23)
i	I9 - 2	I5 - 7	- - - - -
diz	20 - II	I6 - I2	I6,2
20 - 3	2I - 2	I7 - 4	=====
21 - 6	22 - -	I8 - 3	ö
22 - 6	23 - 2	4320(27)	köč'
23 - 2		- - - - -	II - 3
24 - 3	4I30(2I)	I6,0	I2 - 5
25 - I	- - - - -	=====	I3 - 6
26 - -	I9,7	u	I4 - 5
27 - I	=====	čuk, p'uk	I5 - 2
28 - I	П положение	I3 - 2	27I0(2I)
5I60(23)	а	I4 - 3	- - - - -
- - - - -	kak	I5 - 8	I2,9
22,4	I4 - I	I6 - 8	=====
	I5 - I	I7 - 4	ь
ə	I6 - I	I8 - I	kət, ɛ'k
bəz	I7 - I2	I9 - 2	9 - I
20 - I	I8 - 7	4395(28)	I0 - I
21 - I	I9 - 3	- - - - -	II - 7
22 - 4	20 - 3	I5,7	I2 - 7
23 - 9	4920(28)	=====	I3 - 9
24 - 6	- - - - -	i	I4 - -
25 - I	I7,8	ɛ'it, t'ik	I5 - 2
26 - 2	=====	I2 - 4	I6 - I
27 - -	о	I3 - 8	3340(28)
28 - I	top	I4 - 9	- - - - -
5850(25)	I4 - 3	I5 - 5	II,9
- - - - -	I5 - I3	I6 - I	=====

Односложное	u	8	- - - - -
слово, закрытое	šut	kšut, qšlš'	20,8
двумя согласны-	I2 - 2	I0 - 3	=====
ми	I3 - 1	II - 6	o
a	I4 - 5	I2 - 4	boztī
bask	I5 - 7	I3 - 3	I5 - 1
I5 - 1	I6 - 3	I4 - -	I6 - 4
I6 - 2	I7 - -	I5 - 2	I7 - 3
I7 - 10	I8 - 1	2I30(I8)	I8 - 3
I8 - 2	I9 - 1	- - - - -	I9 - -
I9 - 4	2970(20)	II,8	20 - 1
20 - 1	- - - - -	=====	21 - 1
3490(20)	I4,9	ь	2250(I3)
- - - - -	=====	tbšt, xšt,	- - - - -
I7,5	i	stst, bst	I7,3
=====	bist, gisk	9 - 3	=====
o	I2 - 1	I0 - 9	•
gošt	I3 - 4	II - 3	geštī
I4 - 3	I4 - 6	I2 - 3	I8 - 5
I5 - 9	I5 - 5	I3 - 1	I9 - 2
I6 - 3	I6 - 2	I990(I9)	20 - 5
I7 - 3	I7 - 1	- - - - -	21 - 1
I8 - -	2720(I9)	IO,5	2490(I3)
I9 - 2	- - - - -	=====	- - - - -
3140(20)	I4,3	Первый неуда-	I9,1
- - - - -	=====	ренный закры-	=====
I5,7	ə	тый слог	u
=====	bəxt, kšsk,	I положение	busbūn
o	dəst, təšt,	a	I6 - 2
šest	dəšt	bazdan,	I7 - 5
I3 - 2	I3 - 1	bazbənd	I8 - 4
I4 - 6	I4 - 3	I7 - 1	I9 - -
I5 - 6	I5 - 7	I8 - 1	20 - 2
I6 - -	I6 - 6	I9 - 1	2290(I3)
I7 - -	I7 - 2	20 - 3	- - - - -
I8 - 1	I8 - 4	21 - 2	I7,6
2180(I5)	I9 - 1	22 - 3	=====
- - - - -	3810(24)	23 - -	i
I4,5	- - - - -	24 - 1	gizmə
=====	I5,9	25 - 1	I6 - 1
	=====	2710(I3)	I7 - 8

18 - 3
2060(12)

I7,I
=====

bəzɡir
I8 - 2
I9 - I
20 - 7
2I - 2

2370(12)

I9,8
=====

ø
He засвиде-
тельствовано
=====

ʃəzdan,
dzɡin
I4 - 2
I5 - 9
I6 - -
I7 - I
I800(12)

I5,0
=====

II положение

a
paʔdʲl, kəpʲrəʃ,
paʔti

II - I
I2 - 7
I3 - II
I4 - I
I5 - 3

2970(23)

I2,9
=====

o
ʃopli, tʰopsaz
9 - I
I0 - 4
II - 5
I2 - 9
I3 - 4
I4 - I

2780(24)

II,6
=====

e
He засвиде-
тельствовано
=====

u
puʃbeʒ
7 - 3
8 - 4
9 - 5
I0 - 9
II - 3
2210(24)

9,2
=====

1
ʃipxar
9 - 2
I0 - I4
II - 6
2240(22)

I0,2
=====

ə
təptəp,

tʰplək
I0 - I
II - 5
I2 - I2
I3 - 5

2740(23)

II,9
=====

8
tʰtqal
4 - 2
5 - 4
6 - 3
7 - II
8 - 2

I390(22)

6,3
=====

ʃ
piʃki
5 - 3
6 - 3
7 - I0
8 - 2
9 - 3
I0 - I

I560(22)

7,I
=====

Первый неуда-
ренный откры-
тый слог
I положение

a
baʔk, baʔu,
baʔar

I8 - I
I9 - I

20 - 4
2I - 2
22 - 7
23 - 2
24 - 5
25 - -
26 - I

5050(23)

2I,9
=====

o
dozi
I6 - I
I7 - I
I8 - I
I9 - 2
20 - 9
2I - 3
22 - 3
23 - 3

4670(23)

20,3
=====

•
bezi
I4 - I
I5 - -
I6 - 2
I7 - -
I8 - 2
I9 - 3
20 - 7
2I - 3
22 - 5
23 - I

4750(24)

I9,8
=====

u	4960(23)		
guzók, guzan	- - - - -	2500(20)	II,0
I2 - I	2I,6	- - - - -	=====
I3 - -	=====	I2,5	=====
I4 - -	8	=====	ə
I5 - 7	He засвиде-	•	đópók, kátín,
I6 - 2	тельствовано	réč'ók, pét'ók,	kápáz, p'ápúk
I7 - 4	=====	pékól, p'ep'és	I0 - 2
I8 - 2		II - 2	II - -
I9 - 3	b ^b zúz, b'zút	I2 - 7	I2 - 6
20 - 4	8 - I	I3 - 6	I3 - 8
2I - I	9 - -	I4 - 2	I4 - 3
4II0(24)	I0 - 7	I5 - 2	I5 - -
- - - - -	II - 4	2420(19)	I6 - I
I7,I	I2 - I0	- - - - -	2540(20)
=====	2420(22)	I2,7	=====
i	- - - - -	=====	=====
dizó	II,0	u	8
I6 - 2	=====	tutúk, č'ukí,	qót'ók, kót'ók,
I7 - 4	П положение	qutín	kóč'ók
I8 - 2	a	I0 - I	5 - I
I9 - 4	kak'íl, kap'ók,	II - I	6 - 3
20 - 8	pat'ín	I2 - 7	7 - 9
2I - I	I2 - 4	I3 - -	8 - 3
22 - 2	I3 - -	I4 - 4	9 - 3
4370(23)	I4 - 6	I5 - 6	I0 - I
- - - - -	I5 - 9	I6 - I	I470(20)
I9,0	I6 - I	2670(20)	- - - - -
=====	2830(20)	- - - - -	7,4
ə	- - - - -	I3,4	=====
bəzók, bəzín,	I4,2	=====	b
gəzín	=====	i	č'uk'íl, kátán,
I7 - I	o	titál, pítól,	kétéb
I8 - -	kót'ál, č'ópán,	č'ič'ók, pipók	3 - I
I9 - I	kot'ín, tópal	8 - 3	4 - -
20 - 4	I0 - 2	9 - I	5 - 2
2I - 5	II - I	I0 - 4	6 - 5
22 - 4	I2 - 9	II - 88	7 - 3
23 - 5	I3 - 3	I2 - 3	640(II)
24 - 3	I4 - 3	I3 - 6	- - - - -
	I5 - 2	2750(25)	5,8

5 случаев -
оглушение

=====

Данные П диктора (А.Ш.Шамилов)
Односложное слово, закрытое одним согласным

I положение	е	35 - 2	30 - -
а	gež	4510(15)	31 - -
baz	30 - 2	- - - - -	32 - I
30 - 3	31 - 4	30, I	3645(14)
31 - 2	32 - 2	=====	- - - - -
32 - 3	33 - 4	ə	26,0
33 - 3	34 - 2	bəz	=====
34 - 3	4460(14)	26 - I	II положение
35 - 5	- - - - -	27 - 4	а
36 - 4	3I,9	28 - 2	kap, pak,
37 - I	=====	29 - 2	'kak
38 - -	u	30 - I	23 - I
39 - I	guz	31 - 2	24 - 3
8405(25)	28 - 2	32 - -	25 - 3
- - - - -	29 - -	33 - I	26 - 3
33,6	30 - 4	3710(13)	27 - I
=====	31 - 4	- - - - -	28 - 6
o	32 - 6	28,5	29 - 2
boz	33 - 4	=====	30 - -
26 - I	34 - -	ə	31 - -
27 - -	35 - 2	Не засвиде-	32 - 2
28 - -	6910(22)	тельствовано	3I - I
29 - I	- - - - -	=====	5965(22)
30 - 7	3I,4	ь	- - - - -
31 - 2	=====	dbz	27, I
32 - 4	i	20 - I	=====
33 - 4	diz	21 - -	o
34 - 2	28 - 4	22 - -	top, šok
35 - I	29 - 4	23 - I	pot
36 - I	30 - 2	24 - -	18 - I
7240(23)	31 - -	25 - 4	19 - -
- - - - -	32 - 3	26 - 2	20 - 4
3I,5	33 - -	27 - I	21 - 2
=====	34 - -	28 - 3	22 - 6
		29 - I	23 - 7

24 - 3	1	I7 - -	I9 - I
25 - I	éit, t'ik	I8 - I	20 - -
26 - I	I7 - 2	I9 - -	21 - -
27 - I	I8 - I	20 - 2	22 - I
58I5(26)	I9 - 2	21 - 3	23 - I
- - - - -	20 - 2	22 - 2	24 - 3
22,4	21 - I	23 - 5	25 - 4
-----	22 - 7	24 - 6	26 - 4
o	23 - 4	25 - 3	27 - I
keš'	24 - 2	26 - -	28 - 3
I8 - I	25 - 4	27 - I	5I50(2I)
I9 - -	26 - I	28 - I	- - - - -
20 - 3	5700(26)	5680(25)	24,5
21 - -	- - - - -	- - - - -	-----
22 - 3	2I,9	22,7	o
23 - I	-----	-----	gošt
24 - I	ə	б	I7 - I
25 - 3	š'p, kət,	kt, š'k	I8 - -
26 - -	t'əp, kəš', kəp	I2 - I	I9 - -
27 - 2	I5 - I	I3 - -	20 - 2
3I95(I4)	I6 - -	I4 - 2	21 - I
- - - - -	I7 - I	I5 - 4	22 - -
22,8	I8 - 2	I6 - 4	23 - I
-----	I9 - I	I7 - 5	24 - I
u	20 - 8	I8 - 4	25 - 6
t'uk, š'uk,	21 - 2	I9 - 2	26 - 2
p'uk, k'ut	22 - 8	20 - 3	27 - 2
I8 - I	23 - 6	21 - I	28 - 2
I9 - I	24 - 4	22 - I	29 - -
20 - 2	25 - 5	46I5(27)	30 - -
21 - 4	26 - I	- - - - -	31 - -
22 - 3	27 - I	I7, I	32 - I
23 - 4	28 - I	-----	4955(20)
24 - 8	9040(4I)	Односложное	- - - - -
25 - 2	- - - - -	слово, закры-	24,8
26 - I	22,0	тое двумя со-	-----
27 - I	-----	гласными	o
6I20(27)	š	a	šest
- - - - -	kšš'	bašk	I9 - I
22,7	I5 - I	I7 - 2	20 - I
-----	I6 - -	I8 - -	21 - -

22 - I	22 - I	23 - 3	23 - -
<u>23</u> - 3	<u>23</u> - 5	24 - 3	24 - -
24 - 5	<u>3430 (I7)</u>	<u>25</u> - 2	<u>25</u> - I
25 - 3	- - - - -	<u>4295 (22)</u>	<u>4280 (22)</u>
<u>26</u> - -	20,2	- - - - -	- - - - -
27 - I	=====	I9,5	I9,5
28 - I	?	=====	=====
3785 (I6)	bəst, kəsk,	b	o
- - - - -	dəst, təst,	təst, səst,	boztí
23,7	dəst	bəst	I4 - I
=====	I6 - I	<u>I3</u> - 3	<u>I5</u> - 5
u	<u>I7</u> - 2	I4 - I	I6 - 7
šəst, pung	I8 - 2	I5 - I	I7 - 6
I5 - I	I9 - I	I6 - 4	<u>I8</u> - 2
I6 - -	20 - 3	I7 - 2	<u>I9</u> - I
I7 - -	2I - 3	I8 - 2	20 - I
I8 - -	22 - -	I9 - I	<u>3580 (22)</u>
I9 - -	23 - 3	20 - I	- - - - -
20 - -	24 - 3	2I - 2	I6,3
<u>2I</u> - I	<u>25</u> - 3	22 - I	=====
<u>22</u> - 3	26 - -	23 - I	e
23 - 6	27 - I	24 - -	gežtí
24 - 4	<u>47I0 (22)</u>	25 - -	<u>I5</u> - 4
25 - 2	- - - - -	26 - I	I6 - 3
<u>26</u> - -	2I,4	<u>3540 (20)</u>	I7 - 7
27 - 2	=====	- - - - -	I8 - 5
28 - 2	8	I7,7	<u>I9</u> - 4
<u>4955 (2I)</u>	kəst, qəlč'	=====	20 - I
- - - - -	I0 - I	Первый неуда-	<u>4I25 (24)</u>
23,6	II - -	ренный закры-	- - - - -
=====	I2 - -	тый слог	I7,2
i	I3 - I	I положение	=====
bist, gisk	<u>I4</u> - -	a	u
I4 - I	<u>I5</u> - 4	bazdán,	buzbún
I5 - I	I6 - -	bazbénd	<u>II</u> - I
<u>I6</u> - -	I7 - 2	<u>I7</u> - 2	<u>I2</u> - 2
<u>I7</u> - 2	I8 - I	I8 - 7	I3 - 4
I8 - 3	I9 - I	I9 - 2	I4 - 5
I9 - -	20 - -	20 - 6	<u>I5</u> - I
20 - 2	2I - 2	2I - 2	<u>I6</u> - I
2I - 2	22 - 3	<u>22</u> - 2	=====

1850(14)	2850(23)	8 - 2	9 - 4
- - - - -	- - - - -	9 - 5	10 - 4
13,2	12,4	10 - 4	11 - -
=====	=====	11 - 6	12 - 1
i	П положение	12 - 3	1840(22)
gizmə	a	13 - 2	- - - - -
11 - 2	pakd'1,	2360(23)	8,4
12 - 3	kəp'əš, pakti	- - - - -	=====
13 - 6	12 - 3	10,3	b
14 - 9	13 - 4	=====	p'čki'
15 - 4	14 - 6	i	7 - 2
3220(24)	15 - 5	čipxar	8 - 1
- - - - -	16 - 3	8 - 1	9 - 2
13,4	17 - 1	9 - 3	10 - 2
=====	18 - -	10 - 11	11 - 4
ə	19 - 1	11 - 2	12 - 3
bəzgir	20 - 1	12 - 3	13 - 2
13 - 1	3510(24)	13 - 2	14 - 2
14 - 1	- - - - -	2290(22)	15 - 2
15 - 7	14,6	- - - - -	16 - 1
16 - 9	=====	10,4	17 - 1
17 - 3	o	=====	2570(22)
18 - 2	čoplí, tópsaz	ə	- - - - -
19 - 1	11 - 3	təptəp,	11,7
3815(24)	12 - 6	təpl'k	=====
- - - - -	13 - 7	10 - 2	Первый неуда-
15,9	14 - 2	11 - 3	ренный откры-
=====	15 - 1	12 - 5	тый слог
ö	16 - 1	13 - 9	I положение
Не засвиде-	17 - 1	14 - 1	a
тельствовано	2720(21)	15 - 1	baz'k, bazú,
=====	- - - - -	2575(21)	bazar
b	13,0	- - - - -	17 - 1
ǰəzdan	=====	12,3	18 - -
10 - 4	e	=====	19 - 2
11 - 4	Не засвиде-	ö	20 - 1
12 - 3	тельствовано	tötqal	21 - -
13 - 6	=====	6 - 1	22 - 8
14 - 3	u	7 - 6	23 - 2
15 - 3	pučbež	8 - 6	24 - 4
	7 - 1		

25 - 4
4930(22)

22,4

=====

o
dozi

I4 - I

I5 - -

I6 - -

I7 - -

I8 - I

I9 - 5

20 - 2

21 - 2

22 - 6

23 - 4

24 - I

25 - I

4820(23)

2I,0

=====

e
bezi, bezar

I0 - I

I1 - -

I2 - -

I3 - I

I4 - -

I5 - I

I6 - I

I7 - 3

I8 - 4

I9 - -

20 - 6

21 - 4

22 - I

23 - I

4255(25)

I7,0

=====

u
guzak, guzan

I3 - 2

I4 - I

I5 - 8

I6 - -

I7 - 5

I8 - 2

I9 - 2

20 - -

21 - I

22 - I

36I5(22)

I6,4

=====

i

dizə

I5 - 6

I6 - 3

I7 - 5

I8 - 5

I9 - I

20 - 3

3920(23)

I7,0

=====

ə

bezín, gəzín,

bəzək

I5 - 2

I6 - -

I7 - 4

I8 - 3

I9 - 3

20 - 2

21 - -

22 - 2

23 - -

24 - -

25 - I

3I80(I7)

I8,7

=====

ö

He засвиде-
тельствовано

=====

ь

bəzúz, bəzút

9 - 2

I0 - I

I1 - I

I2 - 3

I3 - 6

I4 - 2

I5 - 3

I6 - -

I7 - I

I8 - -

I9 - I

20 - -

21 - I

2830(2I)

I3,5

=====

П положение

а

kak'í, kapók,

patín

I6 - 2

I7 - 3

I8 - 5

I9 - 4

20 - 5

2I - -

22 - I

37I0(20)

I8,6

=====

o
kótál, topál

I2 - 2

I3 - 3

I4 - 2

I5 - 7

I6 - 2

I7 - 2

I8 - I

2800(I9)

I4,7

=====

e
pəcák, pətək,
pəkól, pəpəs

I4 - 6

I5 - 3

I6 - 3

I7 - 3

I8 - 2

I9 - 2

20 - I

3220(20)

I6,I

=====

u
tutúk, qutín,
čúki

7 - I

8 - I

9 - 2

I0 - -

II - 2	2540(I7)	слова)	•
I2 - 2	- - - - -	I положение	fožé
I3 - -	I4,9	а	2I - I
I4 - -	=====	кага́, ѓо́за,	22 - I
I5 - 3	8	fožá	23 - -
I6 - 2	q8t'k, k8t'k,	26 - I	24 - I
I7 - 3	k88'k	27 - I	25 - -
I8 - I	I0 - I	28 - I	26 - -
I9 - I	II - I	29 - -	27 - 2
2440(I8)	I2 - I	30 - I	28 - -
- - - - -	I3 - -	3I - -	29 - -
I3,6	I4 - I	32 - I	30 - 3
=====	I5 - 6	33 - I	3I - I
i	I6 - 2	34 - 2	32 - I
titál, 8'ic'k,	I7 - 7	35 - -	33 - I
pipók	I8 - I	36 - 3	34 - 2
I0 - 2	3060(20)	37 - 3	35 - 2
II - 4	- - - - -	38 - 3	36 - 3
I2 - 2	I5,3	39 - I	37 - 2
I3 - 5	=====	6I60(I8)	38 - I
I4 - I	b	- - - - -	6650(2I)
I5 - 3	k'iteb, 8'ik'íl,	34,2	- - - - -
I6 - I	k'ítan	=====	3I,7
I7 - I	7 - I	o	=====
I8 - I	8 - 2	mbžó, 8'žó	u
2455(I9)	9 - -	23 - I	žuzú, t8zú
- - - - -	I0 - 7	24 - -	28 - I
I2,9	II - 4	25 - -	29 - 2
=====	I2 - I	26 - -	30 - I
8'pók, k'etín,	I3 - -	27 - I	3I - 2
k'ep8z	I4 - -	28 - -	32 - I
II - I	I5 - 2	29 - -	33 - 3
I2 - -	I6 - -	30 - I	34 - 2
I3 - 4	I7 - I	3I - I	35 - I
I4 - 2	I960(I8)	32 - I	36 - 3
I5 - 3	- - - - -	33 - 4	37 - 2
I6 - 2	I0,9	34 - 3	38 - I
I7 - 4	=====	35 - 3	6320(I9)
I8 - I	Второй ударен-	36 - 3	- - - - -
	ный открытый	5590(I7)	33,3
	слог (исход	- 32,9 - -	=====
		=====	

1
dozí, tēzí,
pēzí
26 - I
27 - 2
28 - I
29 - -
30 - 3
31 - 2
32 - 3
33 - I
34 - 2
35 - -
36 - 3
37 - 3
38 - -
39 - 2
7540(23)
32,8

dizá, tēzā
22 - I
23 - -
24 - I
25 - -
26 - -
27 - I
28 - I
29 - -
30 - 2
31 - 2
32 - I
33 - 3
34 - 5
35 - I
36 - -
37 - I
38 - I
6350(20)

31,8

8
Не засвиде-
тельствовано

ь
Не засвиде-
тельствовано

П положение
а
será, čarta
18 - I
19 - -
20 - -
21 - -
22 - -
23 - I
24 - I
25 - I
26 - 2
27 - -
28 - I
29 - 2
30 - 3
31 - 3
32 - I
33 - 2
5090(18)
28,3

о
sárto, bokó
25 - I
26 - 3
27 - 5
28 - 5
29 - -
30 - 2
31 - I

32 - -
33 - -
34 - -
35 - -
36 - I
5050(18)
28,1

•
dšpé
19 - I
20 - -
21 - I
22 - 2
23 - I
24 - 2
25 - -
26 - -
27 - -
28 - -
29 - I
1840(8)
23,0

u
térku, pupú
25 - 2
27 - 2
28 - 2
29 - 3
30 - 4
31 - 2
32 - I
33 - 2
5290(18)
29,4

1
gəztí, doatí,
doatí, šístí
24 - I

25 - -
26 - I
27 - -
28 - 3
29 - 4
30 - 5
31 - -
32 - 2
33 - 2
5260(18)
29,2

šətə, təpə
22 - I
23 - -
24 - I
25 - I
26 - 4
27 - -
28 - 4
29 - 2
30 - I
31 - I
32 - -
33 - I
34 - I
4730(17)
27,8

8
st8
21 - I
22 - -
23 - -
24 - I
25 - -
26 - -
27 - I
28 - -
29 - 2

30 - I	ь
31 - I	Не засвиде-
32 - 3	тельствовано
33 - 4	=====
34 - 3	
35 - I	

5560(I8)
 - - - - -
 30,9
 =====

Список, слов, записанных на осциллограмме^{II}

bask рука (от кисти до плеча)	čírkaг кривоногий
baz сокол	čít ситец
bazar базар	čík кусок (мяса)
bazbānd амулет, браслет	číkl ветка
bazdan прыгать; бежать	čísti проворство
bazьk крыло	čók колесо
bazu рука (выше локтя)	čoran веревка
bəxt счастье	čorpl кустарник
bəzgir толстый	čuk маленький
bəzin бежать	čuki детство
bəzok бегун	dəst рука
bezar немой	dəsti рукоятка
bezi шелковый платок	dəst поле
bist двадцать	diz глиняный горшок
bьst кочерга	dizə см. diz
bьzut головня; искра	dьz вор
bьzuz моль	dьzgin уздечка
bokó круглый (о хлебе)	dostl дружба
boz серый	dozi поиск
bozti прелюбодеяние	dōrē двуногий
buzbun замерзание	Ǿ'zo Азо (мужское имя)
ǵəza наказание	gəzin кусать
ǵəzdan мешочек	gəztl укушенный
čarta четырехкратный	gež ошеломленный
čəp левый	gežtl ошеломленность
čərok левша	gisk козленок
čətə группа	gizmə сапоги
čicəк цветок	gošt мясо
čicьk немного	guz грецкий орех

guzan бритва
 guzək щиколотка
 xarza племянник
 x,št клин
 kak старший брат
 kakıl ядро
 kap веревка
 kapək отруби; перхоть
 kapḡəš с черными пятнами на
 ногах (о животном)
 kəš' дочь, девушка
 kər нос
 kḡrəz скала
 kḡək зеленый
 kət полевой горошек
 kətən падать
 keš' блоха
 k,ɬ (одна) штука
 k'itan полотно, холст, марля
 k'iteb книга
 kḡtək удар; избиение
 k'otɬ похоронная процессия
 kotən грызть
 kḡš'камень
 kḡš'k костер; очаг
 kḡšt убил
 k'ut шарик
 qḡlč' дырка
 qḡtək шапка
 qutin крик
 m,šo сосунок
 rak чистый
 rakdıl чистосердечный
 rakti чистота
 patən печь, жарить
 pərək нищий
 pḡš'k сверток
 pəkɬl раскапывание
 pḡrəz топтание
 pḡtək подставка для лампы
 pirok решетка

p'itol знающий
 p,š'ki немного
 p,zi десна
 p'ot поношенное пальто
 pḡšbeš пустослов
 p'uk полный, пустой
 pung мята
 puru кукушка
 ḡəza согласие
 ḡoše днем
 zərа треножник
 z,ɬ слабый
 stš шея
 šest шестьдесят
 šužu сыворотка
 šušt вымыл
 tər ладонь
 tḡrə холм
 tḡrɬk глубокий поднос
 tḡrtḡr топанье, топот
 tḡrku зад, круп
 tḡšt таз, лахань
 tḡši гончая
 tḡzə новый
 tḡzu судорога
 t'ik высокий; отвесный
 tital гладкий
 t,št вещь
 tḡr пушка
 tḡral хромо́й
 tḡrsaz мастер по изготовлению
 пушек
 t'uk пух, перо
 tutuk дудка
 tḡtqal клей
 z,ḡto болтун

-
1. Северная разновидность курдского языка.
 2. И.А.Смирнова, К.Р.Эйюби. Фонетика курдского языка. Дialect мукри. Л., 1985.
 3. А.Т.Абасян - курд, 1947 года рожд., образование высшее, происхождением из Турецкого Курдистана, район Синак, родился и вырос (как и родители) в Армянской ССР, Талинский район, село Автона; З.А.Дзупова - курдянка, родилась и выросла в г.Тбилиси, канд.филол.наук, родители из Турецкого Курдистана, Ванская область. Курды Армении и Грузии составляют единую в языковом отношении группу.
 4. Фарингализованная фонема э' - позднее образование на почве курманджи курдов Армении (не исключена для других диалектов). Соответствия обозначений эквивалентных фонем в курманджи и мукри: а - ā, о - ō, и - u, і - i, э - ə, ö - ū, ь - ь.
 5. Нами реконструированы пять гласных для периода общекурдского состояния: долгое [ā], средние [u], [i], [э], краткое [ь]. Фонемы ō/o, ē/e, ū/у формировались поддиалектно (исследование по реконструкции общекурдского вокализма пока не опубликовано).
 6. Р.А.Дзупов - курд, 1930 г.рожд., место рождения и проживания г.Тбилиси, образование среднее, родители из Турецкого Курдистана, Ванская область; А.Ш.Шамилов - известный курдский писатель (ныне покойный), 1897 г.рожд., место рожд. Турецкий Курдистан, Карсская обл., проживал в г.Ереване.
 7. Запись производилась в акустических условиях в лаборатории Кафедры фонетики ЛГУ.
 8. Суммы длительностей для каждого гласного см. в приложении. Там же см. крайние отклонения от нормальной длительности гласных.
 9. Отсутствие указания на диктора означает здесь и далее данные I диктора.
 10. Уменьшение длительности и у I диктора очень незначительно (I сигма), и им можно пренебречь как случайным.
 11. Слова взяты по преимуществу из словаря К.К.Курджоева (Курдско-русский словарь, М., 1960); некоторые слова добавлены А.Ш.Шамиловым.

ГЛАГОЛ В ЯЗЫКЕ "ДИВАНА МАУЛАВИ" НА КУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ ГОРАГИ (АВРАМАНИ)

В исследуемом нами памятнике курдской классической литературы XIX в. "Диване Маулави" /1802-1882/¹ глаголы по своей структуре и типам словообразования образуют следующие группы.

1. Простые глаголы: *ast*² 'позволять', 'оставлять', *berd* 'уносить', *meŕd* 'разбивать', *wend* 'читать', 'звать', *werd* 'есть', 'пить', *kîana* 'отправлять', *lala* 'умолять', *peka* 'попадать в цель', *rewa* 'измерять', *êşa* 'болеть', *girewa* 'плакать', *lua* 'идти', 'уходить', *diŕya* 'рваться', *şikuwa* 'ломаться', *wist* 'класть', *wat* 'говорить', *weşt* 'литься', *wast* 'хотеть' и др. /см. также с. 4-10/.

2. Приставочные глаголы, из которых засвидетельствованы следующие: 1) с приставкой *ber*: *ber-ama* 'вылезать', *ber-awerd* 'вынимать', 'вытаскивать', *ber-kerd* 'выгонять', *ber-şî* 'выходить', 'высвобождаться'; 2) с приставкой *hor*: *hor-da* 'поднимать', 'уносить'; *hor-gina* 'спотыкаться', *hor-girt* 'поднимать', *hor-giŕya* 'воспламеняться', *hor-kerd* 'поднимать', *hor-kêşa* 'выдергивать', 'вытягивать', *hor-ŕêza* 'распространяться (об огне)'; 3) с приставкой *hur*: *hur-ama* 'подпрыгивать', *hur-da* см. *hor-da*, *hur-ŕêza* см. *horŕêza* *hur-şana* 'бить ключом', 'выбрасывать вверх'; 4) с приставкой *der*: *der-kerd* 'определять', 'находить дорогу'; 5) с приставкой *la*: *la-berd* 'отбрасывать', 'убирать', *la-da* 'отодвигать', 'удалять'; 6) с приставкой *wer*: *wer-da* 'отпускать', 'выпускать'.

3. Суффиксальные глаголы: - с суффиксом *ewe*// *we* (при гласном исходе основы): *ama-we* 'возвращаться', *awerd-ewe* 'приносить', *berd-ewe* 'уносить (обратно)', 'выигрывать', *best-ewe* 'связывать', 'сковывать', *bêza-we* 'менять (место)', 'находить', *biŕya-we* 'иссякать', 'кончаться', *soşa-ewe* 'волноваться', *da-ewe* 'возвращать', *diŕd-ewe* 'рвать', 'разрывать', *dîa-ewe* 'выглядывать', *diŕewşa-we* 'сверкать', *engêza-we* 'поднимать (снова)', *gest-ewe* 'кусать (снова)', *heŕd-ewe* 'молоть', *kerd-ewe* 'открывать', *kyane-ewe* 'отправлять', *kuîna-we* 'беречь (рану)', *lawn-ewe* 'утешать', *naî-ewe* 'смывать', 'счищать', *midra-we* 'останавливаться', *nîa-we* 'ставить', *poşa-we* 'пить', 'выпивать', *ŕêza-we* 'осыпаться', *poşa-we* 'покрываться', *şana-we* 'отнимать', *şard-ewe* 'прятать', *tawna-we* 'плавить', 'растопливать', *tawya-we* 'плавиться', 'растопливаться', *wana-we* 'звать',

'призывать', wat-ewe 'повторять', werd-ewe 'выпивать', 'пить', хешуа-ве 'сгибаться', хѣза-ве 'подниматься', хулуа-ве 'кружиться', уауна-ве 'доставлять'.

Как свидетельствует материал суффикс -ewe в одних случаях меняет значение глагола, в других – придает ему значение повторного или обратного действия.

4. С л о ж н о и м е н н ы е глаголы, образованные посредством сочетания имен (существительных, прилагательных) с некоторыми вспомогательными глаголами. Как свидетельствует материал, в качестве вспомогательного глагола выступают простые, суффиксальные и крайне редко приставочные глаголы. Из них наиболее употребительными являются глаголы: kerd 'делать', da 'давать', bî 'быть'. Например: bûl kerd 'посыпать пеплом', cîa kerd 'отделять', gileuî kerd 'жаловаться', keî kerd 'лишать слуха', heî kerd 'покрывать грязью', paktaw kerd 'очищать', piî kerd 'наполнять', reşew kerd 'расстраивать', wilwil kerd 'протыкать', aîr da 'поджигать', aw da 'поливать', bo da 'благоухать', çil da 'ныть (о ране)', girê da 'завязывать', êş da 'причинять боль', paî da 'прислоняться', xeber da 'сообщать', 'говорить', cem bî 'скапливаться', çol bî 'опустошаться', kota bî 'кончаться', kem bî 'уменьшаться', gîr bî 'задерживаться', gum bî 'исчезать', reşew bî 'расстраиваться', şad bî 'радоваться', tem bî 'покрываться туманом', têkel bî 'смешиваться', serd bî 'охладевать', waran bî 'сыпаться' и другие. Намного реже в образовании сложных глаголов принимают участие глаголы: awerd (ewe), berd (ewe), girt, nîa, werd, wer-da (ewe), sewgend werd 'клясться', хем werd 'печалиться', aîr werda-we 'поджигать', gîr werda 'разжигать', gîr werd 'задерживаться', соş awerdewe 'закипать', şadî nîa 'вселять радость', хул awerd-ewe 'крутиться', qîn girt 'гневаться' и другие. Следует отметить, что в Диване Маулави (далее – ДМ) нередко вспомогательный глагол стоит в препозиции к именной части, которая, в пределах предложения, может быть и отдалена от него:

Newat wêraney dil kero awa (107)

Пусть твоя мелодия возродит развалины моего сердца.

Ne tebibêwen ce dil lado derd (390)

Нет ни лекаря, который удалил бы боль из моего сердца...

Îtir çî haset wêt medey ezaw (II)

Какая необходимость, теперь мучаться тебе.

Хем çon we yageu şadî nebo şad (318)

Как же печали не радоваться дому радости.

We mergit yend хем се lam bîyen cem (265)

С твоей кончиной во мне накопилось столько печали.

Классы глаголов.

По соотношению настоящих и прошедших основ засвидетельствованные в языке памятника глаголы могут быть выделены в следующие группы:

Группы глаголов Прошедшая основа Настоящая основа

I. С прошедшей осн.

на -d

A. Переходные

приносить	awerd	awer/ar
закрывать	bend	-
уносить	berd	ber/wer
завязывать	best	
рвать	diŕd(ewe)	-
молоть	heŕd	-
качать	-	jen
копать	kend	ken
делать	kerd	ker/ke
разбивать	meŕd	-
получать	send	san
поручать	siperd	sipar
прятать	şard(ewe)	-
трясти	şend	-
ткать	tend	-
есть, пить	werd	wer
читать	wend	-

Б. Непереходные

Прошедшая основа

Настоящая основа

оставаться	mend/ma	man/men
умирать	merd/mird	mir
проходить	wierd	wier
смеяться	-	xen

2. С прошедшей основой

на -a

A. Переходные

дарить	bexşa	bexş
целовать	bosa	-
давать	da	de
извоить	ferma	ferma
пахать	kala	-
раскалывать	kawa	-
тлнуть	kêşa	kêş
посылать	kîana	kîan
вбивать	kua	ku

умолять	la ^l ā	la ^l
утешать	lawna	lawn
тереть	ma ^l ā	ma ^l
узнавать	na ^s a	na ^s
успокаивать	newaza	newaz
показывать	nima ⁿ a	nima ⁿ
писать	-	niw ⁱ s
класть	ni ^a	ni ^e /ni ⁱ
пить	po ^ʃ a	-
окроплять	pa ^ʃ a	-
спрашивать	pe ^r sa	pe ^r s
обвивать	-	pêç
попадать в цель	pêka	pêk
измерять	pêwa	-
покрывать	po ^ʃ a	po ^ʃ
лить, сыпать	rêza	rêç
гнать	rifa ⁿ a	
тереть	sa ^w a	sa ^w
настраи ^в ать	sa ^z a	sa ^z
мыть	-	ʃor
трясти	ʃa ⁿ a	ʃa ⁿ
раскалывать	ʃika ^w a	-
ломать	ʃikna	ʃikn
узнавать	ʃina ^s a	-
брить	-	taç
мочь	taw ^a	taw
плавить	tawna	tawn
читать, звать	wana	wan
доставлять	yawna	yawn
знать	zana	zan

Б. Непереходные

Прошедшая основа

Настоящая основа

приходить	ama	e/ê
свисать	awêza	-
истощаться	bêza	-
шевелиться	cima	-
кипеть	co ^ʃ a	co ^ʃ
сгибаться	çema	-
крутиться	çerxa	-
сверкать	-	di ^r ew ^ʃ (ewe)
смотреть	dîa	dîe
подниматься	engêza	engêz
болеть	êç ^a	êç

бродить	gāla	gāl
падать	gina	gin
плакать	girewa	girew
дрожать	lerza	lerz
уходить, идти	lua	l(u)
стоять	midra	midr
стонать	nalā	nal
гордиться	-	naz
убегать	ḡema	-
мучиться	-	ḡenc
осыпаться	ḡēza	ḡēz
гадить	-	ḡan
соответствовать	ḡāa	ḡā
плавиться	tawa	-
бояться	-	tere/tirs
досадовать	tewasa	-
занеметь	teza	-
кататься от боли	-	til
литься	wara	war
рушиться	wira	-
подниматься	xēza	xēz
достигать	yawa	yaw
сочиться	-	z

3. С прошедшей основой

на - ya

Непереходные

иссякать	biṛya	biṛī
разбухать	deṃya	-
рваться	diṛya	-
вырываться	kiṇya	-
переплетаться	paṣya	-
обвиваться	pēṣya	-
печься	pijya	pij
литься	ṛijya	-
сгорать	soṣya	soṣ
гореть	sozya	-
расстраиваться	ṣḍwya	-
ломаться	ṣikya	-
дуть (о ветре)	-	ṣinī
таять, плавиться	tawya	-
склоняться	xemya	xem

звенеть

zir̄ya

4. С прошедшей основой

на -t

А. Переходные

оставлять	ast	az
связывать	best/west	bes/wes
кусать	gest	-
держат	girt	gir/gêr
убивать	kuşt	-
проливать	r̄eşt	-
слышать	şineft/jineft	jinew
хотеть	-	waz
говорить	wat	waç
класть	wist	wiz
шить	wuraat	ûraz

Б. Непереходные

испытывать	çeşt	-
иметь	-	dêr/dar
падать	keft/kewt	kef/kew
садиться	nişt	niş
сгорать	sift	-
успокаиваться	sirewt	-
ломаться	şikeat	-
литься	west	-
спать	wit	-
спать	xeft	-

5. С прошедшей основой

на -î

А. Переходные

видеть	dî	wîn
складывать,		
собирать	çinî	-

Б. Непереходные

литься	barî	bar
быть	bî/wî	b/w
уходить	şî	ş

Залоговая характеристика глаголов

Выделенные выше группы глаголов свидетельствуют о том, что как переходные, так и непереходные глаголы в своем составе неоднородны. Среди них выделяются лишь две морфологически противопоставляемые группы: I) группа с основами на -ya, включающая непереходные глаголы (ср. r̄eçya 'обвиваться' и r̄eça 'обвивать');

2) группа с основами на -на включающая переходные глаголы (ср. воґа 'гореть', воґна 'сжигать').

Как свидетельствует материал, глаголы с основой на -уа могут иметь пассивное значение (ср. биґуа 'кончаться', 'иссякать' и биґуа 'быть отрезанным'), тогда как глаголы с основой на на в ряде случаев выражают каузативность (ср. поґау 'пить' и поґнау 'поить').

В тексте ДМ привлекают также внимание двухзаголовые глаголы, имеющие одновременно и переходное и непереходное значение. Это глаголы - bestey 'связывать', 'застывать', нимапа 'показывать', 'казаться', 'походить', гѣзау 'осыпать', 'осыпаться', вазау 'готовить', 'мириться', 'ладить', тавау 'плавиться', 'плавить'.

Показательными для залоговой характеристики глаголов представляются и отмеченные в памятнике случаи спряжения переходных глаголов в прошедших временах по типу непереходных. Ср., например, zanat и zanaу, где в первом случае лицо субъекта действия выражено местоименной энклитикой, во втором - глагольным окончанием.

Ниже приводятся засвидетельствованные в ДМ личные глагольные показатели и формы связок, используемые при спряжении глаголов.

Глагол-связка

I л. ед.ч.	-enan	(8) ³	- при огласном исходе имени;
	-nan	(2)	- при гласном исходе имени на -ѣ;
	-nanѣ	(I)	- при гласном исходе имени на -о;
	-(i)m	(I3)	- при согласном исходе имени;
	-m	(5)	- при гласном исходе имени на -ѣ;
2 л. ед.ч.	-enѣ	(9)	- при согласном исходе имени;
	-nf	(I)	- при гласном исходе имени на -о;
	-ѣ	(I)	- при согласном исходе имени;
	-it	(I)	- при согласном исходе имени;
3 л. ед.ч.	-en	(356)	- при согласном исходе имени;
	-e	(2)	- при согласном исходе имени;
	-уen	(I4)	- при гласном исходе имени на -ѣ;
	-n		- при гласном исходе имени на =a(2), на -ѣ (5), на -о (I4), на -ѣ(I).
I л. мн.ч.	-enmѣ	(I)	- при согласном исходе имени;
	-fm	(2)	- при согласном исходе имени;
	-fn	(I)	- при согласном исходе имени;

Отрицательные формы связи

I л. ед.ч.	niуenan	(I)
	nim	(2)

- 2 л. ед.ч. niyenî (2)
 3 л. ед.ч. nîyen (22)

Личные глагольные показатели

I. Личные глагольные показатели, употребляемые в настоящих временах переходных и непереходных глаголов изъявительного и сослагательного наклонений:

- I л. ед.ч. -ân (57) - при согласном исходе основы;
 -â (24) - при согласном исходе основы;
 -un (4) - при исходе основы на полугласный w;
 -u (9) - при исходе основы на гласные e, ê и полугласный w;
 -im (3) - при согласном исходе основы.
 2 л. ед.ч. -î (44) - при согласном исходе основы;
 -y (15) - при исходе основы на гласный -e;
 3 л. ед.ч. -an (1) - при согласном исходе основы;
 -o - при согласном исходе основы (187);
 - при исходе основы на гласный -e (50)
 (с поглощением этого гласного);
 -yo (23) - при исходе основы на -e;
 -ê (2) - при исходе настоящей основы на -e.
 I л. мн.ч. -mê (2) - при согласном исходе основы;
 -în (3) - при согласном исходе основы
 -yn (2) - при исходе основы на гласные e, ê;
 2 л. мн.ч. -dê (2) - при согласном исходе основы;
 -ydê (2) - при гласном исходе основы;
 3 л. мн.ч. -an (24) - при согласном исходе основы;
 -yan (1) - при гласном исходе основы на -e;
 -en (3) - при согласном исходе основы.

2. Личные глагольные показатели, употребляемые в прошедших временах непереходных и переходных глаголов изъявительного и сослагательного наклонений.

A. Непереходные глаголы

- I л. ед.ч. -anê (2) - при согласном исходе основы;
 -an (1) - при согласном исходе основы;
 -(1)m (5) - при согласном исходе основы;
 -m (9) - при гласном исходе основы;
 2 л. ед.ч. -î (5) - при согласном исходе основы;
 -y (9) - при гласном исходе основы.
 3 л. ед.ч. - нуль (102)
 I л. мн.ч. -mê (1) - при гласном исходе основы.
 3 л. мн.ч. -ê (1) - при согласном исходе основы на -a.

(с поглощением этого гласного)

-(1)n (I) - при согласном исходе основы;

-n (3) - при гласном исходе основы.

Б. Переходные глаголы

Как свидетельствует материал, переходные глаголы в прошедших временах в качестве личных показателей могут иметь как неотделяемые личные показатели (= глагольные окончания), так и отделяемые личные показатели, в качестве которых выступают энклитические местоимения:

I л. ед.ч. а) неотделяемые личные показатели:

-anŋ (I) - при согласном исходе основы;

-a (I) - при согласном исходе основы;

б) отделяемый личный показатель - (1)m (60).

2 л. ед.ч. а) неотделяемые личные показатели:

-f (20) - при согласном исходе основы;

-y (5) - при гласном исходе основы;

б) отделяемый личный показатель;

3 л. ед.ч. а) = нуль (I73);

б) -(1)ŋ - отделяемый личный показатель (I9)

I л. мн.ч. -man - отделяемый личный показатель (5)

2 л. мн.ч. -tan - отделяемый личный показатель (I)

3 л. мн.ч. а) отделяемый личный показатель ŋ(I)

б) отделяемые личные показатели ŋan (I)// yan (I)

В повелительном наклонении употребляются формы: е//нуль - для 2 л. ед.ч. и aŋ/yaŋ - для 2 л. мн.ч. (см. с.158).

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в представлен следующими формами.

1. Равен прошедшей основе: ana (IO), (ewe)nana (2), ŋŋa (I), kŋŋa (I), lua (6), midra (2), poŋa (I), ŋŋwa (I), ŋŋya (I) и др.

2. Равен настоящей основе: wakuŋ (I).

3. Состоит из прошедшей основы и суффикса -a: dia (2),

4. Состоит из прошедшей основы и суффикса -î/y: day (2), dîayî (I), mēney (I), ŋŋanayî (I).

5. Состоит из прошедшей основы и суффикса -e: berawerde (I), berde (I), berŋte (I), horkerde (I), girte (I), kerde (I), warde (I), werde (2) и др.

6. Состоит из прошедшей основы и суффикса -n: dan (I), din (4); ŋŋan (I), kŋŋan (I).

7. Состоит из прошедшей основы и суффикса -en: merden (IO),

8. Состоит из прошедшей основы и суффикса -den: daden (I), diden (I)

9. Состоит из прошедшей основы и суффикса -denî: didenî (I).

Обладая признаками имени, инфинитив может сочетаться с предлогами и послелогами, суффиксами определенности-неопределенности. Выступая в качестве определяемого в изафетной конструкции, инфинитив принимает изафет, сочетается с энклитическим местоимением в атрибутивной функции. Отмечены также случаи употребления инфинитива в предикативной функции:

Azîz dîaren, wadey luamen,

Elweday axir u ewenamamen (5)

Любимая, видно /настала/ пора моего ухода /из жизни/.

Gîan ce ten berşî amaf şuşkûlen (171)

Если душа покинула тело, возврат ее невозможен.

Er ême mehrûm/i/ dînit bîm yekser (375)

Хотя мы лишены /возможности/ видеть тебя ...

Hûniy' yektirin ta we goy merden (23)

Мы друг другу кровные /враги/ до дня смерти.

Her to we kirdey bedîa mizanî.

Только ты ведаешь о моих недобрых деяниях.

Rey şinasayî zihîrêwet kerd (31)

Ты появился для знакомства /с этим миром/.

Dîde çon taqet/i/ çon dîayîşen (14)

/Откуда/ у глаз /берутся/ силы смотреть ей вслед.

П р и ч а с т и е прошедшего времени состоит из прошедшей основы глагола и суффикса =e/нуль (при гласном исходе основы); awerde (1), berde (6), beste (4), êşa (1), coşa (1), geste (2), kefte (2), kende (2), kêşa (1), mende (1), merde (1), nişte (1), tirsya (1), хемуа (1), şikiste (1), soşa (1), şemua (1), werde (3), wîerde (1) и др.

Причастия прошедшего времени переходных глаголов могут иметь как активное, так и пассивное значение, определяемое контекстом. Ср., например:

Nasoren zaman/i/ gaz/i/ хем bestem (9)

Неизлечимы раны, появившиеся /букв. завязавшиеся/ во мне от укуса печали.

Her min bestey хак çem ew dimawe (256)

Только я прикован к земле глазами /глядящими ей/ во след.

Badey хем werdey merg/i/ nakaman (282)

/О ты/ испивший чашу горя /вызванного/ смертью юного сына.

П р и ч а с т и е настоящего времени по форме равное настоящей основе глагола, употребляется крайне редко. Из 4 отмеченных в памятнике случаев в 2 из них указанное причастие входит в состав сложного имени:

Namey aîrîn germî engêzit

Dûy pûş/i/ cestey derdînan xêzit ... (125)

Твое огненное послание, пылающее жаром /букв. поднимающее жар/

Поднимающее дым с /моего/ больного /подобного/ пушинке тела
/дошло до меня/

Образование и функционирование глагольных форм

А. Формы от настоящей основы

Настояще-будущее время изъявительного наклонения переходных и непереходных глаголов образуется присоединением к настоящей основе формообразующего префикса *ne/mî/m* (в отрицательной форме *nî/ne*) и неотделяемых личных показателей. Данная форма употребляется для обозначения: а) действия, происходящего в момент речи; б) обычного или постоянного действия; в) будущего действия.

Ise mîwînî çêş repem aman (215)

Теперь ты видишь, что стало со мной.

Mer nimezanî dûrît çi derden (396)

Разве ты не знаешь, какое страдание - разлука с тобой.

Her derden mîyo mîşo we dîlîda (322)

Лишь страдание ходит по моему сердцу.

Yadim nimeşî ta we goy merden (438)

Ты не уйдешь из моей памяти до дня /моей/ смерти.

Her êd mîjnewî weharê aman (408)

Только это и слышу, весна пришла.

Kes nîmewaşo vergmayeş we çend (504)

Никто не спросит, какова ее стоимость.

Отмечены случаи употребления данной формы без префикса *ne*: *berdîm* (23), *yawo* (191, 390), *csêo* (411), *lawno* (46), ср. *mîlawno* (536), *zanî* (519), ср. *nimezanî* (442), *daro* (17, 213, 388), *şînîo* (431), *tersûm* (136), *wîzo* (208) и др.

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е с о с л а г а т е л ь н о - г о н а к л о н е н и я (сослагательное I) образуется присоединением к настоящей основе префикса *bi/b* (в отрицательной форме *-ne/n*) и неотделяемых личных показателей. Описываемая форма служит для выражения различных модальных значений.

Ba wes bînişî mat u reşewhî (348)

Хватит мне сидеть в тоске и печали.

Çêş mîbo er bey? Weş reş mîn er ney (349)

Что будет, если ты придешь? Горе мне, если ты не придешь!

Ba vatîşî çeqîb dûrit bîkêşo (30).

Пусть соперник еще немного испытает разлуку с тобой.

Metîrsûn birûn ce dax/1/ yaran (307)

Борсь умру от страданий по /любимым/ друзьям.

Satê rey wêma binîsmê we şad (398)

Давайте же повеселимся немного /букв. посидим весело/.

Данная форма может употребляться и без префикса bi:

Henî waşûn şêş, şemal waşî şêş (311)

Что же теперь мне сказать? Что ты, ветер, скажешь?

Belke xemanîm to derî we bad (4)

Может пустить по ветру мою печаль?

Şi haseten des rey qelem berûn (302)

Что толку браться мне за перо.

Nesim er barom esalib nîyen (49)

Если меня унесет ветер, ничего удивительного /в том/ нет.

Dek berq/1/ xezeb we sesem wago (17)

Пусть искры /твоего/ гнева посыпятся на меня.

П о в е л и т е л ь н о е н а к л о н е н и е образуется присоединением к настоящей основе префикса bi/b (в отрицательной форме – me/m) и личных показателей – 2 л. ед.ч. – e/нуль (при гласном исходе основы), 2 л. мн.ч. dê/udê (при гласном исходе основы): bawere 'принеси', bîmane 'останься', bîgaze 'сней', bikere 'сделай', merîse 'не спрашивай', beydê 'приходите', binîşdê 'садитесь', bikiane 'отправь' и др. Вместе с тем, как свидетельствует материал, во 2 л. ед.ч. более употребительной является форма без личного показателя –e: biwin 'смотри', binîş 'садись', bijnew 'слушай', bawer 'принеси', 'дай', bîder 'отдай', mepas 'не признавай', merîs 'не спрашивай' и др.

Некоторые глаголы императив образуют двойко – с показателем –e и без него: ср. bînalê/bînal 'стони', merîse/merîs 'не спрашивай', bawere/bawer 'принеси', bikere/biker 'сделай', baze/baz 'отстань' и др.

Отмечены глаголы, образующие императив без префикса bi: beşê (25), 'подари', waşê 'скажи', waşdê 'скажите', yawe 'доберись'.

Отдельные глаголы имеют несколько форм императива 2 л. ед.ч.: глагол da 'давать' – beder/bide/der; глагол kerdey 'делать' – bikere/biker/ker; girt – bigre/gêre/gêr; глаголы şî 'уходить', 'идти' и ama 'приходить' императив образуют неправильно: bîşo/şo⁴ и bo/bore.

Примеры:

Xemgin menîşe, xem bîder we bad (300)

Не грусти, развея /свою/ печаль по ветру.

Jeng/ɨ/ dīl we zaχ/ɨ/ mey bimaḽewe (47)

Очисти ржавчину сердца винной кислотой.

Aziz bo carê pa binie rêşda (539)

Любимая! Хотя раз явись и ступи на него ногой.

Samit semasa lebîrêz ker se mey (459)

Чашу, подобную чаше Джамшида наполни вином!

Waçdê çî wadey nişîngey tengen (95)

Скажите /ему/, разве время /делать своим/ местопребыванием
тесную /могилу/.

Б. Формы от прошедшей основы

Простое прошедшее непереходных глаголов образуется присоединением к прошедшей основе личных неотделяемых показателей. Переходные же глаголы одинаково сочетаются как с неотделяемыми, так и с отделяемыми личными показателями. В отрицательной форме используется частица *ne-*. Описываемая форма служит для обозначения однократного действия в прошлом или в будущем (в сложно-подчиненном предложении с условным придаточным)⁵:

Aman u ser nîam we baregawe (290)

Я пришел и склонил голову к /порогу твоего/ дворца.

Naîa u girêwa u xulfawe u xul werd (100)

/Сердце/ застонало, зарыдало, заметалось, закружилось.

Bu gird mewcûdê se to girt maye (31)

/Господи/ все сущее получило начало от тебя.

Namey heyatim we hîç newanay (336)

/Судьба/ не вникла /букв. не прочитала/ в книгу моей жизни.

çend kar/ɨ/ aîot wist ew roj ferda (226)

Сколько дел сегодняшнего дня ты отложил на завтра .

Amanen, er dît bala e're'r terz ... (78)

Если ты увидишь (букв. увидел) /мою возлюбленную/ со станом
подобным чинаре ...

См. также примеры, где один и тот же переходный глагол в прош.вр.характеризуется разным спряжением: *kê perşaw ...* (464) '/если/ кто спросит...' (букв. спросил) и *perşaw ...* (497) '/если/ спросит (букв. спросил)...'; *ye çêş kerdî* (275) и *îne çêşit kerd* (404) 'что это ты наделал? *kê di* (45) 'кто видел...' и *her kes diş* (258) '/если/ кто-нибудь увидит (букв. увидел)...'.

Простое длительное время отличается от формы простого прошедшего времени наличием в его составе частицы длительности *me/mi/w* и служит для обозначения длительного или обычного, повторявшегося в прошлом действия. Данная форма отмечена также в условных предложениях:

Rōê fikr/i/ bext/i/ sîay wêh mekerd (256)

Как то думал я о своей тяжелой /букв. черной/ судьбе.

Mîfîa ew şonit dil ne penhanda (33)

Сердце /мое/ тайком глядело тебе во след.

Esasey neşîr mawerdim perêt (489)

/Вспоминаю как/ носил я тебе снаряжение для охоты.

We sawîdanîm minîmana we şem (423)

/Все это/ представлялось мне вечным.

Koşkî ... her dû ram megest şend car nek carê (346)

О если бы /черная змея/ ужалела меня в обе ноги, да не один,
а несколько раз.

Carcar we îdu naz bawêşên mekerd (182)

Время от времени она обмахивала /веером/ свое нежное лицо.

П е р ф е к т как переходных, так и непереходных глаголов состоит из основы прошедшего времени спрягаемого глагола, связки в форме 3 л. ед.ч. и личных показателей. В отрицательной форме используется частица ne/n. Основное значение перфекта - состояние как результат действия.

Zehr/i/ xem şîyen ne kam/i/ şadîm (149)

Яд печали проник в уста моей радости.

Keftenî ne hak mekerat ramal (252)

/Теперь/ ты лежишь /букв. упал/ на земле /и/ тебя топчут
ногами.

Ne şeşmey heyat awman werden (210)

Мы испили воду из источника жизни.

Watim namani hergez hay şeşen (87)

Сказал я - прежде ты никогда не приходила, в чем же дело?

Как и в формах простого прошедшего и прошедшего длительно-го времени перфект переходного глагола характеризуется смешанным спряжением. Ср.: şeşit waten (90) и wêt waten (136); nasten (128) и nastenîş (409); besten (266) и -ş besten (472); dan (102) и -ş dan (190) и др.

Анализ материала свидетельствует о том, что в форме 3 л. ед. ч. перфект переходного глагола чаще спрягается по типу непереходных глаголов, т.е. без энклитического местоимения в качестве личного показателя. Так подсчеты показали, что глагол awerd в 3 л. ед.ч. 2 раза отмечен с энклитикой -ş в качестве личного показателя и 10 раз без энклитики; глагол berd - I раз с энклитикой -ş и II раз без энклитики; глагол kerd - I раз с энклитикой и более 40 раз - без энклитики и т.д.

П л ю с к в а м п е р ф е к т как переходных, так и непереходных

ходных глаголов состоит из причастия прошедшего времени спрягаемого глагола, глагола *bî(ey)* 'быть' в форме 3 л. ед.ч. прош.вр. *bê* и личных показателей. Отрицательная форма содержит частицу *ne*. Основное значение плюсквамперфекта – обозначение действия, имевшего место в прошлом:

Beîam toîç axir fencit berdebê

çend car jar/î/ mar/î/ dûrît werdebê (II6)

Но ведь и ты перенес столько страданий,

Сколько раз ты выпивал яд змеи разлуки.

Reşew wêney wêr niştebêr xecîl (87)

По своему обыкновению сидел я [как-то] расстроенный и пристыженный.

Werne kizey dil sa neşeftebêr (52I)

Иначе почему ты не услышала [тогда] боли моего сердца.

Qelaw wîrîm seyl/î/ hûnaw berdebê (I52)

Кровавый поток [слез] снес крепость моего разума.

Ср. с примером, где тот же глагол в качестве личного показателя имеет энклитику 3 л. ед.ч. *-ê*, примыкающую к прямому объекту:

Ta îse çend car Beîdaş berdebê

До сих пор сколько раз [река эта] сносила Багдад.

Как показывает материал, при переходном глагоде личный показатель в виде энклитического местоимения, как правило, отсутствует в 3 л. ед.ч. Так, например, глагол *berdey* в указанной форме отмечен I раз с личным показателем и 6 раз – без него.

Прошедшее сослагательное (сослагательное II) состоит из прошедшей основы, осложненной суффиксом *-a⁶*, личных показателей и факультативного префикса *bî/b*, в отрицательной форме заменяемого префиксом *-ne*. Сослагательное II служит для выражения возможного или желаемого в прошлом или в будущем действии (как реального, так и ирреального):

Bişîame we seyr ser seraw u çemen

Naîeman kerda çenî bulbulan (55)

Отправились бы мы гулять по лугам да источникам,

Стали бы петь [букв. стонали бы] вместе с осоловьями.

Ax rey xelwetê bidîam we bê xem

Siway to didem kes nedîam we çem (57)

[Найти бы] уединенное место [откуда] я созерцал бы [тебя] без [всякой] печали.

[И] ни на кого, кроме тебя, родная, не смотрел бы.

Wer ne min wey tewr kêşam siz u derd

Eger seng bîa mekerdîş we gerd (272)

Иначе, ведь я испытал столько мук и страданий,
 /Что/ будь на моем месте камень, они превратили бы его в
 пыль.

Перфект сослагательного наклонения (сослагательное III) представляет собой сочетание причастия прошедшего времени с глаголом *bi(eu)* 'быть' в форме 3 л. ед. ч. сослагательного I и личных показателей. В отрицательной форме употребляется частица *ne*. Эта форма служит для обозначения предполагаемого, возможного в прошлом действия:

Er carê fâgem xêlet kerdebo

Ėam we ser adab hie neberdebo

Kese xatiriş se men eşa bo

Ya xud fencêweş perêş kêşo bo ... (270)

Если я хотя бы раз пошел по неверному пути

/И/ не последовал /принятому в обществе/ правилу,

/Если/ я причинил чьей либо душе боль,

Или кто-то пострадал из-за меня... /пусть простят меня/.

Señînit zehmet/i/ nîgam kêşabo

Kef/i/ pat we xar/i/ dîdem eşabo (?)

/Должно быть/ твое /нежное/лицо испытало беспокойство /от/
 моего взгляда,

/А/ ступни твоих ног испытывали боль /от/ ресниц /букв.

шипов/ моих глаз /когда ты ступила на них/

Er çend hefteyê 'umrim mendebo

Belkim dîrîy to lêş nesendebo (234)

Если бы мне оставалось несколько недель жизни,

Пусть /и тогда/ разлука не отняла бы /них/ у меня.

-
1. Диван Маулави. ۱۹۲۱. دیوانی مولوی. به غزل.
 2. Глаголы приводятся в форме основы прошедшего времени.
 3. В скобках указана частотность употребления той или иной формы.
 4. Ср. с аналогичной формой, образуемой от глагола *çûn* в сорани: *biço* 'ступай', 'иди'.
 5. Употребление формы простого прошедшего времени в условиях предложения в значении будущего Д.Н.Маккензи относит к одному из главных признаков, отличающих, по его мнению, аврамани от курдского языка. Однако, аналогичное употребление указанной формы имеет место как в северных, так и в южных диалектах курдского языка. Ср. в курманджи: *hekî baran barî em naçin* 'если пойдет дождь (букв. полил), мы не поедем' и в сорани: *eger baran daykird naçîne derewe* 'если пойдет (букв. полил) дождь, мы не

пойдем'.

6. Данный суффикс в том же употреблении отмечен в северных диалектах (курманджи), тогда как в южных (сорани) ему соответствует суффикс *ауе*.

С П И С О К
ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ К.К.КУРДОВА*

- Об изафете в курдском языке. - Революция и письменность. М., 1933, № 1(16), с. 51-56 (совм. с А.Шамиловым и И.И.Цукерманом).
- О проблеме рода в курдском языке. - Письменность и революция. М.-Л., 1933, с. 160-178 (совм. с А.Шамиловым и И.И.Цукерманом).
- Краткая грамматика курдского языка. Ереван-Тбилиси, 1936, 109 с. (На курд. яз.).
- Образование сложных глаголов в курдском языке. Тезисы к дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1940, 4 с. (ЛГУ).
- Зарубежная курдская литература о СССР. - Науч. сессия 1948 г. Лен. гос. ун-та. Тезисы докл. по секции востоковедения Л., 1948, с. 45-46.
- Курдские тексты. (Текст, пер., примеч.). - Иранские языки. М.-Л., 1950, с. 29-60 (совм. с И.И.Цукерманом).
- Зарубежная курдская литература о положении курдов в СССР. - Учен. зап. ЛГУ, № 128. Сер. востоковед. наук. Вып. 3. 1952, с. 136-150.
- Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии. - Учен. зап. ЛГУ, № 179. Сер. востоковед. наук. Вып. 4. 1954, с. 120-137.
- Критика ошибочных взглядов на курдский язык. - Краткие сообщ. ИВ АН СССР. Вып. 12. М., 1955, с. 43-61.
- Хачатур Абовян как курдовед-этнограф. - Изв. АН Арм.ССР. Сер. обществ. наук. Ереван, 1955, № 10, с. 89-98.
- Грамматика курдского языка. (Для средних школ). Ереван, 1956, 174 с. (На курд. яз.).
- Нумеративные слова в курдском языке. - Краткие сообщ. ИВ АН СССР. Вып. 22. М., 1956, с. 28-36.
- Хачатур Абовян как курдовед-исследователь. - Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956, с. 360-380.
- Грамматика курдского языка (курманджи). Фонетика. Морфология. Л., АН СССР, 1957, 343 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Курдский язык. - Современный Иран. М., АН СССР, 1957, с. 60-75.
- Курды. - Народы Передней Азии. М.-Л., АН СССР, 1957, с. 242-260.
- To be: Central Asian Review. L., 1959. Vol. 7, N 2, с. 176-

* Сост. Ж.С.Мусаэлян. В список не включены рецензии, редакционная работа, статьи в советской и зарубежной прессе.

178, 189-193.

К вопросам словообразования в курдском языке. - Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.-Л., 1958, с. 109-142.

О двух принципах образования сложных слов подчинительного типа в курдском языке. - Краткие сообщ. ИВ АН СССР. Вып. 29. М., 1959, с. 65-74.

Труды П.И.Лерха по курдоведению. (К вопросу об изучении истории курдов в России). - Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 4. М., 1959, с. 39-51.

То же: Труды Курдской Академии наук Ирака. Т. 2. Багдад, 1974, с. 624-664. (На курд. яз.).

Грамматика курдского языка для средней школы. Бреван, 1960. (На курд.яз.).

Курдско-русский словарь. Ок. 34000 слов. С прилож. краткого грамматического очерка курдского языка. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960, 890 с.

Объектное и субъектное спряжение переходного глагола в курдском языке. (На материале диалектов курманджи и сорани). М., ИВЛ, 1960, 9 с. (Докл. делегации СССР на XXV Междунар. конгрессе востоковедов).

О значениях и функциях суффикса -к (-ака) в курдском языке. - Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А.Орбели. М.-Л., 1960, с. 361-366.

Развитие советского курдоведения. - Учен. зап. ИВ АН СССР. Т. 25. М., 1960, с. 57-67.

То же: Central Asian Review. L., 1961. Vol.9, N I, с. 66-77.

История курдской лексикографии. - Ронахи. Багдад, 1961, № 7-8, с. 3-II. (На курд. яз.).

Конгресс востоковедов. - Ронахи. Багдад, 1961, № 5-6, с. 42-46. (На курд. яз.).

Курдские пословицы и поговорки. Собр. и пер. - Пословицы и поговорки народов Востока. М., ИВЛ, 1961, с. 330-339. (совм. с М.Б.Руденко).

Курдский язык. М., ИВЛ, 1961, 80 с. (Языки зарубежного Востока и Африки).

Маме и Айше. Сева Аджи. Дымдым. Текст и пер. - Курдские эпические песни-сказы. М., ИВЛ, 1961, с. 15-23, 29-36, 112-135, 139-146, 151-157, 210-230.

Из курдского эпоса. - Иранский сб. М., 1961, с. 249-255 (совм. с И.И.Цукерманом).

Суффиксация в курдском языке. - Краткие сообщ. Ин-та народов

Азии АН СССР. Вып. 67. М., 1963, с. 31-37.

Ученые протестуют. - Азия и Африка сегодня. М., 1963, № 10, с. 29-30.

Сравнительная грамматика курдского языка (на материале курманджи и сорани). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1965, 71 с.

Энклитические местоимения в курдском языке. - III и ПИКНВ. I годич. науч. сессия ЛО ИНА. Л., 1965, с. 56-58.

Курдоведение в Ленинграде. - Чийа. Берлин, 1967, № 4, с. 4-5; 1968, № 5, с. 4-5. (На курд. яз.).

Книги и статьи по курдоведению. - Чийа. Берлин, 1968, № 6, с. 3-4; № 7, с. 8-9. (На курд. яз.).

Патриотические идеи в произведениях Ахмеда Хани. - Чийа. Берлин, 1968, № 7, с. 3-6; № 8, с. 3-4. (На курд. яз.).

Об одном толковании сведений Ксенофонта о кардухах. - Иранская филология. Краткое изложение докл. науч. конференции, посвященной 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 25-26.

Позиция союзного слова в курдском языке. (К вопросу о роли инверсии в курдском языке). - III и ПИКНВ. V годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. Л., 1969, с. 136-138.

Объектная и безобъектная конструкции в заза и курманджи. - Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. К 70-летию со дня рождения проф. В.И.Абаева. М., 1970, с. 30-34.

Труды Аминэ Авдала (1905-1961) по курдской этнографии. - III и ПИКНВ. VI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1970, с. 54-56.

Об авторстве и языке религиозных книг курдов-езидов XI-XII вв. - III и ПИКНВ. VII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1971, с. 22-24.

Курдоведение. - Азиатский музей - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., "Наука", 1972, с. 380-399. Пер. на араб. яз.: History of Orientalism and - Arab and Kurdish studies and the Institute of Oriental studies in Leningrad (1818-1968). Written by a group of soviet orientalists. Transl. into Arabic with introd. and commentary by dr. Marouf Khaznadar. Baghdad, 1980, p. 237-263.

Об алфавите езидских религиозных книг. - III и ПИКНВ. VIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1972, с. 196-199.

Префиксация как способ словообразования в курдском языке. - Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972, с. 40-53 (М-во высш. и сред. спец.

образования Уз.ССР. Тр. Самаркандского гос. ун-та им.Алишера Навои. Новая сер. Вып. № 225).

Академик И.А.Орбели и курдоведение. – Историко-филологический журнал. Ереван, 1973, № I (60), с. 61-70. Рез. на арм. яз.

То же: – Труды Курдской Академии наук Ирака. Т. 3. Багдад, 1975, с. 113-117, (На курд. яз.).

К семантическим основам словообразования сложных слов посредством глагольных основ. – Труды Самаркандского гос. ун-та им. Алишера Навои. Новая сер. Вып. № 246, 1973, с. 12-20.

О езидских религиозных текстах, их языке и алфавите. – Труды Курдской Академии наук Ирака. Т. I. Багдад, 1973, с. 132-172. (На курд. яз.).

О религиозных письменных и устных текстах курдов-езидов. – III и ПИКНВ. IX годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1973, с. 61-65.

Лексико-грамматическое значение глагола *şûn* в курдском языке. – III и ПИКНВ. X годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1974, с. 138-141.

Изучение курдской литературы в Ираке. – Народы Азии и Африки. 1975, № 2, с. 171-179.

О некоторых ошибках по истории и языку курдского народа. Пер. ст., изданных на рус. яз. Багдад, 1975, 166 с. (На курд. яз.).

Об изафетном показателе множественного числа в мукри. – III и ПИКНВ. XI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. Ч. 2. М., 1975, с. 64-68.

Категория рода и объектная конструкция в заза. – Иранское языкознание. (К 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976, с. 104-118.

Курдские фольклорные тексты. Багдад, Изд-во Курдской АН, 1976, 269 с. (На курд. яз.).

Еще раз о формах множественного числа имени в курдском языке. – III и ПИКНВ. XII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. Ч. 2. М., 1977, с. 256-259.

К изучению курдских племен (по материалам XVI-XX вв.). – III и ПИКНВ. XIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1977, с. 29-35 (совм. с Ж.С.Мусаевян).

О некоторых толкованиях сведений Ксенофонта о кардухах. – Вопросы иранской и общей филологии. (В честь 70-летия В.И.Абаева). Тбилиси, 1977, с. 184-191.

Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., "Наука", 1978, 290 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

Народные варианты и литературная версия поэмы Ахмаде Хани "Мам и Зин". – Труды Курдской Академии наук Ирака. Т. 6. Багдад,

1978, с. 76-108. (На курд. яз.).

Грамматика курдского языка для 3-4 классов. Ереван, 1979, II2 с. (На курд. яз.).

Грамматика курдского языка для 8-го класса. Ереван, 1979, I67 с. (На курд. яз.).

Сборник курдских вариантов эпоса "Ростаме Зал". - III и ПИКНВ. XIV годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. Ч. I. М., 1979, с. 38-43.

Творчество курдского поэта начала XIX в. Кадыра Коя. - Азади. Париж, 1979, № 5. (На курд. яз.).

Грамматика курдского языка. Франкфурт на Майне, "Комкар", 1981, 194 с. (На курд. яз.).

Обзор курдского журнала "Хавар". (Из истории курдской периодической печати). - III и ПИКНВ. XV годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. Ч. I (I). М., 1981, с. 31-36.

Предисловие. - Джигархун. Диван. Стокгольм, 1981, с. 5-33. (На курд. яз.).

К истории курдской периодической печати (газета "Курдистан"). - III и ПИКНВ. XVI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1982, с. II9-I25.

История курдской литературы. /Ч./I. Стокгольм, 1983, 192 с.; /Ч./ 2. Стокгольм, 1985, 178 с.

Курдско-русский словарь (сорани). Ок. 25 000 слов. Предисл., таблицы спряжения глаголов К.К.Курдоева. М., "Русский язык", 1983, 752 с. (совм. с З.А.Дзуповой).

Собственные имена в курдском языке. - Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XIII. Курдоведение. Ереван, 1985, с. I90-I97. Рез. на арм. яз.

Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан ("Древняя история Курдистана"). Т. I. Пер. "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси с перс. яз. на курд. яз. (курманджи). Изд. текста, предисл., указ. и оглавление М., "Наука", 1986, 342 с. (совм. с Ж.С.Мусаэ-лян).

Список сокращений

АВЛСИВ	- Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
АВПР	- Архив внешней политики России.
АГПБ	- Архив Государственной Публичной библиотеки
ИВ АН СССР	- Институт востоковедения Академии наук.
ИВЛ	- Издательство восточной литературы.
ИКОИЕГО	- "Известия Кавказского отдела Императорского географического общества".
Имп. АН	- Императорская Академия наук.
ИЭ АН СССР	- Институт этнографии АН СССР
КСИЭ	- "Краткие сообщения Института этнографии АН СССР". М., -Л., М.
ЛГУ	- Ленинградский Государственный Университет.
ЛО ААН	- Ленинградское отделение Архива Академии наук.
ЛО ИВ АН СССР	- Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.
ПП и ПИКНВ	- "Письменные памятники и памятники культуры народов Востока". М.
РГО	- Российское географическое общество.
СЭ	- "Советская этнография". М., -Л., М.
ТИЭ	- "Труды Института этнографии АН СССР им. Н.И. Миклухо-Маклая".

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Анвар Кадыр-Мухаммед. Траурные элегии в лирике курдского поэта Маулави	4
Богословская И.В. Традиционная одежда курдов Ирана и Ирака в собрании Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого	16
Васильева Е.И. Книга по истории Курдистана, которая остается найденной	33
Жабриков А.П. К историографии курдского скотоводства (по этнографическим материалам)	60
Жигалина О.И. Курдская проблема и англо-русские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке	72
Мусаэлян Ж.С. А.Д.Жаба и курдоведение	83
Сафонова Н.Г. Глагольные формы в курдском диалекте горани (по тексту поэмы "Бежан Манидже")	99
Смирнова И.А., Эйюби К.Р. Современный вокализм курманджи . .	114
Юсупова З.А. Глагол в языке "Дивана Маулави" на курдском диалекте аврамани	147
Список основных научных трудов К.К.Курдоева (сост. Ж.С.Мусаэлян)	164
Список сокращений	169

Подписано к печати 03.07.91
Усл. п.л. 10,75. Усл. кр.-отт. 10,88. Уч.-изд. л. 10,14
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Зак. 190. Цена 3 р.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

